

Гибельный Тупик

Филип Кайндред Дик

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Богословская система, описанная в этом романе, не имеет аналогов ни в одной из известных религий. Она возникла благодаря попыткам Уильяма Зарилла и моим разработкам создать абстрактную, логически непротиворечивую систему религиозного мышления, основывающуюся на принимаемом без каких-либо доказательств постулате о том, что Бог существует. Я бы в дополнение к этому хотел еще сказать, что ныне усопший епископ Джеймс Пайк, дискутируя со мной, предоставил мне для изучения поистине сокровищницу материалов, дотоле мне совершенно неизвестных.

Описание в романе ощущений Мэгги Уолш, испытанных ею после смерти, основывается на моем собственном опыте опробывания действия ЛСД вплоть до мельчайших подробностей.

Подход ко всему, описываемому в этом романе в высшей степени субъективен, реальная действительность в нем отражается опосредствовано, преломляясь через рассудок того или иного персонажа. Поэтому точка зрения меняется от раздела к разделу, хотя большинство событий показаны сквозь призму психики Сета Морли.

Все, связанное с Вотаном и гибелью богов, основывается скорее на версии, которой придерживался Вагнер в своем оперном цикле "Кольцо Нибелунгов", чем на совокупности соответствующих мифов.

Ответы на вопросы, заданные тэнчу, имеют своим источником китайскую "Книгу Перемен".

"Тэкел Упарсин" - выражение, на арамейском языке означающее: "Ты был взвешен на весах, найден очень легким, и царство твое будет поделено". Как раз на арамейском языке говорил Иисус Христос.

Глава 1

Работа его, как всегда, вызывала у него одну только скуку. Поэтому он еще на прошлой неделе вошел в помещение, где был установлен корабельный передатчик, и подсоединил его выводы к электродам, навечно вделанным в шишковидные наросты на задней части его черепной коробки. Выводные проводники передали его молитву-прошение в передатчик, а оттуда она была перенаправлена в ближайшую радиорелейную сеть. Его прошение в течение нескольких дней распространялось по всей Галактике и дошло - он очень на это надеялся - до одной из планет, называвшихся в обиходе "Обителями Богов".

Его молитва-прошение была очень простой.

"Эта дурная работа по проведению инвентаризации до чертиков мне наскучила, - так взмолился он. - Это очень рутинная работа - корабль слишком огромен, и к тому же на нем чересчур раздутые штаты. Я стал здесь совершенно бесполезен. Не могли бы Вы помочь мне подыскать какую-нибудь более творческую работу, которая вызывала бы у меня больший интерес?"

Свое прошение он адресовал, как и положено, Заступнику. Если бы эта просьба была оставлена без внимания, он незамедлительно переадресовал бы ее Наставнику.

Но его прошение было удовлетворено.

– Мистер Толлчифф, - произнес инспектор, входя в его крохотную рабочую клетушку. - Вас переводят, что вы на это скажете?

– Я передам свою благодарность, - ответил Бен Толлчифф.

Настроение у него было превосходным. Как это всегда прекрасно, когда прислушиваются к твоей просьбе и удовлетворяют ее!

– Когда осуществится перевод? Скоро? - Он никогда не скрывал своей неприязни к инспектору. Даже сейчас он не испытывал ни малейших побуждений вести себя иначе.

– Бен Толлчифф, - хмыкнул инспектор, - прямо-таки молящийся богомол.

– А вы сами никогда ни о чем не просите? - Удивленно спросил Бен.

– Только тогда, когда не остается иного выхода. Мне больше по нраву те, кто полагаются на самих себя при разрешении вставших перед ними затруднений, не прибегая к посторонней помощи. Тем не менее, решение о вашем переводе остается в силе. - Инспектор бросил документ на письменный стол перед Толлчиффом. - Небольшой поселок на планете под названием Дельмак-О. Мне о ней ничего не известно, но я не сомневаюсь, что все прояснится, когда вы туда придете. - Он задумчиво посмотрел на Бена. - Вам предоставляется право воспользоваться одним из корабельных яликов, заплатив три серебряных доллара.

– Годится, - произнес Бен и встал из-за стола, подхватив документ. На экспресс-лифте он спустился в помещение корабельного передатчика, где обнаружил операторов, под завязку загруженных самыми различными корабельными делами.

– У вас сегодня попозже будут хоть какие-нибудь перерывы в работе? - спросил он старшего радиооператора. - У меня есть еще одна просьба, но мне не хотелось бы загружать ею ваше оборудование, покуда оно занято более неотложными делами.

– Оно занято весь день, - ответил старший радиооператор. - Мы ведь уже пропустили одно твое прошение на прошлой неделе. Тебе не кажется, что этого вполне достаточно?

Главное - это то, что я попытался, - так рассуждал Бен Толлчифф, покидая помещение радиорубки, где столь усердно трудились операторы, на обратном пути в свою каюту. - Если и всплывет когда-нибудь необходимость объясниться, я могу сказать, что сделал все, что было в моих силах, однако, как обычно, все каналы связи были заняты служебной информацией.

Он чувствовал, как все больше в нем нарастает предвкушение будущей творческой работы, которой он в конце концов добился, и притом, именно тогда, когда он особенно в ней нуждался. Побудь я здесь еще несколько недель, отметил он про себя, и мне стало бы совсем неважно, как это уже не раз бывало. Вот почему, понял он, мне и был дарован этот перевод. Они понимают, что я вот-вот надломлюсь. Меня скорее всего повязали бы и швырнули в корабельный карцер вместе с - сколько там сейчас, таких же несчастных как он, томится... - сколько бы их там не было. Человек десять, пожалуй, что ж, не так уж много для корабля таких размеров. И с такими строгими требованиями дисциплины.

Из верхнего ящика своего пенала он извлек непочатую бутылку виски "Питер Доусон", взломал сургуч, отвинтил крышку.

Скромное возлияние, сказал он самому себе, наполняя коричневой жидкостью походную кружку. И празднование. Боги высоко ценят соблюдение ритуалов. Он выпил виски, затем снова наполнил кружку.

А чтобы ритуал был еще более торжественным, он достал - хотя и без особой охоты - свой экземпляр "Библии" - дешевое издание в мягкой обложке, но это была единственная книга, которая принадлежала ему лично, почему он и относился к ней несколько сентиментально. Полное ее название ее было: "Как я восстал из мертвых в свое свободное время, поэтому это можете сделать и Вы". Автор - Э. Ж. Спектовский. Открыв ее наугад (способ, в высшей степени

достойный одобрения), он перечел несколько абзацев этого великого коммунистического богослова двадцать первого столетия.

"Бог не является существом сверхъестественным. Его существование явилось первым и наиболее естественным способом выражения бытия".

Что верно, то верно, - отметил про себя Бен Толлчифф, что и было доказано последующими богословскими изысканиями. Спектовский был в равной степени как пророком, так и мыслителем. Все, что он предсказывал, рано или поздно сбывалось. Оставалось, разумеется, еще довольно много такого, что требовало дальнейшего выяснения. Например, причина пришествия в бытие Наставника (если только не удовлетвориться вместе со Спектовским верой в то, что существа такого ранга являются самозарождающимися и существующими вне времени, а, следовательно, не подчиняющимся причинно-следственным законам). Однако все самое главное было на этих многократно перепечатающихся страницах.

"С каждым днем все большим кругом могущество, доброта и всеведение Бога ослабляются, так что на периферии самого большого круга творимое им добро совсем невелико, и столь же невелика и его осведомленность - слишком невелика, чтобы сдерживать деятельность Форморазрушителя, который как раз и проник в бытие в результате божественного акта творения Формы. Само происхождение Форморазрушителя неясно; например, нельзя сказать с полной определенностью, является ли он сам с самого начала существом, ничего общего не имеющим с Богом, или Форморазрушитель есть еще одна ипостась Бога, будучи не чем иным..."

Ему надоело читать и, приложившись еще разок к виски, он принялся устало потирать лоб. Ему было уже сорок два года, и он много раз перечитывал "Библию" Спектовского. Жизнь его, хотя он не так уже и мало прожил, не изобиловала какими-либо примечательными событиями, во всяком случае, до сих пор. Он переменил немалое количество различных профессий, всякий раз работая достаточно добросовестно, но по сути особым рвением не выделялся.

Может быть, отметил он про себя, на этой новой работе я смогу проявить себя куда лучше. Может быть, это мой крупный шанс отличиться.

Сорок два года. Его возраст вот уже немало лет поражал его, и, каждый раз задумываясь над этим, он так и застывал, пораженный, недоумевая, что же все-таки получилось из того совсем молодого и щуплого мужчины, каким он был в двадцать лет, как же так вышло, что незаметно, как песок сквозь пальцы, уходили годы его жизни, а он так до сих пор еще и сумел определиться как личность. Перед своим мысленным взором он все еще казался себе совсем юношей, и, когда он видел свое изображение на фотографиях, ему становилось просто дурно. Поэтому, например, они брился теперь только электробритвой, чтобы не глядеть на себя в зеркале ванной комнаты. Кто-то другой забрал у него его подлинный внешний облик и подменил вот этим, так ему время от времени начинало казаться. Так-то вот. Он тяжело вздохнул.

Из всех его жалких занятий удовольствие доставило только одно, и он вспоминал о той своей работе. В 2105 году он работал оператором подпольной радиостанции, передававшей в эфир только музыку. Она была установлена на борту огромного звездолета с колонистами, направлявшимися на одну из планет системы Денеба.

В хранилище записей он отыскал все симфонии Бетховена, валявшиеся вперемежку со струнными версиями "Кармен" и опер Делиба, и он проигрывал Пятую, свою самую любимую, тысячу раз по корабельной трансляционной сети, опутавшей весь корабль, где громкоговорители стояли в каждой кабине и в каждом служебном помещении. Но что оказалось самым странным, так это то, что никто не жаловался, и он продолжал крутить Бетховена, изменив, в конце концов, Пятой ради Седьмой, а уже в самом конце путешествия - Девятой симфонии, верность которой он уже сохранял затем всю свою жизнь.

Может быть, что мне на самом деле нужно - так это хорошенько отоспаться, - подумал он.

Погрузиться в некое подобие сумерек жизни, чтобы воспринимался только легкий фон из звуков Бетховена. Все остальное должно уйти в небытие.

Нет, - решил он. Я хочу БЫТЬ! Я хочу действовать и хоть чего-то достичь в жизни. И с каждым годом это становится для меня все более необходимым. Но с каждым прожитым годом эта возможность все дальше и дальше ускользает от меня. Только вмешательство Наставника может подействовать моему возрождению.

Только ему одному дано приостановить процесс распада, заменив то, что отслужило свой срок, новым и, притом, более совершенным. А затем процесс распада коснется и этого нового. Форморазрушитель не дремлет - но и Наставник знает свое дело туго. Это как при смене старых пчел в рое; те, у которых износились крылья, погибают, а их место занимают более молодые особи. Но сам я не могу так сделать. Я распадаюсь и становлюсь добычей Форморазрушителя. И мне от этого становится все хуже и хуже.

- Боже, - взмолился он. - Помоги мне! Но не тем, что заменишь меня кем-то другим. С космической точки зрения, в этом, наверное, нет ничего плохого, но прекращение собственного существования - это совсем не то, к чему я стремлюсь. И, наверное, ты понял это, когда ответил на мою просьбу.

От выпитого виски его потянуло ко сну. С огорчением он вдруг обнаружил, что стал клевать носом. Нужно немедленно взбодриться, вот что решил он. Поэтому рывком вскочил на ноги, включил портативный плейер, выхватил наугад видеодиск и поставил его на вертушку. Тотчас же засветилась вся дальняя стена каюты, по ней одно за другим стали перемещаться яркие, но смутно различимые изображения, фигуры на экране были неестественно плоскими. Он машинально отрегулировав резкость. Фигуры стали объемными. Тут же он включил и звук.

"... Леголас прав. Зачем нам пристреливать старика вот так неожиданно, даже не дав ему сообразить, что к чему, какие бы сомнения и страх не двигали нами? Давайте понаблюдаем и подождем!"

Бодрящие слова старинного эпоса вернули его к действительности. Он подошел к столику, поудобнее уселся и вынул документ, который передал ему инспектор. Нахмурившись, стал изучать закодированную информацию, пытаясь ее расшифровать. Его новая судьба была начертана цифрами, перфорационными отверстиями и буквами, - вся та жизнь, что ждала его впереди.

"... Вы говорите так, будто хорошо знаете Фангорна. Но разве это так?"

Видеодиск продолжал вращаться, но он больше уже не слышал воспроизводимых звуков. Он начал улавливать суть зашифрованного послания.

"Что вы еще должны сказать такое, чего не говорили при нашей прошлой встрече?", - раздался вдруг громкий властный голос прямо рядом с ним.

Он поднял голову и увидел перед собою облаченную во все белое фигуру Гандальфа. Ему даже почудилось, что это именно к нему, Бену Толлчиффу, обращается Гандальф, требуя от него объяснения.

"Или, наверное, у вас на уме такое, что и словами не выразишь?" - продолжал Гандальф.

Бен поднялся, подошел к плейеру и выключил его. - Я еще не созрел для того, чтобы отвечать вам, Гандальф, - сказал он про себя. - У меня впереди немало дел, по-настоящему серьезных дел. Я не могу позволить себе таинственных, нереальных разговоров с мифологическим персонажем, который, по всей вероятности, на самом-то деле и не существовал никогда. Вечные ценности для меня лично вдруг перестали что-либо значить. Мне нужно сейчас здесь разгадать смысл вот этих чертовых перфораций, букв и чисел.

И тут он начал постепенно постигать их сокровенный смысл. Осторожно вернул на место завинчивающуюся крышку бутылки, пошатал ее слегка, чтобы проверить, насколько плотно она

завинчена.

Отправляется он в одиночку на борту ялика. Уже в поселке он присоединится примерно к дюжине других переселенцев, подобранных из самых различных мест проживания. Квалификация - пятый разряд, оплата по тарифной сетке К-4. Максимальное время пребывания - два года. Полный пансион и льготное медицинское обслуживание с того момента, как он туда прибудет. Все остальные полученные им ранее указания с данного момента теряют силу, из чего следовало, что отправляться он может немедленно. Ему не надо даже заканчивать эту свою инвентаризацию до того, как можно будет покинуть этот корабль.

И у меня есть три серебряных доллара за фрахт ялика, отметил он про себя. Вот так-то. Об остальном даже не стоит беспокоиться. Кроме...

Ему не удалось выяснить, в чем именно будет состоять его работа. Буквы, цифры и перфорации ничего не раскрыли ему, или, правильнее сказать, он был не в состоянии заставить их передать ему вот эту последнюю информацию, - пожалуй, самую для него существенную.

И все же, даже то, что ему удалось выяснить, выглядело весьма привлекательно. Мне там понравится, заранее решил он.

Гандальф, подумал он, мне не нужно больше ничего утаивать от кого бы то ни было. Мне повезло, далеко не всегда приходит столь быстрый ответ на молитву-прошение, я это хорошо знаю по собственному опыту. Я не стану мешкать. Вслух же он произнес:

– Гандальф, ты существуешь только в людском воображении, а вот то, что сейчас здесь, у меня, исходит от Единственного. Истинного и Живого Божества, которое абсолютно реально. Чего ж мне желать большего?

Но вокруг была тишина - да и видеть Гандольфа он уже больше не мог, так как выключил запись.

– Может быть, когда-нибудь, - продолжил он, - я скажу то, что хотел сказать. Но не здесь. И не сейчас. Ты меня понял?

Он еще какое-то время чего-то ждал, впитывая в себя тишину, понимая, что он мог бы начать это последнее объяснение с Гандольфом хоть сейчас и так же его закончить простым прикосновением к выключателю звука.

Глава 2

Сет Морли аккуратно разрезал ножом с пластмассовой рукояткой головку лежащего перед ним швейцарского сыра со словами:

– Я уезжаю. - Он отрезал крупный ломоть сыра и поднес его к губам на лезвии ножа. - Завтра вечером. Прощай, киббуц "Тэкел Упарсин".

Он ухмыльнулся. Главный инженер киббуца совершенно не разделял его приподнятого настроения. Он сидел насупленный, и его недовольство прямо-таки наполняло помещение конторы.

– Мой муж, - тихо сказала Мэри Морли, - обратился с прошением о переводе восемь лет тому назад. Мы никогда не собирались оставаться здесь. Вам это было известно.

– И мы собираемся умотать отсюда вслед за ними, - заикаясь от волнения произнес Майкл Ниманд. - Вот что получилось из вашей затеи пригласить сюда высококвалифицированного гидробиолога, которого вы заставили таскать каменные глыбы из этого чертова карьера. Нам обрыдла такая работа. - Он подтолкнул свою миниатюрную жену Клэйр. - Разве не так?

– Поскольку на этой планете не оказалось водных пространств, - скрипуче произнес Госсим, - у нас не было возможности использовать гидробиолога по его основной специальности.

– Но ведь вы восемь лет тому назад дали объявление о том, что вам требуется гидробиолог, - не унималась Мэри Морли, от чего Госсим еще больше нахмурился. - Это вы совершили ошибку, не мы.

– Однако, - попытался было возразить Госсим, - здесь ваш дом. Всех вас, - он обвел рукой служащих киббуца, толпившихся у входа в контору. - Мы все это возводили собственными руками.

– Да и здешний сыр, - продолжил Сет Морли, - просто пакость. Как и эти кваккипы, от которых смердит, как от прошлогоднего нижнего белья Форморазрушителя. - Век бы не видел ни этот сыр, ни этих кваккипов. - Он отрезал себе еще один ломоть швейцарского сыра и, обращаясь к Ниманду, произнес, - Вам нельзя с нами. Нам предписано отправляться в полет на борту ялика. Это раз. Ялик вмещает только двоих - в данном случае это я и моя жена. Вас же тоже двое, откуда следует, что вы в нем не поместитесь. Это два. Следовательно, оставайтесь здесь.

– Мы воспользуемся своим собственным яликом, - возразил ему Ниманд.

– У вас нет распоряжения на сей счет, так же, как и разрешения на перевод на Дельмак-О, - со ртом набитым сыром прошамкал Сет Морли.

– Вы просто не хотите быть с нами, - произнес Ниманд.

– Никто не хочет быть с вами, - буркнул Госсим. - Как по мне, так без вас нам будет куда лучше. Вот Морли - это совсем другое дело. Мне было бы очень жаль, если бы они пропали почем зря.

– Значит, - гневно сверкнув в его сторону глазами, произнес Сет Морли, - вы априори расцениваете это наше новое назначение как никому ненужное.

– Это своего рода эксперимент, - сказал Госсим. - Насколько я это себе представляю. В весьма ограниченном масштабе. Тринадцать, четырнадцать человек. Теперь пришла ваша очередь перевести стрелки своих часов назад, к тому времени, когда мы здесь начинали, в "Тэкел Упарсине". Вам хочется пройти через все это еще раз? Вспомните, как много времени у нас ушло на то, чтобы укомплектовать общину всего лишь сотней Умелых, Добросовестных членов. Вы тут упомянули Форморазрушителя. А разве вы этими своими действиями не способствовали упадку Тэкел Упарсина"?

– И нарушению своего собственного душевного равновесия, - будто бы про себя, вслух произнес Морли. Теперь и ему самому стало несколько страшновато. Доводы Госсима дошли до его сознания. Этот Госсим всегда отлично владел даром слова, что вообще-то удивительно для инженера. Ведь только убежденность и красноречие Госсима удерживали всех их вместе в осуществлении общих целей все эти годы. Правда, его практикой Морли давно был сыт по горло. Слова Госсима уже не действовали на них так, как раньше. И все же в них еще оставался отблеск былой убедительности, поэтому Сет Морли не мог просто так отмахнуться от доводов этого грузного темноглазого инженера.

И все-таки, мы уходим отсюда, подумал Морьяи. Как у Гете в "Фаусте" - "Вначале было дело". Именно дело, а не слово, что особенно подчеркивал Гете, предвосхищая теорию экзистенциалистов двадцатого столетия.

– Вам еще захочется вернуться, - задумчиво изрек Госсим. Сет Морли неуверенно хмыкнул.

– И знаете, что я вам еще скажу? - громко спросил Госсим. - Если я получу от вас запрос - от вас, Морли, обоих, - на то, чтобы возвратиться сюда, в киббуц "Тэкел Упарсин", вот что я вам отвечу: "Нам здесь совершенно ни к чему ни гидробиолог, ни его жена. У нас здесь нет океана. И мы не намерены сооружать таких размеров лужу, чтобы у вас появились законные основания для работы здесь".

– Я ни о чем подобном у вас никогда не просил, - возмутился Морли.

– Но вы бы не возражали против этого.

– Да, мне очень нравятся водные пространства, - признался Морли. - Вот в чем вся суть: вот почему мы покидаем вас и вот почему больше уже никогда сюда не вернемся.

– Вы уверены в том, что на Дельмаке-О есть хоть какие-нибудь водоемы? - с ехидцей в голосе справился Госсим.

– Мне кажется... - начал Морли, но Госсим не дал ему договорить.

– Вам так казалось, - сказал Госсим, - и тогда, когда вы выбрали "Тэжел Упарсин". Вот с чего и начались все ваши неприятности.

– Я полагал, - продолжал Морли, - что раз выдаете объявление о том, что вам требуется гидробиолог...

Он тяжело вздохнул, внезапно ощутив нахлынувшую на него усталость. Повлиять на Госсима было совершенно невозможно; инженер и, одновременно, главный администратор киббуца - был глух к доводам.

– Не мешайте мне доедать сыр, - бросил Морли и принялся за следующий ломоть. Но у него уже притупился вкус - он съел его слишком много.

– Ну и черт с ним, - ругнулся он, отшвыривая нож. Все теперь его страшно раздражало, и особенно не по душе был Госсим. Он не испытывал ни малейшего желания продолжать разговор. В конце концов, главным было то, что вне зависимости от отношения к нему Госсима, ему не дано аннулировать разрешений на перевод. Это выше его полномочий.

– Вы мне до чертиков опротивели, Морли, - заявил Госсим.

– И вы мне тоже, - не остался в долгу Морли.

– Ничья, - объявил Ниманд. - Вы понимаете, мистер Госсим, что вы не в состоянии заставить нас остаться? Единственное, что вам не возбраняется, - это вопить хоть до утра.

Сделав непристойный жест а сторону Морли и Ниманда, Госсим решительно вышел вон. В конторе теперь стало совсем тихо.

Сет Морли сразу же почувствовал себя намного лучше.

– Этот спор совсем тебя измотал, - заметила его жена.

– Да, - согласился он. - Этот Госсим совсем меня замучил. Я устал от одной этой перебранки, а что уж говорить о тех восьми годах, что предшествовали сегодняшнему дню? Я пошел выбирать ялик.

Он поднялся, пересек помещение конторы и вышел под яркое полуденное солнце.

Ялик - весьма своеобразное транспортное средство, - отметил про себя Сет Морли, стоя на краю стоянки и обозревая строй неподвижно застывших крохотных космических кораблей.

Прежде всего, ялики невероятно дешевы - он мог приобрести любой из них меньше, чем за четыре серебряных доллара. Во-вторых, на них если и можно куда-нибудь добраться, но вернуться нет уже никакой возможности. Ялики были кораблями одностороннего действия в самом строгом смысле этого слова. Причина, разумеется, была простой: ялик был слишком мал, чтобы топлива в нем хватило для обратного путешествия без полной перезаправки. Все, на что способен ялик, - это стартовать с борта более крупного корабля или с поверхности планеты, взять курс на пункт своего назначения и тихо испустить дух, достигнув его. И все же, свое дело они делали. Разумные расы, будь это люди или кто-нибудь еще, стадами сновали по всей Галактике на борту этих маленьких, похожих на гондолу, космических кораблей.

Прощай, "Тэжел Упарсин, - мысленно произнес Морли и так же мысленно отсалютовал рядом оранжевых кустов, которые росли сразу же за стоянкой яликов.

Какой из них лучше всего выбрать - вот что сейчас занимало ум Сета Морли. Все они с виду одинаковые - ржавые, плохо ухоженные. Как брошенные машины на автомобильных кладбищах Терры.

Выберу себе первый попавшийся, название которого начинается с буквы "М", - решил он, и начал читать надписи на корпусах яликов.

"Мятежный Петушок". Ну что ж, пусть так и будет. Название не очень-то абстрактное, но подходящее; практически, все, включая и Мэри, всегда твердили, что ему свойственна определенная непокорность. На самом же деле, уверял он себя, у меня это обостренное восприятие всякой несправедливости. Люди путают эти качества, потому что внешние их проявления зачастую похожи.

Глянув на часы, он убедился, что у него еще есть время зайти в отдел упаковки фабрики по переработке цитрусовых, что он незамедлительно и сделал.

- Десять поллитровых банок апельсинового джема высшего сорта, сказал он клерку, заведовавшему отгрузкой. Либо он достанет их сейчас, либо никогда.

- Вы уверены в том, что вам положены добавочные десять банок? - клерк подозрительно поглядел на него, так как ему уже приходилось иметь дело с Морли.

- Можете проверить мою квоту у Джо Перзера, - ответил Морли. - Пожалуйста, стоит только поднять трубку и спросить у него.

- Я слишком занят, - произнес клерк.

Он отсчитал десять поллитровых банок основной продукции киббуца и передал их Морли в бумажном мешке, а не в картонной коробке.

- А почему не в коробке?

- Катитесь, - грубо оборвал его клерк.

Морли вынул одну из банок, чтобы удостовериться, что это на самом деле "ВК". "Джем из киббуца "Тзкел Упарсин!", гласила надпись на этикетке. "Изготовлено из настоящих севильских апельсинов, мутационная группа 3-Б. С удовольствием поставьте банку солнечной Испании у себя на кухне или на полке с продуктами!"

- Отлично! - сказал Морли. - Большое спасибо.

Он вывалил бумажный ящик из здания склада готовой продукции и снова оказался на ярком солнце.

Вернувшись на стоянку яликов, он начал загружать банки с джемом в "Мятежного Петушка". Единственный приличный продукт, производимый в этом киббуце, отметил он про себя, размещая банки одну за другой на магнитные захваты в грузовом отсеке. Боюсь, это единственное, чего мне будет не доставать.

Он связался с Мэри по рации, висевшей у него на шее.

- Я выбрал ялик, - сообщил он ей. - Приходи на стоянку, я тебе его покажу.

- Ты уверен, что он хороший?

- Неужели ты сомневаешься в моих технических способностях? - раздраженно осведомился он.

- Я проверил ракетный двигатель, электрооборудование, органы управления, каждую из систем жизнеобеспечения, абсолютно все-все.

Он затолкал последнюю банку джема в грузовой отсек и плотно прикрыл дверь.

Мэри появилась на стоянке через несколько минут, стройная, загорелая, в рубашке цвета хаки, такого же цвета шортах и в сандалиях.

- Ну, - сказала она, обзревая "Мятежного Петушка", - что до меня, то он мне кажется развалюхой. Но если ты утверждаешь, что он "о'кей", то так оно и есть, как я полагаю.

- Я уже начал загрузку, - похвастался Морли.

- Чем же?

Открыв дверь грузового отсека, он показал ей десять банок джема.

– Боже праведный, - только и могла вымолвить Мэри после продолжительной паузы.

– В чем дело?

– Ты не проверил ни двигатель, ни электропроводку. Ты занимался тем, что раздобывал этот мерзкий джем, о котором ты только и в состоянии говорить. - Она со злобной яростью захлопнула дверь грузового отсека. - Временами мне кажется, что ты не в своем уме. От надежного функционирования систем этого ялика зависят наши жизни. А вдруг откажет система снабжения кислородом или обогрева? Или в корпусе возникнет микротрещина, что повлечет за собой утечку воздуха? Или...

– Попроси своего братца проверить все это, - перебил он ее. - Поскольку ты ему доверяешь куда больше, чем мне.

– Он занят. Ты об этом знаешь.

– Лучше б он пришел сюда, - заметил Морли, - и выбрал для нас ялик. Вместо меня.

Его жена пристально на него поглядела, все ее худощавое тело подобралось в решительную позу открытого неповиновения. Затем она вся сникла, как бы покоровшись судьбе и сознавая всю нелепость ситуации, - Самое странное заключается в том, - сказала она, - что тебе всегда и во всем сопутствует удача - я имею в виду, что она с тобою всегда независимо от твоих способностей. Наверное, это действительно наилучший из имеющихся здесь яликов. Но не потому, что ты хоть немного в них разбираешься - просто потому, что ты везучий, что везение - нечто для тебя врожденное, какая-то полезная мутация.

– Это вовсе не везение. Это мое умение сделать правильный выбор.

– Нет, - Мэри отрицательно мотнула головой. - Это у тебя как раз начисто отсутствует, но тебе не надо разумно мыслить - во всяком случае, в обычном смысле. В этом-то и весь ужас положения. Мы возьмем этот ялик и нам останется только и надеяться, что, как и прежде, твоя удача нас не покинет. Но как все-таки тебе удастся так жить, Сет? - Она с нескрываемой горечью во взгляде подняла глаза, чтобы взглянуть на его лицо. - Ведь это несправедливо по отношению ко мне.

– Пока что мне удавалось поддерживать наши отношения.

– Ты держал нас здесь, в этом..., киббуце, - сказала Мэри, - целых восемь лет.

– Но теперь я же вызволил нас отсюда.

– Ради чего-то, скорее всего, худшего, что нам известно об этом новом назначении? Ничего, кроме того, что знает Госсим, - а он знает потому, что сделал своим обыкновением ознакомление с почтой всех обитателей киббуца. Он читал твою самую первую мольбу-прошение... Я не хотела тебе говорить об этом, потому что боялась сделать тебе...

– Вот гнусный тип, - в нем вскипела лютая звериная ярость, тем более болезненная из-за невозможности что-либо изменить. - Это же абсолютно бессовестно - читать чужие прошения.

– Он здесь заправила. Он чувствует себя так, будто все вокруг - его вотчина. Но ничего, мы уже отсюда сматываемся.

– Слава Богу. Не сердись. Успокойся. Все равно, ты ничего не можешь с этим поделать - он читает их вот уже многие годы.

– А что он при этом говорил, хорошо ли составлена была, по его мнению, эта просьба?

– Фред Госсим - ответила Мэри Морли, - ни за что бы этого не сказал. Мне же кажется, что она была очень прилично составлена. А как же иначе - ведь ты получил перевод!

– Я тоже так считаю. Потому что Богу, ей-ей, не очень-то положено быть чутким к молитвам своих почитателей в соответствии с теми заветами, что действовали в эпоху, предшествовавшую появлению Заступника, когда могущество Форморазрушителя было столь велико, а ниши взаимоотношения с ним - я имею в виду, с Богом - столь гадкими.

– Представляю, каково было бы тебе тогда, - злорадно заметила Мэри. - Со всеми этими твоими горькими сетованиями в отношении того, чему нас учат и что делает Наставник.

– Я был бы великим поэтом. Как Давид.

– У тебя была бы такая же ничемная работа, как и сейчас.

Сказав так, она решительно пошла прочь, оставив его у двери грузового отсека ялика, где он все еще продолжал держаться одной рукой за выстроенный им ряд припасенных банок с джемом.

От полностью завладевшего его умом и телом ощущения собственного бессилия у него перехватило дыхание.

– Ну и оставайся здесь! - крикнул он ей вдогонку, - Я отправлюсь без тебя!

Она продолжала быстро шагать под горячим солнцем, не оборачиваясь и не удосуживаясь ему ответить.

Остаток дня Сет Морли провел, загружая в "Мятежного Петушка" их нехитрый скарб. Мэри все это время не показывалась. К концу дня до него дошло, что он один делает всю положенную перед отправлением работу. Где же она? Его вдруг взволновал этот вопрос. Ведь это нечестно с ее стороны.

Тут он, как обычно, когда подходило время ужина, впал в уныние. Даже задался вопросом, стоит ли его цель тех усилий, что он затрачивает. Бросать одну никуда не годную работу ради другой такой же! Я неудачник. Мэри права, думая обо мне так. Взглянуть хотя бы на то, как неумело я загружаю сюда все это барахло. Он изумленно глядел на то, в каком беспорядке он загромоздил ялик грудями одежды, кипами книг, видеокассет, кухонными принадлежностями, медикаментами, картинами, не изнашиваемыми никогда покрывалами, шахматами, справочными дискетами, аппаратурой для связи и всяким прочим хламом. Неужели фактически вот только это мы скопили за восемь лет работы здесь? - изумленно спросил он у самого себя. Ведь здесь нет ничего мало-мальски ценного. Но даже эту дрянь он не может запихнуть как следует в ялик. Многое придется выбросить или оставить, чтобы пользовались другие. Ну нет. Лучше уж все лишнее уничтожить, - угрюмо подумал он. Нужно самым решительным образом отвергнуть саму мысль о том, что кто-то другой станет задарма пользоваться нажитым его трудами. Я сожгу все, до последнего лоскута материи, - твердо решил он. В том числе, и всю эту несусветную одежду, что Мэри понатаскала в дом как сорока, подбирая все, что поярче и побезвкуснее.

Я сложу все это барахло снаружи, решил он, а затем загружу на борт то, что принадлежит мне. А ее барахло - это ее забота. Ей совсем не помешало бы находиться здесь и помогать мне. Меня никто не уполномочил грузить ее хламе.

И пока Сет Морли стоял с огромной охапкой одежды в руках, он увидел в хмурых сумерках приближающийся к нему силуэт. Кто это, удивился он и прищурился, чтобы получше рассмотреть.

Он увидел, что это не Мэри. Какой-то мужчина, или, скорее, некое подобие мужчины. Некто в свободно спадающем к земле одеянии, с длинными волосами, свисавшими на загорелые широкие плечи. И тут Сет Морли почувствовал страх. Он понял, что это Странник-по-Земле. Который пришел, чтобы его остановить. Трясаясь от страха, он начал раскладывать одежду, которой, были заняты его руки. В душе его неистово разыграло вдруг ни с того, ни с сего пробудившаяся совесть; на него словно навалилось тяжкое бремя всех дурных поступков, что он

совершил. Месяцы, годы он не видел Странника-по-Земле вот уже очень продолжительное время, и поэтому груз, отягощающий его душу, стал почти невыносимым. От него никак нельзя было отделаться, пока его не снимет с души Заступник.

Мужская фигура остановилась прямо перед ним.

– Мистер Морли? - произнес мужчина.

– Да, - ответил он и почувствовал, как покрылся испариной его череп, как стали падать с его лица капли пота, и он сделал попытку смахнуть их тыльной стороной кисти. - Я устал, - сказал он. - Вот уже несколько часов кряду я тружусь над тем, чтобы загрузить ялик. Это очень нелегкая задача.

– Ваш ялик, - произнес Странник-по-Земле, - "Мятежный Петушок", не доставит вас и вашу маленькую семью на планету Дельмак-О. Вот почему я счел себя обязанным вмешаться, мой дорогой друг. Вам понятно это?

– Разумеется, - испытывая глубокое чувство вины, выдавил из себя Морли.

– Выберите другой.

– Хорошо, - сказал он, горестно кивая головой. - Да, сейчас же выберу. Спасибо Вам за это. По сути, вы спасли нам жизнь. Он попытался взглянуть в лицо Странника-по-Земле, чтобы выяснить, нет ли на нем выражения укора. Но этого ему так и не удалось сделать, ибо света оставалось уже немного и выражения лица в сгустившихся сумерках невозможно было разобрать.

– Я очень сожалею о том, что вам пришлось проделать столько ненужной работы.

– Ну, я бы так не сказал...

– Я помогу вам перегрузить ваши вещи в другой ялик, - сказал Странник-по-Земле. Он наклонился, подхватил грудку коробок и пошел вдоль стоящих безмолвно яликов. - Я рекомендую вот этот, - вскоре произнес он, остановившись возле одного из них и протянув руку, чтобы открыть дверь. - Выглядит он неважно, но техническое его состояние просто отличное.

– Ага! - воскликнул Морли, следуя за ним с наспех схваченной ношей, - Я хотел сказать Вам спасибо. Как он выглядит, мне безразлично, это не имеет для меня особого значения. Главное - что у него внутри делается. К яликам это относится в такой же мере, как и к людям. Он рассмеялся, но смех получился каким-то сдавленным, с хрипотцой. Он сразу же осекся, и от огромного страха, неожиданно его охватившего, пот на его затылке мгновенно стал холодным как лед.

– У вас нет никаких причин меня бояться, - заметил Странник.

– Умом я это понимаю, - ответил ему Морли.

Некоторое время он трудился молча, перетаскивая ящик за ящиком из "Мятежного Петушка" в ялик получше. И все это время Морли мучительно пытался придумать, что бы сказать Страннику, но ему это никак не удавалось. Ум его из-за страха слегка помутился. Пламя его острого интеллекта, на который он всегда так полагался, превратилось в едва тлеющее мерцание.

– Вам приходила в голову мысль обратиться за помощью к психиатру? - вдруг спросил у него Странник.

– Нет.

– Давайте-ка остановимся на пару минут и передохнем. А заодно и побеседуем немного.

– Не надо, - сказал Морли.

– Почему не надо?

– Я не хочу ничего знать. Не хочу ничего слышать... - Ему самому собственный голос показался похожим скорее на блеяние - настолько он был неуверенным и слабым, словно придавленным невежеством хозяина, обладающего вместо должного благоразумия избытком всяческих бредовых мыслей. Он понимал это, слыша свое блеяние, понимал его природу, но

упрямо продолжал цепляться за свое, и поэтому продолжил. - Я знаю, что очень далек от совершенства. Но я не в состоянии измениться. Я удовлетворен тем, какой я есть.

- И даже тем, с какой небрежностью вы выбирали для себя ялик?

- Мэри все верно поняла. Обычно удача мне не изменяет.

- Она бы тоже погибла.

Вот и скажите ей об этом. И не говорите мне, подумал он. - Пожалуйста, ничего больше мне не говорите. Я ничего не хочу знать! Странник какое-то время внимательно к нему приглядывался.

- У вас есть хоть что-нибудь, - сказал он в конце концов, - что бы вы хотели сказать мне?

- Я очень благодарен, очень-очень благодарен. За Ваше появление.

- А ведь вы много раз за прошедшие годы тщательно обдумывали, что сказать при встрече со мною. Множество всяческих мыслей приходило вам в голову.

- Я все..., позабыл, - сипло вымолвил он.

- Вы позволите мне благословить вас?

- Конечно же, - ответил он все таким же осипшим голосом.

- Но почему? Что я такого сделал? Чем заслужил подобную милость?

- Я испытываю хорошие чувства к вам, вот и все.

- Но почему? - Он никак не мог этого уразуметь. Порицания, которого он так ждал, все не исходило из уст Странника.

- Когда-то, много лет тому назад, - начал свое объяснение Странник, - у вас был кот, которого вы очень любили. Он был жадным и неверным, но вы тем не менее его любили. Однажды он подох, подавившись косточкой, что было следствием кражи останков дохлого марсианского сокола из мусорной ямы. Вы были очень опечалены, однако продолжали любить его, даже то, что составляло его сущность, и что привело его к столь жалкой гибели - его ненасытную жадность. Вы бы многое отдали за то, чтобы он оставался живым, но при этом хотели, чтобы он оставался таким, каким он был до своей гибели, жадным и нахальным, именно таким, каким вы его любили, без всяких изменений. Теперь вы понимаете?

- Я молился тогда за него, - сказал Морли. - Но помощи не последовало. А ведь Наставник мог бы передвинуть время назад и воскресить его.

- Вы хотите, чтобы он сейчас был с вами?

- Да, - резко ответил Морли.

- Вы хотели бы получить помощь психиатра?

- Нет.

- Я благословляю вас, - произнес Странник-по-Земле и медленно и торжественно простер над ним правую руку в жесте благословения.

Сет Морли прикрыл глаза правой рукой..., и обнаружил, что по его лицу потекли горячие слезы. Даже теперь - это меня прямо-таки изумило - у меня до сих пор не выходит из памяти этот мерзкий старый нахальный кот, а я должен был давным-давно позабыть о нем, подумал он. Похоже на то, что такое никогда не забывается. Оно все еще здесь, в уме, глубоко погребенное, однако ожидающееся, пока не случится нечто подобное вот этой неожиданной встрече.

- Спасибо, - произнес он, когда благословение завершилось.

- Вы еще увидите с ним, - сказал Странник, - когда воссядете вместе с нами в Раю.

- Вы в этом уверены?

- Да.

- И он будет точно таким же, как и был?

- Да.

- Он узнает меня?

- Он даже сейчас вас помнит. Он ждет. Он никогда не перестанет ждать.

– Спасибо, - сказал Морли. - Теперь я чувствую себя намного лучше.
Странник- по-Земле растаял в ночной тьме.

Едва войдя в кафетерий киббуца, Сет Морли тотчас же стал искать взглядом свою жену. Она ела приправленную чесноком баранью лопатку за столом в слабо освещенном дальнем конце помещения. Когда он уселся прямо напротив нее, она ответила легким кивком головы.

– Ты пропустил обед, - спустя некоторое время заметила она. - Это на тебя совсем не похоже.

– Я видел Его, - произнес Морли.

– Кого-кого? - спросила она с интересом.

– Странника-по-Земле. Он пришел предупредить меня о том, что ялик, который я выбрал, станет причиной нашей гибели. Мы бы так на нем никуда и не попали.

– Я это знала и без него, - сказала Мэри. - Знала, что на этой развалюхе нам никуда не попасть.

– И мой кот все еще жив, - продолжал Морли.

– Но ведь у тебя нет никакого кота.

Он взял ее за руку.

– Он говорит, что ничего теперь плохого с нами не случится. Мы Благополучно доберемся до Дельмака-О, и там у меня будет новая работа.

– А ты спросил у него, в чем будет заключаться эта новая работа?

– Я как-то не додумался спросить у него об этом. Как-то даже в голову не пришло - Вот олух - Она высвободила руку и снова принялась за еду. - Расскажи, какой он из себя, этот Странник.

– Ты разве никогда с ним не встречалась?

– Ты ведь прекрасно знаешь, что я никогда его даже краем глаза не видела!

– Он красивый и добрый. Он даже не поленился благословить меня.

Значит, тебе он явился в облике мужчины. Интересно, а что если бы он явился перед тобой женщиной, ты, наверное, вряд ли стал бы к нему прислушиваться...

– Мне очень жаль тебя, - произнес Морли. - Он ни разу не явился, чтобы спасти тебя. Видимо, он не считает тебя заслуживающей спасения.

Мэри со злостью отшвырнула в сторону вилку. Лицо ее вспыхнуло от гнева. Какое-то время они оба сочли за лучшее помолчать.

– На Дельмак-О я отправляюсь один, - наконец вымолвил Морли.

– Ты так решил? Ты на самом деле думаешь, что так лучше? Так вот, я отправляюсь с тобою вместе. Я хочу, чтобы ты постоянно оставался под моим присмотром. Без меня...

– Ладно, - со злостью бросил он. - Валяем вместе. Не все ли мне равно? Останься ты здесь, ты обязательно спутаешься с Госсимом и станешь портить ему жизнь... - Он замолчал, чтобы перевести дух.

Мэри молча продолжала доедать баранину, не обращая внимания на его выпад.

Глава 3

– Вы находитесь на высоте тысячи миль над поверхностью планеты Дельмак-О, - раздалось в наушниках Бена Толлчиффа. - Включите, пожалуйста, автопилот.

– Я в состоянии совершить посадку сам, - отрезал в микрофон Бен Толлчифф, внимательно разглядывая проплывавшую под ним поверхность планеты и размышляя над тем, что означает ее раскраска. Облака, так рассудил он. Естественная атмосфера, что ж, это один из ответов на вопросы, что меня мучают. Он расслабился, почувствовав себя увереннее. И тотчас же в уме сформировался следующий вопрос: неужели это одна из тех планет, что называют "Обителями Богов"? И этот вопрос полностью отрезвил его.

Посадку он совершил без особых трудностей..., потянулся, зевнул, прокашлялся, отстегнул привязной ремень, поднялся, неуклюже проковылял к выходной двери, открыл ее, затем снова вернулся к пульту управления, чтобы выключить все еще действовавший ракетный двигатель. Заодно отключил и подачу воздуха. Вот, пожалуй, и все. Затем спустился по стальным ступеням и как-то неловко спрыгнул на поверхность планеты.

Рядом с посадочным домиком виднелась вереница домиков с плоскими крышами - крохотные, связанные переходами друг с другом сооружения поселка. К его ялику сразу же направилось несколько человек, очевидно, чтобы познакомиться с ним. Он помахал им рукой, с удовольствием ощущая, как натягивается и сокращается искусственная кожа его перчаток - вот и все телесные ощущения, которые он испытывал в своем громоздком скафандре.

– Привет! - раздался женский голос.

– Привет, - ответил Бен Толлчифф, разглядывая девушку.

На ней был темный рабочий халат и брюки под цвет халата - стандартное одеяние, вполне соответствовавшее простоте ее круглого, чистого, веснушчатого лица.

– Значит, это одна из планет "Обителей Богов"? - спросил он, неторопливо направляясь к девушке.

– Нет, это не "Обитель Бога", - ответила девушка, - хотя здесь есть и немало странного. - Она сделала неопределенное движение рукой в сторону горизонта, затем, очень дружелюбно улыбнувшись, протянула ему руку. - Меня зовут Бетти Джо Берм. Лингвист по профессии. Вы либо мистер Толлчифф, либо мистер Морли. Все остальные уже здесь.

– Толлчифф, - сказал он.

– Сейчас я вас со всеми перезнакомлю. Этот пожилой господин - Берт Кослер, наш завхоз.

– Рад познакомиться с вами, мистер Кослер. - Они пожали друг другу руки.

– Рад познакомиться с вами тоже, - произнес пожилой господин.

– Это Мэгги Уолш, наш технолог.

– Рад познакомиться с вами, мисс Уолш. - Обмен рукопожатиями. А девушка недурна собой.

– Рада познакомиться с вами тоже, мистер Толлчифф.

– Игнас Тагг, специалист по горячей штамповке пластмасс.

– Приветствую вас. - Рукопожатие чрезмерно крепкое. Мистер Тагг ему не понравился.

– Доктор Милтон Бэббл, наш поселковый врач.

– Приятно познакомиться, мистер Бэббл. - Рукопожатие. Бэббл, невысокий коренастый мужчина в цветастой рубашке с короткими рукавами. У него было весьма кислое, практически непроницаемое выражение лица.

– А это - Тони Дункельвельт, наш фотограф и почвовед.

– Рад с вами познакомиться. - Обмен рукопожатиями.

– Вот этот господин - Уэйд Фрэйзер, наш психолог. - Долгое лицемерное рукопожатие, пальцы у Фрэйзера были грязные и влажные.

– Глен Белснор, наш специалист по электронным устройствам и компьютерам.

– Рад с вами познакомиться. - Рукопожатие. Сухая, мозолистая, уверенная рука.

Показалась высокая пожилая женщина, она шла, опираясь на массивную трость. У нее было благородное лицо, бледное, но очень открытое и приветливое.

– Мистер Толлчифф, - произнесла она, протягивая Бену Толлчиффу хрупкую, почти безжизненную руку, - меня зовут Роберта Рокингхэм, по профессии я социолог. Очень приятно познакомиться с вами. Нам всем здесь было очень-очень интересно, каким вы окажетесь.

– Так вы та самая Роберта Рокингхэм? - удивленно спросил Бен. Он испытал неподдельное удовольствие от того, что повстречался с нею. Почему-то он считал, что эта знаменитая старая дама давным-давно умерла, и теперь даже несколько смутился, когда его познакомили с нею.

– А это, - сказала Бетти Джо Берм, - наша секретарь-машинистка. Сюзи Дамб(1).

– Рад познакомиться с вами, мисс... - он запнулся.

– Смарт(2), - закончила за него девушка. У нее была крутая полная грудь и великолепно сложенная фигура. - Сюзанна Смарт. Им всем кажется, будто это очень смешно, когда они называют меня Сюзи Дамб. - Она протянула руку и они обменялись рукопожатием.

– Мне хочется выяснить цель создания этого поселения, - сказал Бен. - Вы мне об этом ничего не сказали.

– Мистер Толлчифф, - произнесла пожилая знаменитость в области социологии, - нам тоже об этом ничего не говорили. - Она легонько рассмеялась. - Мы спрашиваем об этом у каждого прибывающего, но никто толком ничего не знает. Если мистер Морли, последний, кто сюда должен прибыть, если он тоже не будет ничего знать, каково будет тогда нам всем?

– Проблема не в этом, - сказал, обращаясь к Бену, специалист по эксплуатации электронных систем. - На орбиту здесь выведен спутник, он делает пять полных оборотов за сутки, ночью можно наблюдать его происхождение. Когда придет последний поселенец - а это будет мистер Морли - нам будут даны инструкции, как дистанционным образом активизировать лентопротяжку на борту спутника, и с записи на ленте мы получим как необходимые нам инструкции, так и объяснение, что мы должны делать, почему мы здесь и все остальное, что с этим связано; в общем, все, что нам вздумается узнать, кроме того, как заставить холодильник вырабатывать больше холода, чтобы пиво не становилось теплым. Но, может быть, в отношении этого нас тоже проинформируют.

Постепенно наладился общий разговор между всеми членами собравшейся здесь группы. Вскоре Бен обнаружил, что и он оказался в него втянутым, хотя фактически ничего не понимал из того, о чем шла речь.

– На Бетельгейзе-4 у нас были огурцы и, как вы сами можете догадаться, выращивали мы их не из лунных лучей...

– Я никогда с ним не встречался...

– Ну, он существует. Когда-нибудь вы и сами с ним повстречаетесь...

– Поскольку среди нас имеется лингвист, то, очевидно, здесь есть разумные существа, но пока наша экспедиция носит скорее ознакомительный, чем научный характер. Все это поменяется, когда...

– Ничего не поменяется. Несмотря на гипотезу Спектовского о том, что Бог вмешивается в историю и снова приводит время в движение...

– Если вам уж так не терпится порассуждать на эту тему, обратитесь к мисс Уолш. Меня лично теологические проблемы совершенно не-вол-нуют...

– Не могли бы вы повторить это еще раз? Мистер Толлчифф(1), вы - индейского происхождения?

– Ну, я индеец на одну восьмую. Вы имеете в виду мою фамилию?...

– Эти здания построены просто отвратительно. Они уже готовы развалиться. Нам не удастся обогреть их, когда настанут холода. И мы не сможем охладить их, когда будет жарко. Вы понимаете, что меня волнует? Мне кажется, что весь этот поселок рассчитан на очень непродолжительный срок. По какой бы причине нас здесь ни собрали, мы не будем здесь

оставаться надолго. Или, скорее, если мы останемся здесь надолго, нам понадобится возвести новые сооружения, вплоть до последнего электрического провода.

– По ночам здесь пищат какие-то насекомые. Из-за этого вам не удастся заснуть в первый день вашего пребывания здесь. Под "днем" я подразумеваю, конечно, двадцатичетырехчасовой промежуток времени. Я не имею в виду "световой день", потому что они пищат не днем, они пищат ночью. Каждую, черт бы их всех побрал, ночь. Скоро вы сами в этом убедитесь...

– Послушайте, Толлчифф, не называйте Сюзи "мисс Дамб". Уж кем-кем, но тупицей она никак не является.

– И к тому же, еще такая симпатичная.

– А вы обратили внимание на то, как у нее...

– Обратил, но мне кажется, нам не стоило бы пускаться в более подробное обсуждение...

– К какой сфере деятельности, вы сказали, относится ваша профессия, мистер Толлчифф?

– Вам придется говорить погромче, она немного глуховата...

– Я сказал, что я...

– Вы ее пугаете, не стойте к ней так близко...

– А нельзя ли поживиться чашечкой кофе?

– Попросите Мэгги Уолш. Она все устроит.

– Если мне только удастся своевременно отключить эту чертову кофеварку, когда кофе подогреется. Кофе в ней все время перекипает и перекипает.

– Мне непонятно, почему это неисправна ваша кофеварка. Конструкция кофеварок достигла верха совершенства еще в двадцатом столетии, что еще осталось узнать такого, чего мы не знаем?

– Это как теория Ньютона о природе света. Казалось бы, все, что можно узнать об оптических явлениях, было уже известно к 1800 году. А затем объявился Лэнд со своей гипотезой энергетической полихроматичности, и целая область новых исследований вдруг вскрылась, как нарыв.

– Вы хотите сказать, что в конструкции или принципе действия саморегулирующихся кофеварок есть еще нечто такое, чего мы еще не знаем? Что нам только кажется, что нам все известно и понятно?

– Что-то примерно в таком роде...

И так далее. Он слушал все это, как бы оставаясь в стороне, отвечал, когда обращались непосредственно к нему, а затем, когда все сразу вдруг устали говорить, отделился от них и направился к группе деревьев с темно-зелеными, жесткими листьями - орнамент из таких листьев, как показалось Бену, всегда украшал покрывала в кабинетах психиатров.

В воздухе стоял весьма неприятный запах, хотя и не такой уж резкий - как будто где-то поблизости попыхивал заводик по переработке бытового мусора. Через пару дней я привыкну к этому, успокоил он себя.

Во всех этих людях было что-то странное, отметил он про себя, что же именно... Они казались такими... Он стал подыскивать нужно слово. Они считали себя самыми умными. Необыкновенно одаренными, что-то в этом роде, и все были горазды поговорить. И потом, подумал он, мне кажется, что они очень нервничают. А ведь иначе и не могло быть подобно мне, они здесь понятия не имеют, для чего все это и почему. Но - это еще не объясняет полностью подмеченную им особенность. Ему расхотелось углубляться дальше в сей предмет, и он переключил свое внимание на пышные кроны деревьев с жесткими, как твердая кожа, листьями, на подернутое дымкой небо над головой, на небольшие, напоминающие крапиву, растения, растущие у его ног.

Какое-то скучное это место, унылое, отметил он про себя. Его быстро охватило ощущение

разочарования. Здесь совсем ненамного лучше, чем на борту корабля. Магию новизны как ветром сдуло. Но Бетти Джо Берм что-то там говорила о необычных формах жизни за пределами поселка. Поэтому, возможно, ему еще рановато выносить окончательное суждение, основываясь на исследовании столь небольшого пространства. Ему необходимо проникнуть глубже на территорию этой планеты, как можно дальше от поселка, что, как он понял из обрывков разговоров, они уже и делают. Потому что, в общем-то, что еще здесь можно делать? По крайней мере, пока не поступят дальнейшие указания с борта спутника.

Надеюсь, Морли долго не задержится и вскорости будет здесь тоже. Вот тогда-то мы сможем и начать.

На его правый ботинок заполз какой-то жучок, поудобнее на нем устроился, а затем выдвинул из-под хитина миниатюрную телевизионную камеру. Объектив камеры повернулся так, что оказался направленным прямо на его лицо.

– Привет, - сказал он жучку.

Втянув камеру назад, в туловище, жучок пополз прочь, очевидно, удовлетворенный увиденным. Интересно, кто же это занимается обследованием? Он поднял ногу, подумав было на мгновение, а не раздавить ли этого жучка, но затем решил воздержаться.

Вместо этого он подошел к Бетти Джо Берм и спросил:

– Когда вы сюда прибыли, здесь уже были жучки, которые вели за вами наблюдение?

– Они начали показываться после того, как были построены сооружения поселка. Мне кажется, они безвредны.

– Но вы в этом не уверены на все сто процентов.

– Пока мы еще ни в чем не можем быть абсолютно уверенными. Поначалу мы их убивали, но тот, кто их сделал, просто подослал сюда других.

– Вы бы лучше проследили их до самого источника, откуда они появляются, и выяснили, что за этим кроется.

– Не "вы", мистер Толлчифф. "Мы". Вы в такой же степени теперь участник происходящего, как и любой другой. И вам известно ровно столько - и ровно столько же немного - как и нам. После того, как мы получим дальнейшие указания, мы, возможно, выясним, хотят ли организаторы этого поселка или не хотят, чтобы мы начали обследование здешних туземных форм жизни. Надо подождать. А пока - не угодно ли чашечку кофе?

– Вы уже сколько времени здесь? - спросил у нее Бен, когда они, усевшись в пластиковом микробаре, пили кофе из светло-серых пластмассовых чашек.

– Первым сюда прибыл Уэйд Фрэйзер, наш психолог. Это случилось примерно два месяца тому назад. Остальные - кто когда, притом нерегулярно. Надеюсь, Морли тоже скоро прибудет. Мы прямо умираем - так хотим услышать, ради чего же вся эта затея.

– Вы уверены в том, что Уэйд Фрэйзер ничего не знает?

– Простите? - Бетти Джо Берм, прищурившись, подняла на него взгляд.

– Он здесь самый первый. Подждал прибытия остальных всех вас. Виноват, я имел в виду нас. Может быть, здесь проводится какой-нибудь психологический эксперимент, и руководит им Фрэйзер. Не говоря об этом никому.

– Чего мы больше всего опасаемся, - сказала Бетти Джо Берм, - так это совсем другого. Мы все обуяны одним безмерным страхом - мы боимся, что нет никакой цели в нашем здесь пребывании и что нам никогда не удастся покинуть эту планету. Все мы прибыли сюда на яликах,

все без исключения. Так вот, сюда ялик прилететь может и может совершить здесь посадку, но он не в состоянии преодолеть силу тяжести планеты и взлететь в космос. Без внешней помощи мы не в состоянии улететь отсюда. Может быть, это место заключения - мы уже размышляли над этим. Может быть, мы все что-то натворили, или почему-то кто-то считает, что мы что-то натворили. - Она настороженно поглядела на него, хотя ее серые глаза при этом оставались спокойными. - Вы не совершили, мистер Толлчифф, что-нибудь особенное, из ряда вон выходящее? - спросила она.

- Ну, смотря что считать особенным...

- Я имею в виду, не являетесь ли вы преступником или кем-то вроде того?

- Мне во всяком случае об этом ничего не известно.

- Вид у вас самый заурядный.

- Благодарю вас.

- Я хочу сказать, что вы совсем не похожи на преступника. - Она поднялась и пересекла тесную комнату, направляясь к буфету. - Как насчет "Сиграма ВО"? - спросила она.

- Отлично, - согласился он, воодушевившись ее предложением. Они подкрепили кофе канадским виски "Сиграм ВО" (разумеется, импортным). В это самое время в комнату вошел доктор Милтон Бэббл, и, увидев их, сам примостился возле бара.

- Второсортная планета, - сразу же, без обиняков, заявил он Бену. Его бесцветное, плоское как лопата, лицо исказилось в отвращении. - Совершенно ясно, что второсортная. Благодарю вас, - он принял из рук Бетти Джо чашку кофе, сделал несколько глотков, и выражение его лица стало еще более неприязненным. - Что это? - резко спросил он. Затем увидел бутылку виски. - Черт, ну как так можно портить кофе, - сердито произнес он, поставил на стойку свою чашку, и на лице его появилось еще большее отвращение, чем раньше.

- Я думаю, это помогает, - сказала Бетти Джо Берм.

- Видите ли, - произнес доктор Бэббл, - все это так нелепо, то, что мы здесь все собраны. Судите сами, Толлчифф, я торчу здесь вот уже месяц, и мне все еще приходится подыскивать кого-нибудь, с кем бы я мог серьезно поговорить. Каждый здесь занят исключительно самим собой и совершенно равнодушен к остальным. Разумеется, я не говорю о присутствующих.

- А я несколько не обижаюсь, - сказала Бетти Джо. - Это правда. Мне совершенно безразличны вы, Бэббл, так же, как и любой другой. Я хочу быть одна. - Она повернулась к Бену. - Поначалу у нас у всех возникает любопытство, когда кто-нибудь совершает посадку..., вот как это было в вашем случае. Но затем, после того, как мы все познакомимся с новичком и кое-что от него услышим... - она подняла сигарету с края пепельницы и молча затаилась. - Тут нет никакой обиды, мистер Толлчифф, в том, о чем только что упомянул Бэббл. Мы включим очень скоро вас в состав нашей группы и вы станете точно таким же. Я в этом не сомневаюсь. Вы какое-то время еще будете разговаривать с нами, а затем замкнетесь в... - она замолчала в нерешительности, хватаясь за воздух правой рукой, как бы на ощупь подыскивая там нужное слово. Как будто это слово было имеющим три измерения предметом, который она могла бы схватить и прощупать. - Возьмем, например, Белснора. Он ни о чем другом не думает, кроме холодильника. У него просто навязчивая идея, что он вдруг перестанет работать и что это, если судить по той панике, которою он уже охвачен, будет означать всем нам конец. Он считает, что холодильник предохраняет нас... - она взмахнула сигаретой, - от закипания.

- Но он совершенно безвреден, - заметил доктор Бэббл.

- О, все мы безвредны, - согласилась Бетти Джо Берм. - Вы знаете, мистер Толлчифф, что меня спасает? Я принимаю таблетки. Сейчас я вам покажу. - Она открыла свою сумочку и извлекла оттуда флакон с таблетками. - Вот поглядите, - произнесла она, протягивая флакон Бену. - Голубые - это стелазин, к которому я прибегаю в качестве противорвотного. Поймите: я

прибегаю к нему именно поэтому, но не это его прямое назначение. В основе своей стелазин является транквилизатором, в дозах, меньших, чем двадцать миллиграмм в день. В больших дозах он является антигаллюциногенным средством. Но и не по этой причине я его принимаю. Так вот, вся трудность применения стелазина заключается в том, что он еще и сосудорасширяющее средство. Временами у меня возникают противопоказания к нему. А именно - отечность, так, во всяком случае, как мне кажется, называется такое явление.

Бэббл ворчливо заметил:

– Потому ей приходится принимать еще и что-нибудь сосудосужающее.

– Вот эту маленькую белую таблетку, сказала Бетти Джо, показывая ему ту часть флакона, где помещались белые таблетки. - Это метамфетамин. А вот эта зеленая капсула...

– Когда-нибудь, - язвительным тоном заметил Бэббл, - все ваши таблетки отправятся в инкубатор, и из них повылупятся всякие очень странные птицы.

– Что это вы такое там говорите? - спросила Бетти Джо.

– Эти таблетки похожи на раскрашенные куриные яйца.

– Да, я это понимаю. И все же это звучит как-то странно. - Отвинтив крышечку с флакона, она высыпала множество самых разных таблеток себе на ладонь. - Вот эта красная - это пентабарбитал, снотворное. А вот эта желтая - норпрамин, который компенсирует угнетающее воздействие на нервную систему, характерное при приеме мелларила. Теперь вот эта квадратная оранжевая таблетка - это нечто новое. У нее пятислойная оболочка, которая обеспечивает изменение скорости восприятия времени по так называемому "струйному принципу". Очень эффективное возбуждающее средство...

– Она принимает депрессант центральной нервной системы, - перебил ее Бэббл, - а также, одновременно с ним, и стимулятор.

– Но разве они не сводят на нет действия друг друга? - удивленно спросил Бен.

– Можно было бы сказать, что да, - ответил Бэббл.

– Но этого не происходит, - возразила Бетти Джо. - Я хочу сказать, что субъективно я в состоянии ощущать их действие. Я знаю, что они мне очень помогают.

– Она перечитала горы литературы об этих средствах, - пояснил Бэббл. - Даже сюда она привезла с собой один экземпляр НСВ - "Настольный справочник врача", - где перечисляются все побочные эффекты лекарств, противопоказания, дозировка, маркировка и все прочее. Она знает о своих таблетках ничуть не меньше, чем я. Фактически, ровно столько же, сколько знают об этом фирмы, производящие лекарственные средства. Если вы покажете ей таблетку, любую таблетку, она может рассказать вам, что это такое, каков механизм ее действия, что... - тут он икнул, чуть приподнявшись на стуле, рассмеялся, а затем произнес:

– Я помню одну таблетку, побочным эффектом которой - если принять очень крупную дозу - являются конвульсии, коматозное состояние, а затем смерть. И в литературе, сразу же после того, как говорится о конвульсиях, коме и смерти, имеется предупреждение - "Возможно привыкание". Меня всегда поражает подобный идиотизм. - Он снова рассмеялся, а затем засунул себе в нос волосатый, смуглый палец. - Это странная планета, - пробормотал он. - Очень странная.

Бен еще разок приложился к "Сиграму ВО", в результате чего внутри стало распространяться столь привычное для него приятное ощущение тепла. Теперь он уже не обращал никакого внимания ни на доктора Бэббла, ни на Бетти Джо. Он погрузился в собственный интимный мир, мир своих личных переживаний, и чувствовал себя в нем очень и очень неплохо. В дверь просунул голову Тони Дункельвельт, фотограф и почвовед и провозгласил:

– Садится еще один ялик. Это наверняка Морли. - Как только голова Дункельвельта исчезла, дверь автоматически за ним захлопнулась. Приподнявшись со своего места, Бетти Джо сказала:

– Пожалуй, лучше выйти. Наконец-то мы здесь в полном сборе.

Доктор Бэббл поднялся тоже.

– Идемте, Бэббл, - почти скомандовала она и направилась к двери. - И вы, на одну восьмую высокий индейский вождь.

Бен допил кофе и "Сиграм ВО" и пошатываясь поднялся на ноги. Мгновением позже он последовал вслед за врачом и Бетти Джо к двери, которая вела наружу.

Глава 4

От выключения тормозных двигателей Сет Морли дернулся, затем отстегнул пристяжной ремень. Жестом руки велел Мэри сделать то же самое.

– Я сама знаю, - сказала Мэри, - что мне делать. Зачем ты обращаешься со мной как с ребенком?

– Ты все равно на меня дуешься, - заметил Морли, - даже несмотря на то, что я так шикарно проложил сюда курс. С самого начала полета.

– У тебя был включен автопилот, и ты следовал по лучу, - лукаво произнесла Мэри. - Но ты прав. Мне не следует быть неблагодарной.

Тем не менее, в тоне, которым она произнесла эти слова, особой благодарности не наблюдалось. Но он как-то равнодушно отнесся к этому. На уме у него было совсем иное.

Он вручную разгерметизировал выходную дверь. Внутрь ялика струями полились зеленые лучи, и он увидел, прикрыв глаза ладонью, пустынный пейзаж с жалкими деревьями и еще более жалкими кустами. Слева виднелись несколько ничем не примечательных строений, беспорядочно выступавших над однообразным ландшафтом. Поселок.

К ялику стали приближаться люди, довольно много людей. Некоторые из них приветственно размахивали руками, он ответил им тем же.

– Здравствуйте, - произнес он, после чего спустился по стальным решетчатым ступеням и спрыгнул на землю.

Развернувшись, он хотел было подсобить Мэри, но та оттолкнула его руку и спустилась вниз без его помощи.

– Привет, - произнесла, приближаясь к нему с виду весьма заурядная, несколько смуглая девушка. Рады вас видеть - вы последний из прибывших!

– Меня зовут Сет Морли, - представился он. - А это Мэри, моя жена.

– Нам это известно, - кивнув, заметила смугловатая простоватая девушка, - и мы все рады встретиться с вами. Я познакомлю вас со всеми остальными обитателями нашего поселка. - Она указала на мускулистого молодого человека, стоявшего рядом с нею.

– Это Игнас Тагг.

– Рад с вами познакомиться, - Морли пожал ему руку. - Меня зовут Сет Морли, а это моя жена Мэри.

– Меня зовут Бетти Джо Берм, - сказала невзрачная смугловатая девушка. - А вот этот господин... - Она повернулась в сторону немолодого мужчины, ссутулившаяся фигура которого выражала усталость, Берт Кослер, наш завхоз.

– Рад познакомиться с вами, мистер Кослер. - Энергичное рукопожатие.

– И я рад встретиться с вами, мистер Морли. И с миссис Морли. Надеюсь, что вам здесь понравится.

– Наш фотограф и почвовед Тони Дункельвельт. - Мисс Берн показала на почти еще подростка с длинным носом, который так и остался стоять с угрюмым видом и не подал руки.

– Здравствуйте, - сказал ему Сет Морли.

– Привет, - парень продолжал все так же сердито глядеть себе под ноги.

– Мэгги Уолш, наш специалист в области геологии.

– Рад познакомиться с вами, мисс Уолш. - Энергичное рукопожатие. Вот по-настоящему интересная женщина, отметил про себя Морли. И тут же появилась еще одна очень привлекательная женщина, крутую грудь которой туго обтягивал шерстяной свитер.

– А какая у вас профессия? - спросил он у нее, пожимая руку.

– Конторская работа и машинопись. Меня зовут Сюзанна.

– А фамилия?

– Смарт.

– Какая красивая фамилия!

– Я так не думаю. Они зовут меня Сюзи Дамб, что на самом деле совсем не смешно.

– Мне кажется, что в этом вообще нет ничего смешного, - произнес Сет Морли.

Его жена свирепо ткнула его под ребра, и он, будучи вышколенным весьма неплохо, тотчас же прервал свой разговор с мисс Смарт и повернулся, чтобы поздороваться с очень тощим индивидуумом с крысиными глазками, протянувшим ему костлявую руку.

Он ощутил, как в нем непроизвольно возникло чувство острой неприязни к этому субъекту. Его рука оказалась совсем не такую, какую бы хотелось пожимать, да и вообще лучше было бы подальше держаться от подобного рода личности.

– Уэйд Фрэйзер, - произнес неприятный субъект с крысиными глазками. - Практикующий в этом поселке психолог. - Между прочим, я подверг предварительному тестированию всех, кто сюда прибыл. Мне бы хотелось проделать аналогичную операцию и с вами обоими тоже, возможно, даже сегодня, только попозже.

– Ради Бога, - произнес Сет Морли, не испытывая, однако, ни малейшей убежденности в необходимости проведения какого-либо тестирования.

– А вот тот господин, - произнесла мисс Берм, - наш врач, Милтон Бэббл, родом он с планеты Альфа-5. Познакомьтесь с доктором Бэбблом, мистер Морли.

– Рад с вами познакомиться, док, - Морли и Бэббл обменялись рукопожатием.

– У вас несколько избыточный вес, мистер Морли, - отметил доктор Бэббл.

Морли в ответ промывчал что-то невразумительное.

От группы встречающих отделилась очень высокая пожилая женщина с необыкновенно прямой осанкой, двигалась она, опираясь на трость.

– Мистер Морли, - сказала она, протягивая хрупкую, почти невесомую руку, - я здешний социолог, Роберта Рокингхэм. Очень приятно с вами познакомиться, мне очень хочется надеяться на то, что путешествие сюда доставило вам только удовольствие, не причинив особых хлопот.

– Вы не ошиблись, - Морли подхватил ее маленькую руку и осторожно, чуть-чуть сжал ее в своей.

Ей, наверное, лет сто десять, не меньше, отметил он про себя, если судить по ее внешности. Неужели она еще в состоянии нормально работать? Каким образом она сюда попала? Он никак не мог представить ее в качестве пилота ялика, решившего пересечь безмерное пространство, разделяющее обитаемые планеты.

– Какова цель организации этого поселения? - спросила Мэри.

– Мы это выясним через несколько часов, - ответила мисс Берм. - Как только Глен - Глен Белснор, наш электронщик и эксперт по компьютерной технике - сумеет оживить радиостанцию на спутнике, выведенном на орбиту вокруг этой планеты.

– Вы хотите сказать, что вы этого не знаете? - спросил Сет Морли. - Вам так ничего об этом и

не сказали?

– Ничего, мистер Морли, - произнесла тихим старческим голосом миссис Рокингхэм. - Но мы сейчас это узнаем, ведь недаром мы так долго ждали. Разве это не замечательно - узнать, почему это все мы оказались именно здесь? Вы не разделяете моих восторгов, мистер Морли? Я хочу сказать, разве нам всем не интересно наконец-то выяснить, какова наша цель?

– Интересно, - признался он.

– Значит, вы согласны со мной, мистер Морли. О, это ведь так прекрасно, что мы в состоянии договориться. - И добавила, обращаясь как бы только к Сету Морли, тихо и многозначительно.

– Я очень опасаясь, что именно в этом наша главная трудность, мистер Морли. У нас нет общей цели. Межличностная активность опустилась здесь до очень низкого уровня, но, разумеется, нам еще удастся поднять ее, теперь, когда мы сможем... - Она наклонила голову, чтобы кашлянуть в крохотный носовой платочек. - Да, это в самом деле так прекрасно, - в конце концов завершила она свою мысль.

– Я не согласен, - возразил Фрэйзер. - Проведенное мною предварительное тестирование показывает, что, вообще говоря, как не верти, всем членам этой группы внутренне присуща эгоцентрическая ориентация. Если говорить в целом, Морли, то результаты тестирования показывают врожденную тенденцию избегать ответственности. Мне очень трудно разобраться, почему же все-таки выбраны некоторые из них.

Ему возразил колючий на вид тип в рабочей спецовке.

– Я заметил, что вы не говорите "мы". Вы все время говорите "они".

– Мы, они... - психолог стал судорожно жестикулировать. - Вы выказываете признаки одержимости. Это еще одна необычная общая черта для этой группы - вы все сверходержимы.

– Я так не считаю, - произнес неряшливый тип тихо, но твердо. - Я лично считаю, что если кто из нас чокнутый - так это вы. Проведение этих дурацких тестов все то время, пока мы здесь, совсем извратило ваши умственные способности.

Это замечание дало импульс к тому, что вдруг заговорили все разом. Наступила полная анархия. Подойдя к мисс Берм, Сет Морли спросил:

– А кто все-таки старший в этом поселке? Вы? Ему пришлось дважды повторить свой вопрос, прежде чем ей удалось его расслышать.

– Никто еще не назначен руководить этим поселением, - громко ответила она, перекрикивая гам, возникший в результате всеобщей перебранки. - Это еще одна из наших трудностей. Как раз та, которую мы хотели бы... - голос ее потонул в общем гвалте.

– На Бетельгейзе-4 у нас были огурцы, и мы, сами понимаете, выращивали их не с помощью лунных лучей. Хотя бы потому, что у Бетельгейзе-4 нет луны, можно даже так объяснить... - Я никогда с ним не встречался. И, надеюсь, никогда и не встречу.

– Когда-нибудь вы все-таки его увидите...

– Тот факт, что среди нас оказался лингвист, указывает на то, что здесь есть разумные существа, но пока нам об этом ничего не известно, потому что наши вылазки были чисто ознакомительными, вроде прогулок на природе, не преследующих каких-либо научных целей. Разумеется, все это коренным образом поменяется, когда...

– Ничего не поменяется. Несмотря на гипотезу Спектовского о вмешательстве Бога в ход мировой истории, снова приведшего время в движение...

– Нет, вы это неправильно поняли. Вся борьба перед тем, как в мир явился Заступник, уже проходила во времени и длилась очень долго. Просто после этого все стало происходить очень быстро и поэтому теперь, в эпоху Спектовского, стало сравнительно несложно вступать в непосредственный контакт с одной из Манифестаций Божества. Вот почему в определенном смысле наше время отличается даже от тех первых двух тысячелетий, которые прошли со

времени первого явления Заступника.

– Если вам так уж не терпится об этом поговорить, поговорите-ка об этом с Мэгги Уолш. Вопросы теологии меня не интересуют...

– Не могли бы вы, мистер Морли, рассказать о том, доводилось ли вам когда-нибудь встречаться с любой из Манифестаций?

– Да, доводилось. Даже совсем недавно - насколько мне помнится, это случилось в среду по времени "Тэкел Упарсина" - ко мне подошел Странник-по-Земле, чтобы сообщить о том, что я выбрал неисправный ялик и, что, если я им воспользуюсь, это будет стоить жизни мне и моей жене.

– Значит, по сути, он спас вас от гибели. Ну что ж, вы наверное, очень счастливы, зная о подобном его за вас заступничестве. Это должно быть ни с чем не сравнимым чувством...

– Эти здания построены кое-как, на скорую руку. Они уже готовы развалиться. Нам не удастся их обогреть, когда нам потребуется тепло, и не удастся создать в них нужную прохладу, когда наступит жара. Знаете, какое у меня сложилось впечатление? Мне кажется, что весь этот поселок был сооружен так, чтобы можно было продержаться в нем очень непродолжительное время. С какой бы целью мы здесь ни находились, мы не будем оставаться в этом поселке долго. А если уж останемся, то нам придется возводить новые сооружения, чтоб все было надежным вплоть до последнего осветительного шнура...

– Тут некоторые то ли насекомые, то ли растения по ночам издают жуткий писк. Поэтому вам, мистер и миссис Морли, вряд ли удастся заснуть в первый день. Да, да, я пытаюсь сказать об этом именно вам, но так трудно перекричать весь этот гам. Под "днем" я, естественно, подразумеваю двадцатичетырехчасовой период. Я не имею в виду светлое время суток, потому что в это время они не пищат. Вы в этом и сами убедитесь...

– Послушайте. Морли, не вздумайте-ка, подобно остальным, называть Сюзи "мисс Дамб". Уж кем-кем, а тупицей она не является.

– Так же, как и дурнушкой.

– А вы обратили внимание на то, какие у нее...

– Обратил, вот только, понимаете ли, моя жена... Она к этому относится весьма скептически, поэтому давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– О'кей, раз вы так желаете. Какая у вас профессия, мистер Морли?

– Я дипломированный гидробиолог.

– Простите? О, это вы мне говорите, мистер Морли? Мне трудно разобрать. Если б вы были настолько любезны, чтобы повторить еще раз...

– Вам придется говорить погромче. Она немного глуховата...

– Я сказал, что я...

– Вы ее пугаете. Не стойте к ней так близко... - Здесь можно где-нибудь выпить чашечку кофе или стакан молока?

– Попросите Мэгги Уолш, она все вам устроит. Или Бетти Джо Берм.

– О, Боже ты мой, если б я только могла угадать, когда надо отключать эту чертову кофеварку! Кофе в ней продолжает все кипятиться и кипятиться.

– Не понимаю, почему это наша общая кофеварка должна так плохо работать. Конструкция кофеварок была доведена до совершенства еще в начале двадцатого столетия, что еще осталось выяснить о принципах ее действия такого, чего мы не знаем?

– Попробуйте для сравнения взять гипотезу Ньютона о природе света. Все, что можно было узнать о природе света, было уже известно к 1800 году...

– Да, вы всегда приводите этот один и тот же пример. У вас это навязчивая идея.

– А затем появился Лэнд со своей теорией о двойственной природе света и его интенсивности,

и вопрос, казавшийся разрешенным раз и навсегда, снова распался на множество отдельных вопросов, требовавших ответа.

– Вы хотите сказать, что нам известно еще далеко не все о том, что касается работы гомеостатических кофеварок? Что нам только кажется, что мы знаем все?

– Что-то примерно в этом роде...

И так далее.

Сет Морли издал горестный стон. Он отделился от группы и направился в сторону беспорядочного нагромождения крупных, хорошо отполированных водой валунов. Когда-то, здесь явно была вода в большом количестве. Хотя сейчас, по всей вероятности, она полностью исчезла.

За ним последовал чумазый и худой парень в спецовке.

– Глен Белснор, - произнес он, протягивая руку.

– Сет Морли.

– Мы весьма дрянная толпа. Морли. Так было с самого начала, когда я здесь появился, а прибыл сюда сразу же вслед за Фрэзером. - Белснор сплюнул в росшу под ногами сорную траву. - Вы знаете, что пытается сделать Фрэйзер? Поскольку он первым сюда прибыл, он пытается поставить себя в качестве руководителя группы: он даже говорил нам - мне, например, сказал, что растолковывает смысл полученных им инструкций как указание на то, что именно ему быть здесь во главе. Мы почти ему поверили. В этом, в общем-то, определенный смысл есть. Он самым первым сюда прибыл и сразу же стал подвергать всех остальных этим своим идиотским тестам, а затем делал громкие заявления о наших "статистических аномалиях", так этот гад представляет нам результаты своих тестов.

– Ни один опытный психолог, суждениям которого можно было бы доверять, не станет публично разглагольствовать о результатах своих обследований. - К Сету Морли, протягивая руку, подошел еще один ранее не представившийся мужчина. На вид ему было чуть больше сорока лет, у него были несколько массивная нижняя челюсть, далеко выступающие надбровные дуги и блестящие черные волосы. - Меня зовут Бен Толлчифф. - представился он Сету Морли. - Я прибыл чуть-чуть раньше вас.

Сету Морли показалось, что он не очень-то твердо стоит на ногах, как будто выпил рюмки две-три. Он в свою очередь протянул Бену Толлчиффу руку, и они обменялись рукопожатием.

"Чем- то мне этот человек нравится, - подумал Морли. - Даже если он и пропустил парочку рюмок. Всем своим видом, манерой держаться он резко отличался от всех остальных. Но они все поначалу, когда сюда прибывали, казались вполне нормальными, а затем что-то здесь заставляло их измениться. Если это так, - подумал он, то и мы сами изменимся тоже. Толлчифф, Мэри и я. Со временем. Такая перспектива не вызвала у него особого энтузиазма.

– Я - Сет Морли, - произнес он, - гидробиолог, ранее состоял в персонале киббуца "Тэкел Упарсин". А какая у вас профессия?

– Я - дипломированный природовед класса Б. На борту космического корабля мне практически нечего было делать, а полет его должен был продлиться десять лет. Поэтому я подал молитву-прошение с помощью бортового передатчика, релейная система его приняла и перепроводила Заступнику. А, может быть, и Наставнику. Но мне кажется, все-таки, что первому, так как не произошло сдвига времени назад.

– Очень интересно услышать о том, что вы здесь благодаря поданному прошению, - произнес Сет Морли. - В моем случае, мне явился Странник-по-Земле в то время, когда я был занят выбором подходящего ялика, на борту которого можно было бы сюда добраться. Я сделал свой выбор, но он оказался неадекватным. Странник предупредил меня о том, что на нем мне с Мэри сюда не попасть. - Внезапно он почувствовал голод. - Интересно, в этой компании можно

поживиться чем-нибудь съестным? - спросил он у Толлчиффа. - Мы сегодня еще ничего не ели. Последние двадцать шесть часов я был всецело помещен пилотированием ялика. Корректирующий луч мне удалось подцепить только в самом конце перелета.

Ему ответил Глен Белснор.

- Мэгги Уолш будет рада быстренько состряпать то, что здесь сходит за пищу. Нечто, составленное из мороженого гороха, мороженой эрзац-телятины и кофе из этого, будь он трижды проклят, гомеостатического кофейного автомата, который барахлит с самого начала. Вас это устроит?

- За неимением лучшего... - уныло протянул Сет Морли.

- Очарование быстро улетучивается, - произнес Бен Толлчифф.

- Не понял.

- Очарование этого места, - Толлчифф взмахнул рукой, очертив этим жестом и скалы, и искривленные темно-зеленые деревья, и беспорядочное нагромождение похожих скорее на бараки домишек, которые составляли единственные сооружения этого поселка. - Как вы сами сможете убедиться.

- Не вводите мистера Морли в заблуждение в отношении того, что кроме этих строений, на этой планете нет никаких других, - возразил ему Белснор.

- Вы хотите сказать, что здесь имеется туземная цивилизация? - с нескрываемым интересом спросил Морли.

- Я имею в виду только то, что здесь есть еще нечто такое, чего мы не понимаем. Есть, например, одно здание. Я видел его мельком, бродя как-то в окрестностях поселка, но когда я вернулся к тому же самому месту снова, уже не смог его обнаружить. Большое серое здание, в самом деле, очень большое. С угловыми башнями, окнами, высотой, как мне показалось, в этажей восемь, не меньше. И не я один, кто его видел, - добавил он, как бы оправдываясь. - Берм его видела. Уолш его видела. Фрэйзер тоже утверждает, что видел, но он по всей вероятности, темнит. Он просто не хочет казаться обделенным в глазах других.

- В этом здании живет кто-нибудь? - спросил Морли.

- Не могу сказать. Нам трудно было различить что-либо с того места, где мы находились. По сути, никто из нас не был поблизости от него. Уж очень у него... - он махнул рукой, - зловещий вид.

- Мне бы хотелось взглянуть на него, - сказал Толлчифф.

- Сегодня никто не уходит из поселка, - сказал Белснор. - Потому что, наконец, мы можем выйти на связь со спутником и получить столь необходимые нам инструкции. Это наша первоочередная задача, все остальное уходит на второй план. - Он еще раз сплюнул в сорняки, сплюнул умышленно и многозначительно. Точно целясь, чтобы не промахнуться.

Доктор Милтон Бэббл взглянул на часы и подумал: всего полпятого, а я уже устал. Тому виной низкое содержание сахара в крови, решил он. Оно всегда отмечается, когда устаешь во второй половине дня. Мне не мешало бы внести в организм некоторое количество глюкозы, пока положение еще не столь серьезно. Мозг, подумал он, просто не в состоянии нормально функционировать без достаточного количества сахара в крови. Может быть, отметил он про себя, у меня развивается диабет. Это вполне возможно - у меня к нему генетическая предрасположенность.

- В чем дело, Бэббл? - спросила Мэгги Уолш, присаживаясь с ним рядом в незатейливом зале

для собрания обитателей их жалкого поселка. - Вы снова приболели? - тут она ему подмигнула, что тотчас же привело его в ярость. - Что же у вас теперь? Вы чахнете, как "Дама с камелиями", от туберкулеза?

- Углеводная недостаточность, - ответил он, внимательно изучая свою руку, покоившуюся на подлокотнике кресла. - Плюс некоторый избыток нейромышечной деятельности повышенного риска. Двигательная активность при общем ослаблении организма. Очень неприятное состояние.

Он уже едва мог терпеть ощущения, которые испытывал: его большой палец задергался в уже ставшей для него привычной манере, будто он скатывал шарики из мякиша, непроизвольно загнулся вверх во рту язык, запершило в горле. Боже праведный, подумал он, неужели не будет конца всему этому?

Хорошо еще, что прошел приступ опоясывающего лишая, мучивший его на прошлой неделе. Он был очень рад этому, слава тебе, Господи.

- Для вас ваше тело - то же самое, что дом для женщины, - заметила Мэгги Уолш. - Вы не перестаете экспериментировать с ним, как будто оно представляет из себя скорее окружающую среду, чем...

- Телесная оболочка - одна из наиболее важнейших окружающих сред, в которых мы обитаем, - раздраженно отпарировал Бэббл. - Это наше первейшее окружение с самого детского возраста, и когда Форморазрушитель разъедает нашу жизненную силу и ее брентную оболочку, то мы вновь еще раз обнаруживаем, сколь ничтожно на нас влияние того, что происходит в так называемом внешнем мире, когда опасности подвергается наше телесное естество.

- Именно поэтому вы стали врачом?

- Это весьма сложный вопрос, здесь не обойтись рассмотрением простых причинно-следственных связей. Мой выбор профессии...

- Ну-ка там, сбавьте на полтона, - рявкнул Глен Белснор, сделав перерыв в своей возне с радиоаппаратурой. Перед ним возвышалась стойка с поселковым радиопередающим оборудованием, и он вот уже в течение нескольких часов пытался заставить его нормально функционировать.

- Если вам так не терпится поговорить, то выметайтесь на улицу. Несколько других поселенцев, находившихся в комнате, встретили его предложение одобрительным шумом.

- Бэббл, - заметил небрежно развалившийся в своем кресле Игнас Тагг, - вы оправдываете свою фамилию(1). - Он разразился отрывистым хохотом, более подходившим на собачий лай.

- Вы тоже, - произнес, обращаясь к Таггу(2), Дункельвельг.

- Да заткнитесь же! - возопил Глен Белснор, лицо его покраснелось и покрылось потом от энтузиазма, с которым он ковырялся паяльником во внутренностях передатчика. - Или, ей богу, мы так и никогда и не получим отеческих наставлений с этого паскудного спутника. Если вы тотчас же не замолчите, то мне придется встать и разорвать на куски вас, вместо того, чтобы сделать это с грудой металлического хлама, который я пытаюсь оживить. И, ей-ей, я получу большее удовольствие.

Бэббл поднялся, развернулся и вышел из комнаты.

Снаружи было прохладно, в это предвечернее время строения поселка отбрасывали длинные тени. Врач раскурил трубку (тщательно избегая при этом вызвать какие-либо неприятные реакции со стороны своего пищеварительного тракта) и стал размышлять над сложившимся положением. Наши жизни, - рассуждал он, - находятся в руках таких людишек, как Белснор. Здесь такие верховодят. В королевстве одноглазых, язвительно подумал он, в котором король - слепец, что за жизнь!

Почему все-таки, я здесь оказался - вот какой вопрос его более всего мучил. И он не находил прямого ответа - только вопль, вызванный полным замешательством, издала его душа, да еще

промелькнули в его голове какие-то смутные образы, которые жаловались и стонали подобно негодующим пациентам в палате бесплатной благотворительной клиники. Назойливые эти образы бередили его совесть, тащили его назад, в мир прошлого, в беспорядочную суету последних лет его жизни на Орионе-17, назад к тем дням, когда с ним была Марго, последняя из работавших в его кабинете медсестер, с которой у него была длительная и скучная любовная связь, несчастливая любовь, погребенная под обрушившимся на нее нагромождением взаимных обид и недомолвок, и превратившая в трагикомедию жизнь как для него, так и для нее. В конце концов, она его бросила..., или он ее? По сути, рассуждал он, каждый бросает кого-то другого, когда все становится слишком уж запутанным и готовым вот-вот развалиться даже без внешнего толчка только потому, что всему наступает свой предел. Мне еще повезло, отметил он про себя, что я выпутался из этого положения своевременно и именно так, как я это сделал. Она ведь могла бы доставить мне кучу неприятностей. Дело-то ведь уже дошло до того, что она стала представлять из себя серьезную угрозу для его физического здоровья хотя бы уже одним тем, что у него стало катастрофически развиваться истощение.

Что верно, то верно, подумал он. Самое время поправить свой протеиновый баланс приемом витамина Е. Надо вернуться к себе. И еще принять пару таблеток глюкозы, чтобы приостановить обезуглевоживание организма. При условии, что я не потеряю сознания по дороге. А если такое со мною случится, то кто сможет оказать мне помощь? Что, в самом-то деле, они сделают в этом случае? Ведь мое благополучие очень существенно для их выживания независимо от того, понимают ли они это сами или нет. Я им жизненно необходим, но настолько ли жизненно необходимы для меня они? В каком-то смысле это можно сказать лишь о Глене Белсноре. Они жизненно необходимы для меня постольку, поскольку они умеют или утверждают, что умеют квалифицированно решать задачи по поддержанию жизнеспособности этого дурацкого крохотного кровосмесительного поселка, в котором всем нам предстоит жить. Этой псевдосемьи, которая не функционирует как настоящая семья ни в одном из подходящих семье аспектов. Превеликое спасибо этим занудам из внешнего мира.

Мне нужно обязательно рассказать это Толлчифу и этому, как его там зовут, Морли. Рассказать Толлчифу, Морли и его жене - а она в общем-то совсем недурна собою - об этих занудах из внешнего мира, об этом здании, которое я видел..., видел настолько близко, что смог прочитать надпись над входом в него. Чего еще не удалось сделать никому другому, насколько мне известно. По посыпанной гравием дорожке он направился к своему жилищу. Взойдя на пластиковое крыльцо жилого комплекса, он увидел четверых собравшихся вместе людей - Сюзи Сمارт, Мэгги Уолш, Толлчифа и мистера Морли. Говорил Морли, его похожая на бадью средняя часть туловища выпячивалась над поясом, как огромная паховая грыжа. Интересно, отметил про себя Бэббл, чем это он питается? Картошкой и жареными бифштексами, обильно поливая все кетчупом и запивая пивом? Любителей пива всегда очень легко отличить. У них все лицо как бы в мелких крапинках, как раз там, где растут волоски, и мешки под глазами. Вид у них, такой, будто отечность так и прет у них отовсюду. И к тому же больные почки. И, разумеется, медно-красного цвета кожа.

Потакающий своим слабостям человек, подумалось ему, ну хотя бы вот этот Морли, никак не в состоянии уразуметь - просто ему это даже в голову прийти не может, - что он прямо-таки насыщает свой организм всевозможными ядами, что имеет своим результатом микроскопические закупорки сосудов, повреждения ответственных участков головного мозга. И все же он продолжает упорствовать в этом поглощении ядохимикатов. В неуправляемом сознанием процессе вызывания приятных вкусовых ощущений. Может быть, это даже своеобразное проявление действия биологического механизма выживания, ради пользы вида в целом производится выборочная прополка, в результате которой женщинам достаются более

полноценные и более физически здоровые мужские особи. Он подошел к этим четверым и, засунув руки в карманы, стал слушать, о чем они говорят. Морли рассказывал в мельчайших подробностях о тех религиозных переживаниях, которые он, очевидно, испытал. Или делал вид, что испытал.

– ... "Мой дорогой друг", так он ко мне обратился. Очевидно, я представлял для него определенную ценность. Он помог мне с перегрузкой... Это заняло немало времени, и мы успели о многом переговорить. Голос у него был негромкий, но я прекрасно разбирал все, что он говорил. Он не позволял себе ни одного лишнего слова и очень четко выражал свои мысли: в этом не было ничего мистического, как иногда думают. Так вот, мы загружали ялик и беседовали друг с другом. И ему захотелось благословить меня. Почему? Потому что - так он сказал - я как раз отношусь к тем, благополучие которых для него небезразлично. Он совершенно определенно высказался на сей счет, для него это было непреложным фактом. "Вы относитесь к тем людям, которые для меня много значат" - так он сказал или таким был смысл его слов. "Я хорошо отношусь к вам", - сказал он, - я ценю вашу огромную любовь к животным, сострадание к меньшим нашим братьям, которым пронизан весь строй вашего мышления. Сострадание - это основа личности, которой становится тесно в рамках индивидуальной обособленности, личности, которая возвышается над обыденностью. Именно такого типа личности мы стараемся отыскать". Тут Морли сделал паузу.

– Продолжайте, - зачарованно произнесла Мэгги Уолш.

– И тогда он промолвил нечто странное, - сказал Морли. - "Как я спас вас, вашу жизнь из сострадания к вам, так и ваша собственная великая способность к состраданию позволит вам спасти жизни, как физически, так и духовно, других людей". По всей вероятности, он подразумевал эту планету. Дельмак-О.

– Но он не сказал об этом прямо, - заметила Сюзи Сمارт.

– У него не было необходимости в этом, - продолжал Морли. - Я знал, что он имел в виду; я прекрасно понимал все, что он говорил. Фактически, общаться с ним мне оказалось намного легче, чем с большинством моих знакомых. Я не говорю ни о ком из вас - ведь я в общем-то пока что с вами очень мало знаком, но вы, разумеется, меня понимаете. В нашем разговоре не было никаких абстрактных, символических рассуждений, никакого метафизического вздора, подобного тому, о чем частенько разглагольствовали перед тем, как Спектовский написал свою "Библию". Спектовский прав. Я могу подтвердить это, основываясь на своем личном опыте неоднократного общения с ним. Со Странником.

– Значит, вы с ним и раньше встречались? - спросила Мэгги Уолш.

– Несколько раз.

Тут не выдержал доктор Милтон Бэббл и произнес:

– Я видел его семь раз. И один раз встречался с Наставником. Так что, если сложить все это вместе, то у меня было восемь случаев сопричастности к Единственному Истинному Божеству.

Реакция четверых его собеседников оказалась различной. Сюзи Сمارт окинула его скептическим взглядом; Мэгги Уолш выказывала полнейшее неверие: Толлчиф и Морли, казалось, слегка заинтересовались его словами.

– И дважды, - продолжал Бэббл, - с самим Заступником. Так что в сумме десять раз. На протяжении, разумеется, всей моей жизни.

– То, что вы слышали от мистера Морли об его опыте общения с Божеством, - спросил Толлчиф, - в основных своих чертах согласуется с вашим собственным?

Бэббл зафутболил носком камешек с крыльца; он поскакал по дорожке, ударился о ближайшую стенку и только там остановился.

– В общем и целом. Да, весьма во многом. Я полагаю, что мы можем в какой-то мере

согласиться с тем, о чем говорит Морли. И все же..., тут он сделал многозначительную паузу, -, я позволяю себе отнестись к этому с известной долей недоверия. Это был на самом деле Странник, мистер Морли? А не мог ли это быть проходивший мимо случайный рабочий, которому взбрело в голову выдать себя за Странника? Вам приходила в голову подобная мысль? О, я вовсе не отрицаю того факта, что Странник то и дело продолжает появляться среди нас - свидетельством тому мой собственный опыт.

- Я не сомневаюсь в том, что это был именно он, - сердито произнес Морли, - потому что он упомянул моего кота.

- О, вашего кота, - Бэббл ухмыльнулся как внешне, так и в душе. Ток крови разнес по всему его телу сладкое, до глубины души приятное ощущение забавности всего происходившего. - Так вот откуда исходит это ваше "великое сострадание к братьям нашим меньшим".

Чувствуя себя глубоко уязвленным. Морли распалился еще больше.

- А откуда случайному бродяге знать о моем коте! Да к тому же в "Тэкел Упарсине" даже духу нет случайных бродяг. Там все вкальвают - так уж устроен киббуц. - Теперь вид у него был какой-то обиженный, даже несчастный.

В незаметно опустившейся на всех них темноте прогремел голос Глена Белснора.

- Скорей сюда! Я связался с этим чертовым спутником! Я сейчас вот-вот заставлю заработать его лентопротяжный механизм звукозаписи!

Бэббл, тронувшись с места, произнес:

- Не думаю, что ему удастся это сделать. - Как прекрасно он вдруг себя почувствовал, хотя толком даже и не понимал, почему. Это было как-то связано с Морли и его внушающим благоговейный страх рассказом о встрече со Странником. Который теперь казался уже далеко не внушающим благоговейный страх. Раз подобное явление было когда-то тщательно исследовано и притом лицом, которое могло вынести более зрелое, критическое суждение.

Все пятеро вошли в комнату для собраний и расселись среди остальных. Из громкоговорителей радиопередающего устройства Белснора неслись громкие статические атмосферные разряды, перемежавшиеся случайными звуками, похожими вроде бы на голоса. Грохот этот болезненно воздействовал на барабанные перепонки Бэббла, но он предпочитал помалкивать, изображая всем своим видом соответствующее серьезности обстановки внимание, которого к тому же требовал и их специалист по электронике.

- То, что мы сейчас ловим, это случайные помехи, - просветил их Белснор, перекрывая своим зычным голосом низкочастотный рев, раздававшийся в громкоговорителях. - Лента с записью еще не начала проигрываться; передача записи не начнется до тех пор, пока я не передам на спутник соответствующий сигнал команды.

- Так включите поскорее ленту, - произнес Уэйд Фрэйзер.

- Давайте, Глен, давайте, включайте эту ленту, - стали раздаваться голоса со всех концов комнаты.

- О'кей, - произнес Белснор и, подняв руку, пробежался пальцами по клавишам и кнопкам, выступавшим перед ним над лицевой поверхностью панели управления. На панели стали зажигаться разноцветные сигнальные лампочки по мере того, как на борту спутника приходили в действие различные вспомогательные сервоустройства.

Из громкоговорителя раздался голос.

- Всех обитателей поселка на планете Дельмак-О приветствует генерал Тритон из "Интерпланет-Вест".

- Вот оно, - сказал Белснор. - Включилась лента.

- Да помолчите же, Белснор. Мы слушаем.

- Ее можно прокрутить сколько угодно раз, - огрызнулся Белснор.

– Вы теперь собрались в полном составе, - продолжалось обращение к ним генерала Тритона из "Интерпланет-Веста". - Комплектование вашей группы по нашим расчетам, произведенным в Отделе Исследований, должно было завершиться не позднее четырнадцатого сентября по земному стандартному времени. Прежде всего, мне хочется объяснить, почему было организовано поселение на планете Дельмак-О, кем и с какой целью. В своей основе... - тут голос генерала неожиданно оборвался. - Вввииии... - завизжало в громкоговорителях. - Угххх. Аккккк. - Белснор в безмолвном унынии уставился на приемник. - Уббббб, - еще прозвучало в громкоговорителях, затем остались только статические разряды. Белснор сбавил громкость, и в комнате воцарилась тишина.

Спустя какое-то время ее нарушил громкий хохот Игнаса Тагга.

– Что стряслось, Глен? - спросил Тони Дункельвельт.

– В передатчиках того типа, что используются на борту спутников, - заплетающимся языком стал лепетать Белснор, - имеется всего лишь две магнитные головки. Стирающая головка, которая первую стоит по ходу ленты, затем комбинированная - воспроизводящая и записывающая. А произошло вот что: эта вторая головка переключилась из режима воспроизведения в режим записи. Поэтому она стирает автоматически все, что было записано на пленке. У меня нет никакой возможности переключить режим ее работы: она продолжает работать в режиме записи и, по всей вероятности, так будет до тех пор, пока не сотрется предыдущая запись со всей бобины.

– Но если она все сотрет, - произнес Уэйд Фрэйзер, - значит, запись будет навсегда для нас потеряна. Независимо от того, что вы сделаете.

– Верно, - подтвердил его предположение. Глен Белснор. - Она стирает и ничего не записывает. А я не в состоянии изменить режим ее работы. Вот, глядите, - он перещелкнул несколько тумблеров на панели. - Ровным счетом ничего. Головку зациклило. И с этим ничего не поделаешь. - С этими словами он вырубил главный выключатель питания, чертыхнулся в сердцах, сел, снял очки и стал вытирать пот со лба. - Боже ты мой, а ведь поначалу все так ладилось.

В громкоговорителях раздался громкий отрывистый щелчок, после чего они смолкли навсегда. Все находившиеся в комнате оцепенело молчали. Говорить было нечего.

Глава 5

– Единственное, что мы можем сделать, - предложил Глен Белснор, - это выйти с передачей на релейную радиосеть и попробовать связаться с Террой, чтобы уведомить генерала Тритона из "Интерпланет-Веста" о том, что произошло, о полном провале нашей попытки получить его наставления. В сложившихся обстоятельствах руководство несомненно пожелает - и оно в состоянии это сделать - выслать связную ракету в нашем направлении. На ее борту будет другая магнитная лента, которую мы сможем прослушать прямо здесь. - Он ткнул пальцем в сторону лентопротяжного механизма, смонтированного на одной из дек их приемо-передающей стойки.

– И сколько это займет времени? - спросила Сюзи Смарт.

– Я еще ни разу не пробовал выйти на радиорелейную сеть отсюда, - признался Глен Белснор. - Ничего не могу сказать определенного. Надо пробовать. Может быть, нам это удастся сделать с первого же захода. Но даже в самом худшем случае на это уйдет не более двух-трех дней. Единственная трудность здесь вот в чем, - он потер небритый подбородок. - Возможно, нужно знать секретный код. Не исключено, что Тритону совсем не хочется, чтобы имелась возможность передачи запросов по радиорелейной сети, откуда любой, располагающий современным

приемником, мог бы перехватить его. И его реакция в этом случае может быть такова, что он просто проигнорирует наш запрос.

– Если это так, - отозвался вдруг Бэббл, - то нам не остается ничего другого, как упаковаться и драпать отсюда. Немедленно.

– А каким образом? - ухмыльнувшись, произнес Игнас Тагг. Все дело в яликах, подумал Сет Морли. У нас нет никаких других транспортных средств, кроме мертвых, израсходовавших все свое топливо яликов, но даже если нам и удалось бы заправиться топливом - ну скажем, перекачав остатки топлива из каждого, чтобы наполнить топливный бак хотя бы одного из них, - на борту ялика отсутствует навигационное оборудование, с помощью которого можно было бы проложить требуемый нам курс. В памяти навигационного устройства каждого ялика имеются только две координаты - планеты Дельмак-О и исходной точки отправления - и совершенно отсутствуют координаты "Интерпланет-Веста", вследствие чего эти устройства не имеют никакой для нас ценности. Может быть, мелькнуло у него в голове, именно поэтому нам предписывалось прибывать сюда только на яликах?

Мы все являемся объектом какого-то эксперимента, в отчаянье подумал он. Вот, вот - над нами кто-то экспериментирует. Не исключено, что на пленке в лентопротяжке спутника никогда и не было никаких инструкций. Может быть, все было подстроено с самого начала именно таким образом.

– Попробуйте связаться с кем-нибудь из дежурных релейной сети, - предложил Толлчиф. - Может быть, вам это удастся сделать прямо сейчас.

– А почему бы и нет? - согласился Белснор. Он снова включил аппаратуру, нахлобучил на голову наушники, стал лихорадочно вращать рукоятки управления, включать одни цепи, выключать другие. Все остальные ждали в абсолютной тишине и внимательно следили за его манипуляциями. Как если бы, подумал Морли, от этого зависели наши жизни. И вполне возможно, что так оно и есть на самом деле.

– Ну что? - не выдержала в конце концов Бетти Джо Берм.

– Ничего, - ответил Белснор. - Попробую-ка видеоканал. - Засветился небольшой телеэкран. По нему побежали ровные строки, то и дело перекрывавшиеся рябью статических помех. - Это как раз та частота, на которой работает релейная сеть. Мы должны были поймать изображение.

– Но не ловим, - мрачно заметил Бэббл.

– Да, не ловим, - Белснор продолжал вращать рукоятки - Сейчас совсем не так, как в прежние добрые времена, - тяжело вздохнув произнес он, - когда можно было крутить конденсаторы переменной емкости приемных контуров, пока не поймаешь нужный сигнал. Сейчас все гораздо сложнее. - Он неожиданным движением выключил силовое питание. Экран погас, а в громкоговорителях смолкли атмосферные разряды.

– В чем дело? - спросила Мэри Морли.

– Нам так и не удалось выйти в эфир, - пояснил Белснор.

– Что? - почти одновременно воскликнули в изумлении все находившиеся в комнате.

– Мы ничего не передаем. Я не могу выйти на их сеть, а если мы не находимся в эфире, то как они могут подцепить наш сигнал? - Он откинулся назад и весь аж задрожал от возмущения. - Это заговор, гнусный заговор.

– Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? - резко спросил у него Уэйд Фрэйзер. - Вы считаете, что это сделано умышленно?

– Не я собирал этот передатчик, - сказал Глеи Белснор. - Не я монтировал эту приемную аппаратуру. В течение последнего месяца, с того самого первого дня, что я здесь, я непрерывно производил пробные выходы в эфир. Я поймал несколько передач со станций этого звездного скопления и мы сами производили передачу. Казалось, что все функционирует вполне

нормально. И вот тебе на. - Он глянул вниз, лицо его внезапно оживилось. - О, - вдруг произнес он и кивнул. - Да, я понял, что произошло.

- Нечто плохое? - спросил Бен Толлчиф.

- Когда спутник принял мою команду активировать лентопротяжный механизм и перейти в режим передачи, - сказал Белснор, - он переправил этот сигнал назад. Передал команду этой аппаратуре, - он показал на стоявшую перед ним приемо-передающую стойку. - Эта команда заблокировала абсолютно все. Она свела на нет все мои настройки. Мы теперь ничего не принимаем и ничего не передаем, независимо от того, какие команды я задаю той гряде металлолома. Мы отрезаны от эфира, и, по всей вероятности, требуется еще один сигнал со спутника, чтобы это все снова начало нормально функционировать. - Он покачал головой. - Что нам остается делать, как не восхищаться этим? Мы передали свой первичный запрос на спутник, он в ответ переслал свой сигнал блокировки. Это как в шахматах - на каждый ход есть свой ответ. Причем я сам привел в действие весь этот адский механизм. Как крыса в клетке, пытающаяся отыскать тот рычаг, после нажатия на который ей в клетку падает сыр и наткнувшись на другой рычаг, прикосновение к которому сопровождается ударом электрического тока. - В его голосе звучала горечь поражения.

- Разберите передатчик и приемник, - предложил Сет Морли. - Отыщите блокировку и соберите все заново, убрав ее.

- В этой аппаратуре, наверное, - даже, черт возьми, несомненно, - имеется компонент, который может ее полностью вывести из строя. Он либо уже уничтожил жизненно важные элементы, либо сделает это, как только я попытаюсь устранить блокировку. У меня нет запасных деталей. Если будут уничтожены там и здесь определенные цепи, у меня нет никакой возможности их восстановить.

- А луч автопилота, - спросил Морли, следуя которому я сюда добирался? Вы можете переслать нужное сообщение с его помощью?

- Лучи автопилота работают только первые восемьдесят или девяносто тысяч миль, после чего их действие прекращается. Разве не на этом удалении вы поймали свой сигнал, с помощью которого совершили здесь посадку?

- Да, примерно, - признался Морли.

- Мы полностью изолированы, - сказал Белснор. - И сделано это фактически в течение всего лишь нескольких минут.

- Что мы должны сделать, - сказала Мэгги Уолш, - так это подготовить общее прошение-молитву. Мы можем, вероятно, передать его с помощью эманации своих собственных желез, если нам удастся ее сделать достаточно короткой.

- Я могу помочь приготовить такое прошение, если это выход из положения, - сказала Бетти Джо Берм. - Поскольку я опытный лингвист.

- Это самое крайнее средство, - заметил Белснор.

- Нет, не самое крайнее средство, возразила Мэгги Уолш, а весьма эффективный, неоднократно апробированный метод получения помощи. Мистер Толлчиф, например, попал сюда благодаря именно такому прошению.

- Но оно прошло по радиорелейной сети, - заметил Белснор. - У нас же нет возможности выйти на эту сеть.

- У вас нет веры в прошение? - ехидно произнес Уэйд Фрэйзер.

- Да, у меня нет веры в молитву-прошение, - ответил Белснор, - если оно не подкреплено соответствующими электронными средствами. Спектовский прямо указывал на это: если нужно, чтобы прошение возымело должный эффект, оно должно быть передано с помощью электронных устройств через сеть планет "Обитателей Богов", чтобы достичь всех Манифестаций

Божества.

– Я предлагаю, - сказал Морли, - передать наше общее прошение насколько можно дальше от поверхности этой планеты с помощью луча автопилота. Если мы сможем спроецировать его на восемьдесят или девяносто тысяч миль отсюда, то Божеству будет легче его уловить, поскольку сила притяжения его к поверхности планеты обратно пропорциональна эмоциональной силе прошения, а это означает, что если нам удастся передать прошение на как можно большее расстояние от планетарной массы, то значительно повысится математическая вероятность того, что прошение достигнет какой-либо из Манифестаций. Сам Спектовский упоминает это, я просто не помню, где. В конце, как мне кажется, одного из приложений к "Библии".

– Законы Терры запрещают сомневаться в эффективности прошений. Это нарушение гражданского кодекса как метрополии, так и всех колоний "Интерпланет-Веста", - злорадно заметил Уэйд Фрэйзер.

– И вы не погнушаетесь составить соответствующий донос, - в тон ему произнес Игнас Тагг.

– Никто не собирается ставить под сомнение действенность молитв, - глядя на Фрэйзера с нескрываемой враждебностью, произнес Бен Толлчиф. - Мы просто не можем прийти к согласию в отношении выбора наиболее эффективного способа передачи их. - Он поднялся со своего места. - Что-то пить захотелось, - сказал он. - Прощайте. - Он вышел из комнаты, причем походка его была не очень-то твердой.

– Неплохая мысль, - сказала Сюзи Смарт, обращаясь к Сету Морли. - Я тоже не прочь выйти. - Она поднялась, с машинальной улыбкой на лице, лишенной какого-либо чувства. - Ведь это в самом деле ужасно, разве не так? Не могу поверить, что генерал Тритон мог сделать такое умышленно. Это, скорее всего, какая-то ошибка. Неисправность электроники, о которой ничего не известно администрации. Вы с этим не согласны?

– Генерал Тритон, судя по тому, что я о нем слышал, - сказал Морли - человек безупречной репутации.

На самом деле он никогда не слышал вообще о генерале Тритоне, но ему казалось, что неплохо именно в таком духе высказаться, чтобы приободрить Сюзи. Они все сейчас нуждаются в словах ободрения, и если это поможет укрепить их веру в то, что генерал Тритон - человек, безусловно, достойный уважения, то пусть так оно и будет, - ему, во всяком случае, так этого хотелось. Вера в гражданскую власть, так же как и в непогрешимость религии - естественная потребность цивилизованного человека, без этого вряд ли можно было бы жить.

– Так к какому же аспекту Божества нам следовало бы обратиться с прошением? - спросил д-р Бэббл у Мэгги Уолш.

– Если вы хотите, чтобы время откатилось назад, ну скажем, к тому моменту, который предшествовал времени получения назначения на эту планету каждым из нас, - объяснила Мэгги, тогда это должен быть Наставник. Если же вы хотите, чтобы Божество стало на нашу сторону и ситуация изменилась для всех нас к лучшему, тогда следует обращаться к Заступнику. Если же мы, каждый по-одиночке, желает получить помощь в отыскании выхода из...

– Надо обратиться ко всем троим, - с дрожью в голосе произнес Берт Кослер. - Пусть Божество само решает, к какой из его ипостасей оно прибегнет, чтобы оказать нам помощь.

– Может статься, что оно не пожелает прибегнуть ни к одной, - язвительно заметила Сюзи Смарт. - Нам лучше самим решить этот вопрос. Разве это не является одной из составных частей искусства молиться?

– Верно, - согласилась Мэгги Уолш.

– Пусть кто-нибудь сядет писать молитву, - предложил Уэйд Фрэйзер. - Начать следовало бы вот так: "Благодарим Вас за всю ту помощь, которую Вы оказывали нам в прошлом. Мы не решаемся побеспокоить Вас снова, понимая насколько велика Ваша занятость, но положение, в

котором мы оказались, таково... - тут он сделал паузу и задумался. - А каково, в общем-то, наше положение? - спросил он Белснара. - Мы, что, всего лишь хотим, чтобы стал исправным наш передатчик?

- Гораздо большего, чем это, - произнес Бэббл. - Мы хотим покинуть эту планету и больше уже никогда не видеть этот Дельмак-О.

- Если передатчик заработает, - сказал Белснар, - мы сможем это сделать сами. - Он стал обкусывать ногти на пальцах правой руки. - Мне кажется, что нам следовало бы просить о доставке сюда запасных деталей для передатчика, а об остальном мы и сами позаботимся. Не следует обременять Божество своими домогательствами - чем меньше в молитве просишь, тем лучше. Разве не об этом говорится в "Библии"? - он повернулся к Мэгги Уолш.

- На странице 158, - сказала Мэгги, - Спектовский пишет так:

"Душа краткости - а мы живем короткий век - острый ум. И когда дело касается искусства молиться, то количество необходимого ума обратно пропорционально длительности молитвы" - Тогда давайте скажем просто, - предложил Белснар, - Странник-по-Земле, помоги нам найти запчасти к передатчику.

- А мне кажется, что надо, - возразила ему Мэгги Уолш, - попросить мистера Толлчифа составить молитву, раз он добился такого быстрого успеха в исполнении своей предыдущей просьбы. Очевидно, он знает, к каким выражениям лучше всего прибегнуть.

- Ступайте к Толлчифу, - сказала Бэббл. - Он сейчас, наверное, перетаскивает свой скарб с ялика в отведенное ему жилое помещение. Кто-нибудь должен его найти.

- Я пойду, - отозвался Сет Морли, встал и вышел из комнаты для собраний в темноту быстро опустившейся на планету ночи.

- Это была очень неплохая мысль, - услышал он слова Бэббла и голоса других, к нему присоединившихся.

Оставшиеся в комнате для собраний хором одобряли предложение Мэгги Уолш.

Он продолжал идти, осмотрительно выбирая свой путь - в этом все еще незнакомом ему поселке так легко заблудиться. Может быть, мне следовало упросить, чтобы со мной пошел кто-нибудь еще, засомневался было он. В одном из домиков впереди виднелся свет в окне. Может быть, он как раз здесь, решил Сет Морли, и направился к входу.

* Бен Толлчиф выпил все до дна, зевнул провел пальцами по горлу, зевнул еще раз и нескладно поднялся. Пора идти, так сказал он самому себе. Я все-таки надеюсь, подумал он, отыскать в темноте свой ялик.

Он вышел наружу, ступил на посыпанную гравием дорожку и медленно побрел в том направлении, где, как он считал, должны были находиться ялики. Почему это нигде здесь не горят фонари наружного освещения, не без удивления подумал он, но затем догадался, что другие поселенцы были слишком заняты, чтобы включить фонари. Поломка передатчика настолько отвлекла всех их, что они забыли обо всем остальном, и это было вполне понятно. Почему же это меня там нет, вдруг задался он важным вопросом. Я, что, не принадлежу к этому коллективу людей? Но эти люди еще не составляют коллектив - это пока совокупность ориентированных только на самих себя индивидуумов, непрерывно донимающих друг друга своим визгом и воплями. Находясь в их компании, он испытывал ощущение, будто нет у него здесь, ничего такого, что связывало бы его с другими. Он чувствовал себя затесавшимся среди них бесполезным бродягой, а между тем все его естество жаждало работы, физической нагрузки; вот как раз сейчас подобное побуждение вытолкнуло его из комнаты для собраний и привело туда, где он жил, а теперь оно же побудило его брести сквозь ночную тьму в поисках своего ялика.

Впереди тьму ночного неба заслонило нечто еще более черное, что по мере приближения стало

принимать смутные человеческие очертания.

– Толлчиф?

– Да, - ответил он. - Кто это?

– Морли. Меня послали за вами. Хотят, чтобы именно вы составили молитву-прошение, поскольку вам сопутствовала такая крупная удача всего лишь пару дней тому назад.

– Не ждите от меня составления просьб, - жестко отрубил Толлчиф и еще плотнее сцепил зубы от испытываемой им горечи. - Смотрите, куда завела меня эта последняя моя просьба - теперь я застрял здесь вместе со всеми вами. Не обижайтесь, я только хочу сказать... - тут он как-то неопределенно мазнул рукой. - Это очень жестоко и совсем негуманно таким-то вот образом откликнуться на мое прошение, учитывая сложившееся здесь положение. Ведь это все было заранее известно.

– Я разделяю ваши чувства, - сказал Морли.

– Почему вам это не сделать самому? Вы совсем недавно встречались со Странником, прибегнуть к вашим услугам было бы гораздо умнее с их стороны.

– Я не силен в прошениях. И я ведь не вызывал к себе Странника. Это он сам явился мне.

– Вы не против вместе со мною пропустить пару рюмочек? - спросил Толлчиф. - А после этого, может быть, подсобите мне перетащить мое барахло в комнату, а там посмотрим, что будем делать дальше.

– Мне самому надо перетащить свои пожитки.

– Оригинальное отношение к самой мысли об оказании взаимопомощи.

– Если бы вы помогли мне...

– Мы еще встретимся позже, - сказал Толлчиф и продолжил нетвердой походкой начатый им маршрут, держась в темноте за стены и то и дело спотыкаясь, пока вдруг, неожиданно для самого себя, не уткнулся в зазвеневший от удара металлический корпус. Ялик. Он все-таки нашел то место, что искал. Теперь оставалось только выяснить, какой из яликов его собственный.

Он оглянулся - Морли и след простыл, он был совершенно один.

Почему этот парень не захотел мне помочь, спросил он у самого себя. Ведь мне никак не обойтись без помощника, если я захочу перетащить все эти коробки. Ну-ка, поглядим, подумал он. Если б я сумел включить посадочные огни ялика, я мог бы все отчетливо разглядеть. Он отыскал штурвал запорного механизма, повернул его, рывком распахнул дверь. Автоматически включилось дежурное освещение, теперь он уже мог хоть что-то видеть. Наверное, я возьму только одежду, туалетные принадлежности и свой экземпляр "Библии", так решил он. И буду читать "Библию", пока совсем не усну. Я очень устал. Пилотирование ялика вконец меня вымотало. А тут еще и поломка передатчика. Полный крах.

С чего это я попросил у него помощи? Ведь я его совсем не знаю, да и он меня едва ли знает. Перетаскивать собственное барахло - это моя личная проблема. У него достаточно своих забот.

Он подхватил коробку с книгами и стал тащить ее со стоянки яликов в направлении - он надеялся, что выбрал его, в общем-то, верно, - своего жилья, надо где-нибудь раздобыть карманный фонарик, решил он, бредя вперевалку, сам не зная куда. И, черт побери, я забыл выключить посадочные огни... Все идет как-то наперекосяк, понял он. Не лучше ли уж вернуться и присоединиться к остальным? Или вот дотащу одну только эту коробку, потом дерну еще рюмку-другую, а к тому времени, возможно, большинство из них уже покинет комнату для собраний и сможет мне помочь. Ворча себе под нос и потея, он все-таки добрался по посыпанной гравием дорожке до темного, не подающего каких-либо признаков жизни строения, которое давало кров обитателям поселка. Все окна были темными. Значит, все еще продолжают совместные попытки состряпать приличествующее сложившейся ситуации прошение. Одна мысль об этом вызвала у него произвольный смех. Они, наверное, будут корпеть над этим

текстом, придираясь друг к другу, всю ночь, решил он, и снова рассмеялся, но на этот раз уже с нескрываемым злорадством.

Свое собственное жилье он отыскал только благодаря тому факту, что дверь в него была распахнута настежь. Войдя внутрь, он выронил коробку с книгами на пол, тяжело вздохнул, выпрямился во весь рост, включил все лампы..., и вот так, стоя, внимательно обследовал крохотную комнатенку, в которой были только туалетный столик и кровать. Кровать ему не понравилась: она показалась ему маленькой и жесткой. "Боже ты мой", только и вымолвил он и присел на кровать. Вынув несколько книг из коробки, он стал дальше рыться в ее содержимом, покуда не наткнулся на бутылку виски "Питер Доусон". Отвинтил крышку и с торжественным видом сделал несколько глотков прямо из горлышка.

Через открытую настежь дверь хорошо просматривалось ночное небо. Он заметил, как тускло мерцают звезды в беспокойной атмосфере планеты, затем небо на какое-то мгновение прояснилось. В плотной атмосфере этой планеты, подумал он, нелегко различать созвездия.

Неожиданно, в дверях, закрыв от его взгляда звезды, возникло нечто серое, огромное и бесформенное.

Оно держало что-то вроде трубы и направило эту трубу прямо на него. Он увидел телескопический прицел на трубе и спусковой механизм. Кто это? Что это? Он весь напрягся, стараясь получше присмотреться, и тут услышал слабый отрывистый хлопок. Серая тень отодвинулась в сторону, и снова в дверном проеме появились звезды. Но теперь они стали совсем другими. Он увидел, как две звезды столкнулись одна с другой, вызвав яркую вспышку новой звезды. Она загорелась на фоне ночного неба, как ракета, а затем, он и это заметил, начала быстро гаснуть. Он наблюдал, как она из яркой огненной сферы стала превращаться в тусклый шар мертвого железа, а затем увидел, как и он, охлаждаясь, совершенно померк. Вместе с этой звездой стали гаснуть и другие звезды по соседству. Он видел, как силы энтропии, любимый метод, к которому столь часто прибегает Форморазрушитель, сжимают звезды в тусклые красноватые угольки, а затем превращают и вовсе в бесплотную пыль. Пелена тепловой энергии однородной массой накрыла весь мир, а с ним - и ту странную небольшую планету, к которой он отнюдь не испытывал любви, не испытывал впрочем потребности в этом чувстве вообще.

Эта планета гибнет, понял он. Вся вселенная. Горячий туман все сильнее укутывал окружающее, однако одновременно становился все более прозрачным, пока не превратился всего лишь в легкую дымку, не более: сквозь нее слабо просвечивалось небо, а затем все затрепетало и стало размытым, даже однородное тепловое поле теперь иссякло. Как странно и чертовски ужасно, подумал он. С этой мыслью он поднялся и сделал шаг в направлении двери.

А там, все еще стоя на ногах, скончался.

Тело его обнаружили часом позже. Сет Морли стоял вместе со своей женой, затертый сзади, в толпе, тесно набившейся в крохотной комнатенке. Только одна мысль не выходила у него из головы: **ЧТОБЫ НЕ ДАТЬ ЕМУ ВОЗМОЖНОСТИ ПОМОЧЬ В СОСТАВЛЕНИИ ПРОШЕНИЯ.**

— Это та же самая сила, что вывела из строя передатчик, - сказал Игнас Тагг. - Они знали. Они знали, что, если бы он составил прошение, оно бы дошло до адресата. Даже без посредничества релейной сети. Вид у него был хмурый и напуганный. У всех был такой вид, что не ускользнуло от внимания Морли. Лица при том освещении, что было в комнате, казались свинцово-серыми, как бы высеченными из камня. Как, подумалось ему, у тысячелетней давности идиолов.

Время, продолжал размышлять он, как бы смыкается вокруг нас. Как будто будущее пропало, пропало для всех нас. Не только для одного Толлчифа.

– Бэббл, вы можете определить причину смерти? - спросила Бетти Джо Берм.

– В какой-то мере. - Д-р Бэббл присел на корточки рядом с телом Толлчифа и стал тут и там прощупывать его. - Видимых следов крови нет. Смерть, как сами понимаете, вполне могла быть естественной. Она могла наступить вследствие сердечной недостаточности. Но мог он и быть убит из теплового оружия с близкого расстояния..., впрочем, в этом случае, я бы нашел следы ожогов. - Он расстегнул воротник Толлчифа, стал прощупывать грудную клетку. - Это вполне мог сделать кто-либо из нас, - произнес он. - Не следует исключать такой возможности.

– Это их рук дело, - заключила Мэгги Уолш.

– Возможно, - произнес Бэббл. - Я сделаю все, что в моих силах. - Он кивнул Таггу, Уэйд Фрэйзеру и Глену Белснору. - Помогите мне отнести тело в лазарет. Я приступлю к вскрытию, не мешкая.

– Никто из нас даже не успел толком с ним познакомиться, - сказала Мэри.

– Как мне кажется, я, пожалуй, последним его видел, - высказался Сет Морли. - Он хотел перенести вещи из ялика в свою комнату. Я сказал ему, что помогу чуть попозже, когда освобожусь сам. У него, как мне показалось, настроение было препаршивейшее. Я пытался убедить его в том, что он крайне необходим нам для составления прошения, но он, казалось, не выказывал к этому ни малейшего интереса. Он только хотел перенести свои вещи. Морли испытывал горькие угрызения совести. Если бы я тогда помог ему, подумал он, Толлчиф сейчас был бы жив. А может быть, прав все-таки Бэббл - возможно, - это сердечный приступ, вызванный переноской тяжелых коробок. Он ткнул ногой в коробку с книгами, пытаясь определить, могли ли быть тому виной эти книги и его отказ оказав помощь. Ко мне зывали о помощи, а ее не сказал, эта мысль никак его не покидала.

– Вы не заметили у него проявления каких-либо признаков, сопутствующих совершению самоубийства? - спросил у Сета Морли доктор Бэббл.

– Нет.

– Очень странно, - произнес Бэббл и устало покачал головой, - ладно, давайте перенесем тело в лазарет.

Глава 6

Четверо мужчин пронесли тело Бена Толлчифа через весь погруженный к ночную тьму поселок. В лицо им бил холодный ветер, и они, дрожа, тесно прижимались друг к другу, противостоя все возрастающей враждебности к ним планеты Дельмак-О - той враждебности, которая уже погубила Толлчифа.

Бэббл включил все имевшиеся в лазарете осветительные приборы. В конце концов они возложили тело Толлчифа на высокий обитый металлом операционный стол.

– Как мне кажется, нам лучше разойтись по своим комнатам и оставаться там, пока доктор Бэббл не завершит вскрытие, - не переставая дрожать, предложила Сюзи Смарт.

Ей возразил Уэйд Фрэйзер.

– Будет лучше, если мы станем держаться вместе, во всяком случае, пока доктор Бэббл не огласит результат вскрытия. И я также думаю, что при данных непредвиденных обстоятельствах, учитывая это ужасное событие в нашей жизни, нам нужно немедленно избрать руководителя, человека сильного, который сумеет удержать нас вместе как единый коллектив, ведь пока мы фактически таковым не являемся, а сейчас это особенно необходимо. Все согласны со мною?

– Да, - после некоторой паузы произнес Глен Белснор.

– Мы можем проголосовать, - предложила Бетти Джо Берм. - Выбрать руководителя демократическим способом. Но я считаю, что нам нужно отнестись к этому со всей ответственностью. - Она стала тщательно подбирать слова, чтобы не быть неправильно понятой. Не следует наделять руководителя слишком большой властью. Мы должны сохранить за собой право отозвать его случае, если он перестанет нас удовлетворять. Тогда мы сможем проголосовать за его смещение и выбрать в качестве руководителя кого-нибудь другого. Но пока наш избранник является руководителем, мы обязаны ему повиноваться - ведь не в наших же интересах, чтобы он был слишком слабым. Если он будет бессильным, то положение наше будет точно таким же, как сейчас. Мы будем просто сборищем отдельных личностей, которые не в состоянии действовать сообща даже перед лицом смерти.

– Тогда давайте не будем расходиться по своим углам, а вернемся в комнату для собраний, - предложил Тони Дункельвельт, - чтобы начать выборы. Иначе нас могут всех поубивать до того, как мы выберем руководителя. Нам нельзя ждать, сложа руки.

Вместе они угрюмо прошествовали из лазарета доктора Бэббла в комнату для собраний. Приемник и передатчик все еще были включены. Входя в комнату, каждый из них слышал низкий, монотонный гул.

– Такой большой, - сказала Мэгги Уолш, глядя на передатчик, - и такой бесполезный.

– А вам не кажется, что нам бы стоило вооружиться? - спросил Берт Кослер, потянув за рукав Морли. - Если кто-то намеревается убить всех нас...

– Давайте подождем, что скажет Бэббл о результатах вскрытия.

– Мы будем голосовать поднятием рук, - поудобнее усаживаясь, деловым тоном объявил Уэйд Фрэйзер. - Пусть все сидят тихо, а я буду зачитывать фамилии и вести подсчет. Такая процедура всех устраивает?

– В его голосе зазвучали язвительно-насмешливые нотки, и это не очень-то понравилось Сету Морли.

– Вам не добиться своего избрания, - бросил с места Игнас Тагг, - как сильно вы бы не стремились к этому. Никто из собравшихся в этой комнате, не намерен позволить кому-нибудь вроде вас командовать нами. - Он еще удобнее развалился в кресле, закинул ногу на ногу и вынул из кармана пиджака сигарету с настоящим табаком.

Одновременно с тем, как Уэйд Фрэйзер зачитывал фамилии и вел подсчет голосов, несколько других участников голосования делали свои собственные пометки. Они не доверяют точности подсчета Фрэйзера, сообразил Сет Морли. И в душе своей не упрекал их за это.

– Наибольшее число голосов подано, - объявил Фрэйзер после того, как был зачитан весь список, - за Глена Белснора. При этом он с нарочитой небрежностью отшвырнул список. Как, если бы, подумал Морли, психолог этим жестом хотел сказать: "Ну что, ребята, валяйте, пропадайте тут сами без меня. Ведь это ваши жизни, вот и разбрасывайтесь ими, как хотите". Но самому Морли показалось, что Белснор - совсем неплохой выбор. Сам он проголосовал за электронщика, и теперь, несмотря на разочарование Фрэйзера, был доволен результатом выборов. А судя по тому, как облегченно вздохнули и расслабились остальные, он догадался, что и их всех тоже устроил такой исход голосования.

– Пока будем дожидаться доктора Бэббла, - предложила Мэгги Уолш, - нам, пожалуй, следовало бы сообща вознести групповое прошение о немедленном даровании бессмертия душе усопшего мистера Толлчифа.

– Читайте "Библию" Спектовского, - сказала Бетти Джо Берм. Она запустила руку к себе в карман, извлекла свой собственный экземпляр и передала его Мэгги Уолш. - Читайте тот абзац на странице 70, в котором говорится о Заступнике. По-моему, сейчас именно к Заступнику нам

следует обратиться.

Мэгги Уолш нараспев стала произносить слова, которые и без того все знали наизусть.

– "Своим появлением в истории и мироздании Заступник предложил себя в качестве жертвы, благодаря которой воздействие на людей Проклятия могло быть частично сведено на нет. Удовлетворенное искуплением Его собственных деяний этою своею Манифестацией, символизировавшей хотя и частичную, победу над силами хаоса. Божество "умерло", а затем вновь явило Себя миру, дабы указать на то, что Ему удалось одержать верх над Проклятием, а, следовательно, и смертью, и, совершив это, восполнялось концентрическими кругами к Самому Богу Единому". И я добавлю еще один абзац, имеющий прямое отношение к нашему случаю. "Следующим же - и последним - кругом является День Сличения, когда небеса свернутся снова в свиток, и каждое суть живущее - а следовательно и все существа: как обладающие разумом люди, так и человекоподобные организмы внеземного происхождения, - будут примирены с Изначальным Божеством, от единства бытия которого и произошло все сущее (с возможным исключением Форморазрушителя)". - Здесь она позволила себе короткую передышку, а затем произнесла. - Повторяйте, что я говорю, вслед за мною, все без исключения, повторяйте вслух или в мыслях своих.

Они подняли головы и устремили взоры прямо перед собою, как это надлежало делать в подобные случаи, чтобы Божеству было как можно легче их услышать.

– Мы не были достаточно близко знакомы с мистером Толлчифом.

Все вслед за нею повторили:

– Мы не были достаточно близко знакомы с мистером Толлчифом.

– Но он показался нам прекрасным человеком.

Все повторили вслед за нею и эти ее слова.

Мэгги несколько замялась, призадумалась, затем произнесла.

– Изымите его из реального времени и тем самым сделайте его бессмертным.

Все повторили.

– Восстановите его таким, каким он был до того, как стал жертвой коварства Форморазрушителя.

Все начали повторять:

– Восстановите его таким... - тут все замолчали, так как в комнату вошел весь взъерошенный доктор Милтон Бэббл.

– Мы должны завершить молитву, - сказала Мэгги.

– Вы успеете это сделать в другой раз, - возразил доктор Бэббл. - Мне удалось установить причину смерти. - Он заглянул в принесенные с собою несколько листов бумаги. - Это обширное воспаление бронхиальных отростков вследствие неестественного содержания гистамина в крови, что привело к сужению дыхательных путей: точной причиной смерти явилось удушье как реакция на аллерген неоднородного состава. Его, должно быть, укусило какое-то насекомое или он прикоснулся нечаянно к какому-то растению, когда разгружал свой ялик. Насекомое или растение содержало вещество, которое вызвало у него страшнейшую аллергию. Помните, какою больною была Сюзи Сمارт в течение первой недели своего пребывания здесь, когда задела ветку какого-то напоминающего крапиву куста? И Кослер... - тут он сделал жест в сторону престарелого завхоза. - Если бы он тогда не обратился ко мне немедленно, то он тоже бы умер. В случае Толлчифа ситуация оказалась крайне неблагоприятной. Он ушел вечером один, и никого не оказалось поблизости, кто бы мог обнаружить, в каком он очутился состоянии. Он умер один, но если бы мы там были, его можно было бы спасти.

Наступившее молчание первой нарушила, не поднимаясь со своего места, Роберта Рокингхэм. Она сидела, укрыв ноги огромным пледом.

– Ну, мне кажется это заявление гораздо более ободряющим, чем наши собственные рассуждения. Весьма возможно, что никто не задается целью погубить нас... что в самом деле, просто замечательно, разве не так? - Она обвела взором присутствующих, вся обратившись в слух, чтобы не упустить чье-либо высказывание.

– Наверное, - как-то отрешенно произнес Уэйд Фрэйзер, сделав кислую мину.

– Бэббл, - сказал Игнас Тагг, - мы тут голосовали без вас.

– Черт возьми, ну и что из того? - вскипела Бетти Джо Берм. - Ну так проголосуем еще раз.

– Вы выбирали одного из нас в качестве руководителя? - удивился Бэббл. - Не принимая во внимание мою роль во всем, что здесь происходит? Так что же вы решили?

– Выбрать меня, - отозвался Глен Белснор.

Бэббл, казалось, стал совещаться с самим собой.

– Ну что ж, нет ничего плохого, как я полагаю, - произнес он в конце концов, - в том, что нашим руководителем будет Глен.

– Он победил с перевесом в три голоса, - заметила Сюзи Смарт.

Бэббл одобритительно кивнул.

– Меня это удовлетворяет в любом случае.

К Бэбблу подошел Сет Морли, глянул на него в упор и спросил:

– Вы абсолютно уверены в причине смерти?

– Нисколько в том не сомневаюсь. Я располагаю оборудованием, которое позволяет определить...

– Вы нашли где-нибудь на его теле след от укуса насекомого?

– Вообще-то..., нет, - ответил Бэббл.

– А возможное место, которым он поцарапался или хотя бы прикоснулся к листу растения?

– Нет, - сказал Бэббл, - но это не является существенным аспектом подобного обследования. Некоторые здешние насекомые столь малы, что только проверка под микроскопом может выявить те места, куда насекомое могло укусить или ужалить, а для этого потребуется несколько дней.

– Но вы удовлетворены результатами вскрытия, - произнес Белснор, тоже подойдя к врачу вплотную. Он стоял, сложив руки на груди, и раскачивался взад-вперед на пятках.

– Вы отдаете себе отчет в том, что будет означать ваша ошибка?

– Что-что? Объясните.

– О, Боже праведный! Бэббл, - вмешалась Сюзи Смарт, - да ведь это очевидно. Если кто-то или что-то умышленно убило его, тогда мы все подвергаемся такой же опасности, как и он - весьма возможно. Но если его укусило насекомое...

– Именно это и произошло, - сказал Бэббл. - Его укусило насекомое. - Уши у Бэббла стали ярко-пунцовыми от проявляемого им упрямства и охватившего его гнева. - Вы думаете, что это первое мое вскрытие? Что я не в состоянии должным образом управиться с теми инструментами для анатомических исследований, которые фактически я не выпускаю из рук всю свою жизнь? - Он в упор поглядел на Сюзи Смарт. - Вот так-то, мисс Дамб, - изрек он.

– Так держать, Бэббл, - воскликнул Тони Дункельвельт.

– Для тебя, сынок, я - доктор Бэббл.

Ничего не изменилось, отметил про себя Сет Морли. Мы никуда не продвинулись, остаемся все той же толпой из двенадцати человек. И это может нас погубить. Здесь каждый за себя, поэтому с нами нетрудно покончить.

– Я испытываю огромное облегчение, - произнесла Сюзи Смарт, став рядом с ним и Мэри. - Мне казалось, что всеми нами постепенно овладевало безумие, когда мы считали, что все вокруг против нас, пытается погубить нас.

Размышляя о Бене Толлчифе - и о его последней с ним встрече - Морли не ощущал ответного отклика в своей душе на такое ее новое отношение к тому, что произошло.

– Человек умер, - только и сказал он.

– Мы едва были с ним знакомы. Фактически, мы совершенно его не знали.

– Верно, - сказал Морли. - Наверное, это произошло из-за того, за что я так сильно ощущаю свою вину перед ним. - Может быть, это сделал я, - сказал он ей вслух.

– Это сделал жучок, - твердым тоном произнесла Мэри.

– Может быть, теперь мы все-таки закончим молитву? - предложила Мэгги Уолш.

– Как все же это так получается - нам нужно отослать молитву-прошение на расстояние восемьдесят тысяч миль над поверхностью планеты, а мы надеемся это сделать, не прибегая к электронному оборудованию?

Я знаю ответ, сказал он самому себе. Вот эта молитва сейчас - на самом деле, для нас совсем не важно, будет ли она услышана. Это всего лишь ритуал, эта молитва. Та, первая, была совсем иной, а вот эта - она необходима нам самим, а вовсе не Толлчифу. Рассудив так, он ощутил еще большее уныние, чем когда-либо.

– Встретимся с тобою позже, - вслух сказал он Мэри. - Пойду распаковывать ящики, которые я перенес с нашего ялика.

– Но не подходи близко к стоянке яликов, - предупредила его Мэри. - Потерпи хотя бы до завтра. Пока не выяснится, что за насекомое или растение...

– Я не буду выходить наружу, - согласился Морли. - Пройду прямо в нашу комнату.

Он быстро зашагал к выходу и уже через несколько мгновений поднимался по ступенькам на крыльцо барака, в котором находились жилые комнаты поселенцев.

Загляну- ка я в "Библию", так решил Морли и перерыл содержимое нескольких коробок, пока не нашел свой экземпляр "Как я в свое свободное время воскрес из мертвых, и поэтому то же самое можете сделать и вы". Он сел, положив книгу на колени, прикрыл ее обеими ладонями, закрыл глаза, воздел лицо вверх и произнес:

– Кто или что умертвило Бена Толлчифа?

Затем, не открывая глаз, наугад раскрыл книгу, приложил палец к первому попавшемуся под руку месту и открыл глаза.

Палец его покоился на слове "Форморазрушитель".

Не слишком-то о многом это говорит, тут же рассудил он. Любая смерть является результатом нарушения упорядоченности структуры мироздания, вызванного деятельностью Форморазрушителя.

И все же это немало напугало его.

Это совсем не насекомое или растение, со всей очевидностью осознал он. Это явно нечто совсем иное.

В его дверь кто-то легонько постучался.

Устало поднявшись, он медленно побрел к двери. Еще не открыв ее, отодвинул гардину, висевшую над маленьким окошком, и выглянул наружу, в ночную тьму. На крыльце кто-то стоял, кто-то невысокий, с длинными волосами, в тесном свитере, из которого прямо-таки выпирал роскошный бюст, вызывая непреодолимое желание схватить его и сдвинуть в ладонях. Женщина в узкой короткой юбке, босая. Меня пришла навестить Сюзи Сمارт, наконец сообразил он и открыл дверь.

– Привет, - широко улыбаясь, дружелюбно произнесла она. - Можно к вам заглянуть и поболтать немного?

Он провел ее к раскрытой "Библии".

– Я тут спросил, кто или что убило Толлчифа.

– И что же вам ответил Спектовский? - Сюзи села, закинув одну на другую голые ноги и подалась вся вперед, чтобы посмотреть, на какое место на открытой странице показывает его палец. - Форморазрушитель, - спокойно произнесла она.

– Но ведь это всегда Форморазрушитель, кто же еще?

– И все же мне кажется, что есть здесь еще и какой-то другой, скрытый смысл.

– Что это не насекомое?

Он кивнул.

– У вас есть что-нибудь перекусить или выпить? - спросила Сюзи. - Что-нибудь сладенькое?

– Форморазрушитель, - сказал он, - рыщет вокруг нас.

– Вы меня пугаете.

– Да, - признался он. - Я это делаю намеренно. Нам нужно любым способом переправить прошение с этой планеты в релейную сеть. Нам не выжить, если мы не получим помощи.

– Странник приходит без всяких просьб, - заметила Сюзи.

– У меня есть конфеты "Бэби Рут", - отреагировал наконец он на ее просьбу. - Угощайтесь.

Он порывлся в саквояже Мэри, извлек оттуда коробку шоколадных конфет и потянул ее Сюзи.

– Спасибо, - сказала она, срывая бумажную обертку с одной из конфет.

– Как мне кажется, мы обречены.

– Мы всегда обречены. В этом суть жизни.

– Обречены прямо сейчас, не в отвлеченном смысле - а в том смысле, что мы с Мэри были уже обречены, когда я пытался загрузить "Мятежного Петушка". Есть большая разница между тем, когда знаешь, что рано или поздно, но все равно умрешь, или когда знаешь, что умрешь еще до истечения этого месяца.

– У вас очень интересная жена.

Он тяжело вздохнул.

– Вы давно состоите в браке? - Взгляд Сюзи требовал немедленного ответа.

– Восемь лет, - произнес он.

Сюзи Смарт вскочила со своего места.

– Пошли ко мне. Я покажу, каким милым местом можно сделать даже такую крохотную комнатенку. Пошли - ваша комната удручающе на меня действует.

Она потянула его за руку, как маленькая капризуля, и он обнаружил, что послушно следует за нею.

Они вприпрыжку пробежали вдоль крыльца мимо нескольких дверей и подошли к двери, ведущей в комнату Сюзи. Она была не заперта. Сюзи открыла ее и радушно пригласила его в открывшееся перед ним теплое и светлое гнездышко. Она не солгала - комната действительно выглядела очаровательно. Интересно, задумался он, удастся ли нам создать такой же уют у себя, и не без зависти стал разглядывать картины на стенах, узоры на гардинах и множество, великое множество ящичков и глиняных горшков для растений, в которых произрастали цветы, поражающие взор обилием самых разных красок.

– Действительно мило, - произнес он.

Сюзи резко хлопнула дверью.

– И это все, что вы в состоянии сказать? - Я потратила целый месяц, чтобы придать этой конуре такой вид.

– Вы сами употребили это слово "мило", не я.

Она рассмеялась.

– Это мне позволительно называть свою комнату "милой", но поскольку вы мой гость, то вам не мешало бы быть более щедрым на похвалу.

– О'кей, - сказал он. - Здесь поистине великолепно.

– Это уже лучше.

Она уселась на обитое черным полотном кресло прямо напротив него, откинулась назад, быстро потерла ладошки друг об дружку, после чего все свое внимание сосредоточила на Морли.

– Я жду, - сказала она.

– Чего?

– Чтоб вы предложили мне кое-что.

– Почему я должен это делать?

Сюзи снова рассмеялась.

– Потому что я поселковая блудница. Вы обязаны умирать от сладострастья, желая меня. Разве вы ничего об этом не слышали?

– Я прибыл сюда сегодня очень поздно, - попытался оправдаться он.

– Но ведь кто-то обязательно должен был просветить вас на сей счет.

– Когда мне говорят такое, - сказал он, - рискуют получить добрый щелчок по носу.

– Но это правда.

– Почему? - удивленно спросил он.

– Доктор Бэббл объяснил мне, что это функциональное нарушение деятельности одного из полушарий моего мозга.

– Ох уж этот Бэббл. Вы знаете, что он сказал о моей встрече со Странником? Он сказал, что большая часть из рассказанного мною - неправда.

– Доктор Бэббл - человек крайне зловерный. Он обожает опошлять все и вся.

– Если вам известна эта черта его характера, - заметил Морли, - значит, вы должны понимать, что не нужно обращать никакого внимания на его слова.

– Он просто объяснил, почему я такая. Такая, какая есть. Я переспала со всеми мужчинами в этом поселке, кроме Уэйда Фрэйзера. - Она покачала головой, лицо ее исказилось. - Он ужасен.

– А что Фрэйзер говорит о вас? - не без любопытства спросил Морли. - Как-никак, но он психолог, или, во всяком случае, делает вид, что психолог.

– Он говорит, что... - она задумалась, печально воззрившись в потолок и кусая нижнюю губу, -, это с моей стороны поиски всеобъемлющего отцовского архетипа. Так объяснял подобное поведение Юнг. Вы знакомы с философией Юнга?

– Да, - машинально ответил он, хотя на самом деле только слышал о существовании такого ученого, ему рассказывали, что Юнг во многих отношениях заложил фундамент для сближения интеллекта с религией, но на этом и заканчивалось все, что знал Сет Морли о Юнге. - Понятно, - произнес он.

– Юнг утверждает, что наши отношения к своим настоящим, собственным родителям определяются тем, в какой степени они являются воплощением определенных мужских и женских архетипов. Есть, например, очень плохой земной отец, хороший земной отец, земной отец-разрушитель и так далее. То же самое относится и к женщинам. Моя мать была плохой земной матерью, вот почему вся моя духовная энергия направлена на все, что связано с хорошим мужским началом.

Морли только хмыкнул в ответ и вдруг, совершенно неожиданно для себя, начал думать о Мэри. Не то, чтоб он так уж ее боялся, вот только, что она подумает, когда вернется в их комнату и обнаружит его отсутствие? И тогда - упаси Боже! - вдруг отыщет его здесь с Сюзи Дамб, этой самозванной поселковой шлюхой?

– Вы на самом деле считаете, - спросила Сюзи, что половой акт есть нечто грязное, для тех, кто его совершает?

– Иногда, - машинально ответил он, все еще не переставая думать о своей жене. Сердце его учащенно забилось. - Спектовский не очень-то четко высказывается на сей счет в своей "Библии", промямлил он.

– Хотите со мной прогуляться? - предложила Сюзи.

– Сейчас? Куда? Зачем?

– Не сейчас. Завтра днем. Я выведу вас из поселка, в мир реальной планеты Дельмак-О. Где происходит множество самых странных вещей, различных движений, которые можно уловить только краем глаза, где есть Здание.

– Мне бы хотелось взглянуть на это Здание, - с энтузиазмом откликнулся Морли.

Сюзи неожиданно поднялась.

– Вам бы лучше вернуться к себе, мистер Сет Морли, - сказала она.

– Почему? - Он тоже, смутившись, встал.

«343» - Потому что, если вы останетесь здесь, то ваша красавица-жена застучает нас и поднимет такой хай, что распахнет дверь перед Форморазрушителем, который, как вы сами сказали, так и рыщет вокруг, чтобы погубить всех нас. - Она рассмеялась, обнажив ровные белые зубы.

– Мэри тоже может прогуляться вместе с нами? - спросил он.

– Нет, - отрицательно мотнула головой Сюзи. - Только вы. О'кей?

Он замер в нерешительности, мысли вереницей, одна за другой, пронеслись в его голове. Он смело окунулся в их поток, но они вдруг все оставили его, предоставив ему полную свободу самому выбрать ответ.

– Если мне удастся, - произнес он.

– Постарайтесь. Пожалуйста. Я покажу вам все места, где я бывала, те формы жизни, что мне попадались, и еще многое другое.

– Они красивые?

– Н-некоторые. Почему это вы так пристально на меня глядите? Это действует мне на нервы.

– Мне кажется, что вы немножечко не в своем уме, - сказал он.

– Я просто честно говорю все, что у меня на уме. Например: мужчина - это всего лишь орудие, с помощью которого одна сперма воспроизводит другую. Ведь это на самом деле именно так.

– Я не очень-то силен, - сказал Сет Морли, - в юнговских методах анализа данной проблемы, но я определенно не припоминаю, чтобы... - Он запнулся, что-то зашевелилось на самой периферии его поля зрения.

– В чем дело? - спросила Сюзи.

Он быстро повернулся, и на этот раз увидел все четко. На комодке небольшой серый квадратный предмет очень медленно передвигался с одного места на другое, а затем, по-видимому, обнаружив его реакцию, прекратил перемещение.

Двумя шагами он пересек комнату и схватил этот предмет, плотно зажав его между пальцами.

– Не повредите его, - сказала Сюзи. - Это совершенно безобидная штукавина. Отдайте-ка лучше его мне. - Она протянула ладонь, и он, весьма неохотно, разжал пальцы.

Предмет, покоившийся на ее ладони, был очень похож на крошечный дом.

– Да, - подтвердила его предположение Сюзи, расшифровав выражение его лица. Такие штукавины выползают из Здания, что-то вроде его побегов, как мне кажется. Так или иначе, но этот домик - точная копия самого Здания, только куда меньше. - Она какое-то время еще тщательно рассматривала его, затем водворила на прежнее место на комодке. - Оно живое, - сказала она.

– Я знаю. - Держа его, он ощутил одушевленную природу этого предмета; он трепыхался в его пальцах, пытаясь высвободиться.

– Их там полным-полно, - сказала Сюзи. - За пределами поселка. - Она сделала неопределенный жест рукой куда-то в сторону. - Может быть, завтра нам удастся найти один такой для вас.

– Мне он не нужен.

– Вам захочется его иметь, когда вы здесь поживете достаточно долго.

– Почему?

– Как мне кажется, чтобы хоть чем-то скрашивать одиночество. Как нечто такое, что развеивает скуку. Я помню, как еще ребенком я нашла жабу с Ганимеда в нашем саду. Она была такая красивая, ее глаза, так ярко пламенели, у нее была такая длинная, гладкая шерсть, что...

– Вполне возможно, - глубокомысленно заметил Морли, - что именно одна из таких штуковин и убила Толлчифа.

– Глен Белснор как-то разобрал одно такое зданьеце, - сказала Сюзи. - Он говорит... - тут она задумалась. - В любом случае, эта штука совершенно безвредная. Все остальное, что он говорил, это были какие-то мало понятные электронные термины. Нам так и не удалось уловить сути его объяснения.

– А он все понял?

– Да, - она уверенно кивнула головой.

– Значит, у вас, то есть у нас, неплохой руководитель.

Однако про себя он тут же отметил, что, кажется, Белснор не такой уж хороший руководитель, как нужно было бы.

– Ну так что, мы когда-нибудь ляжем в постель? - осведомилась Сюзи.

– Что?!

– Мне интересно поваляться с вами в постели. Я не в состоянии судить о мужчине, пока не побываю с ним в одной кровати.

– А как вы судите о женщинах?

– Я вообще в них ни черта не разбираюсь. Вы что, подумали, что я заваливаюсь в постель с женщинами тоже? Да ведь это же разврат. На такое скорее способна Мэгги Уолш. Она лесбиянка, да будет вам известно. Или вы об этом тоже ничего не знали?

– Для меня это как-то совершенно безразлично. Да и вообще это совсем не наше дело, - он почувствовал себя как-то неуютно и неуверенно. - Сюзи, - сказал он, - вы очень нуждаетесь в помощи опытного психиатра.

Он вспомнил как-то сразу все, о чем говорил ему Странник-по-Земле там, в "Тэкел Упарсине". Наверное, подумал он, нам всем не помешала бы помощь психиатра. Но только не со стороны Уэйда Фрэйзера. Это совершенно, категорически исключено.

– Так вы не желаете ложиться со мной в постель? Вам это очень понравится, несмотря на всю эту вашу первоначальную стыдливость и сдержанность. Я очень хороша. Я знаю множество всяких способов. О некоторых из них вы, наверное, даже никогда и не слышали. Я сама изобрела их.

– У вас большой опыт, - усмехнулся он.

– Да, - кивнула Сюзи. - Я начала в двенадцать лет.

– Нет! - воскликнул он.

– Да, - решительно отрезала Сюзи и схватила его за руку. На ее лице он увидел такое отчаянье, будто она боролась за свою жизнь. Она подтянула его к себе, призвав на помощь все свои силы. Он продолжал упираться, и пока все ее старания не увенчались успехом.

От Сюзи Смарт все же не ускользнуло то, что этому мужику вот-вот удастся вырваться из ее

объятий. Он очень сильный, подумала она.

– Откуда у вас столько силы? - спросила она, лоя ртом воздух; она чувствовала, что почти уже не в состоянии дышать и вот-вот задохнется.

– Таскал камни, - ухмыльнувшись, произнес он.

Я хочу его, окончательно решила она. Такого большого, злого, сильного..., он мог бы разорвать меня на куски. И от этой мысли ее страстное желание выросло еще сильнее.

– Ты станешь моим, - задыхаясь, произнесла она, - потому что я хочу тебя.

Ты нужен мне, так она уже решила в своей душе, чтобы ты накрыл меня всю, как плотная, тяжелая тень, защитив от губительного солнца, чтобы я уже ничего не могла видеть. Я больше не хочу ничего видеть, уговаривала она себя. Пригвозди меня к кровати, взмолилась она в своих мыслях. Покажи мне, каким ты можешь быть: покажи мне, какой ты на самом деле, какой ты без одежды, просунув руку себе за спину, она отстегнула свой экстравагантный, столь возбуждающий мужскую чувственность бюстгальтер, и ловко сдернула его со своей груди, не снимая свитера, затем потащила его за бретельку, всем телом напряглась и умудрилась бросить его точно на спинку стула. Увидев это, Морли непроизвольно рассмеялся.

– Что это тебя так развеселило? - сердито спросила она.

– Ваша аккуратность и ловкость. Вот здорово - забросить его на стул вместо того, чтобы просто швырнуть на пол.

– Черти бы тебя побрали, - выругалась она, прекрасно понимая, что и он, как все остальные, смеется над нею. - Уж теперь ты точно будешь моим, - уже почти прорычала она и потащила его изо всех сил. На этот раз ей удалось заставить его сдвинуться на несколько небольших шагов в направлении кровати.

– Эй, что это вы, - возмутился он, но ей снова удалось подтолкнуть его на несколько шагов.

– Сейчас же прекратите! - успел еще крикнуть он, но тут она повалила его на кровать, прижала его туловище коленом, быстро заученными движениями расстегнула свою юбку и сбросила ее с кровати прямо на пол.

– Вот видишь? Мне сейчас уже совсем не нужно быть такой аккуратной! - Она всем телом навалилась на него, пытаясь пригвоздить к кровати коленями. - Разве я такая уж навязчивая? - спросила она, сбрасывая с себя остатки одежды, после чего рванула за пуговицы его рубаху.

Одна пуговица, оторванная с корнем, слетела с кровати и покатила по полу, как маленькое колесико. При виде этого она рассмеялась, теперь она уже полностью ощущала себя в своей стихии и чувствовала себя просто отлично. Это стадия всегда особенно ее возбуждала - она очень напоминала последнюю фазу охоты, в данном случае на дичь очень крупную, от которой неотразимо несло потом и сигаретным дымом и которая источала нескрываемый страх. Как это он может так бояться меня, этот вопрос не выходил у нее из головы, но так было почти всегда - она уже привыкла принимать это, как должное. Фактически, ей это даже стало нравиться.

– Отпусти меня, - взмолился он, извиваясь под тяжестью ее тела.

– Ты такая ужасно..., верткая, - еще успел он сказать до того, как она зажала его голову между своими коленями.

– Я могу сделать тебя таким счастливым - сексуально, естественно, - сказала она ему: она всегда так говорила, и иногда это срабатывало; зачастую мужчина сдавался перед той перспективой, которую она теперь перед ним открывала. - Давай, - хрипло взмолилась она, быстро набирая побольше воздуха в легкие.

Дверь в комнату распахнулась настежь. Сюзи тотчас же, инстинктивно спрыгнула с кровати, выпрямилась и, шумно дыша, стала всматриваться в возникшую на пороге фигуру. Его жена. Мэри Морли. Сюзи сразу же подхватила свою одежду - это было то, от чего она никогда не испытывала ни малейшего удовольствия, - и еще она испытывала непреодолимую, жгучую

ненависть к Мэри Морли.

– Убирайтесь отсюда, - задыхаясь, крикнула Сюзи. - Это моя комната!

– Сет! - пронзительно закричала Мэри. - Господи Боже, что это здесь происходит? Как ты мог допустить такое? - Мэри с бледным лицом непреклонно двинулась к кровати.

– Боже мой, - произнес растерянно Морли, садясь на кровати и приводя в порядок волосы на голове. - Эта девушка просто рехнулась.

– сказал он жене жалобным, ноющим тоном. - Я тут совершенно ни при чем. Я пытался удрать отсюда. Ты же сама это видела, разве не так? Разве ты не убедилась в том, что я пытался высвободиться? Неужели ты этого не увидела?

Голос Мэри оставался все таким же визгливым и пронзительным.

– Если бы ты на самом деле хотел, то давно уже вырвался бы.

– Нет, - заклинающим голосом произнес он. - В самом деле, Бог мне свидетель. Я уже почти высвободился. Если бы ты не вошла, я бы сам вырвался отсюда.

– Я убью тебя, - сказала Мэри Морли.

Она стала описывать большие круги по комнате, высматривая, чем бы ударить его, пусть хотя бы первым, что только под руку попадет. Сюзи сразу же разгадала смысл этого маневра - по рыскающим по комнате глазам, по окаменевшему ее лицу ненасытной фурии. Мэри Морли нашла наконец какую-то вазу, схватила ее и стала возле комода, грудь ее угрожающе вздымалась прямо перед самым лицом Сета Морли. Она подняла вазу резким, судорожным движением правой руки и, отведя ее далеко назад, сделала замах и...

Со стены стоявшего на комодике миниатюрного здания соскользнула в сторону крохотная панель, и из образовавшегося отверстия, как из амбразуры, высунулось тоненькое орудийное дуло. Мэри его не видела, зато Сюзи и Сет Морли заметили его.

– Поберегись! - крикнул Сет, кинулся к жене и, схватив ее за руку, рванул на себя. Ваза с грохотом упала на пол. Ствол орудия повернулся, беря новый прицел, после чего из него сразу же метнулся очень узкий луч в направлении Мэри Морли. Сюзи расхохоталась и отступила назад, стараясь увеличить расстояние между собою и этим лучом.

Луч не попал в Мэри Морли. Зато в дальней стене комнаты появилось отверстие, и через него из ночной темноты в комнату хлынул колючий холодный воздух. Мэри, шатаясь, отпрянула назад.

Сет Морли опрометью бросился в ванную и тут же выскочил из нее со стаканом воды в руке. Быстро подбежал к комоду и вылил воду на копию здания. Орудийное дуло перестало поворачиваться.

– Мне кажется, я вывел его из строя, - произнес Сет Морли, судорожно хватая ртом воздух.

Из миниатюрного строения вверх поползла струйка серого дыма. Внутри что-то еще недолго пожужжало, а затем из него стала капля за каплей стекать липкая, похожая на топленый жир, грязная слизь, смешиваясь с лужицей воды, которая теперь образовалась вокруг крохотного зданьица. Все оно затряслось, стало вертеться на одном месте, а затем как-то сразу замерло, уже совершенно неподвижное. Он оказался прав - оно было умертволено.

– Вы убили его, - обвиняющим тоном воскликнула Сюзи.

– Вот что погубило Толлчифа, - сказал Сет Морли.

– И оно пыталось убить меня? - слабым голосом спросила Мэри Морли.

Она все еще нетвердо стояла на ногах, слепая ярость теперь уже сошла с ее лица. Она очень осторожно присела и, вся поникшая и бледная, еще долго смотрела на здание, затем сказала мужу.

– Давай, уйдем отсюда.

Сет Морли, обращаясь к Сюзи, сказал:

– Я обязательно расскажу об этом Глену Белснору.

Очень осторожно он поднял неподвижный кубик и, держа его на ладони, долго, очень долго смотрел на него.

– У меня ушло три недели на то, чтобы приручить этот экземпляр, - сказала Сюзи. - Теперь мне нужно подыскать другой и принести его снова сюда, да еще сделать это так, чтобы он меня саму не пристрелил, и опять выдрессировать его точно так, как удалось мне это сделать с вот этим экземпляром. - Она ощущала, как внутри ее все выше и выше вздымаются тяжелые волны обвинения в адрес Морли. - Полюбуйтесь, что вы наделали, - сказала она и начала быстро приводить в порядок свою одежду.

Сет и Мэри Морли направились к двери, рука Сета покоилась на поясице жены. Он как бы выводил ее отсюда.

– Черт бы вас побрал обоих! - обвиняюще бросила Сюзи им вдогонку, затем, полуодетая, последовала за ними. - А как насчет завтрашнего дня? - спросила она у Сета. - Все-таки пойдем прогуляться? Мне хочется показать вам кое-что из...

– Нет, - грубо ответил он, а затем повернулся к ней и смерил ее долгим, суровым взглядом. - Вы на самом деле ничего не поняли из того, что произошло.

– Я зато понимаю в том, что почти произошло, - огрызнулась Сюзи, делая ударение на слове "почти".

– Неужели надо еще кому-то умереть, чтобы вы наконец-то полностью смогли проснуться? - спросил он.

– Нет, - ответила она, чувствуя себя все более неуверенно. Ей не нравилось выражение его жестких, как бы сверлящих глаз. - Ну, ладно, - сказала она, - если это так уж для вас серьезно, это маленькая игрушка...

– Игрушка? - насмешливо переспросил он.

– Да, игрушка, - повторила она. - Сушая безделица. Тогда вам на самом деле следовало бы поинтересоваться, что здесь есть за пределами поселка. Вам это непонятно? Ведь это всего лишь модель подлинного Здания. Неужели вам не хочется взглянуть на оригинал? Я разглядывала его с очень близкого расстояния. Я даже знаю, что написано над его главным входом. Не над тем входом, куда заезжают грузовики, и откуда они выезжают, а над дверью, которая...

– И что же там написано? - спросил он.

– А вы пойдете со мною? - не унималась Сюзи. - Затем, окинув взглядом Мэри Морли, добавила со всей снисходительностью, которую только могла себе позволить. - И вы тоже. Вам обоим не мешало бы пойти.

– Я пойду один. - Своей жене он тут же пояснил. - Это слишком опасно. Я не хочу, чтобы ты туда ходила.

– Ты не хочешь этого, - ответила Мэри, - по совсем иным, совершенно очевидным для меня причинам. - Голос ее однако звучал не очень-то уверенно и как-то испуганно, будто близкое знакомство с энергетическим лучом, выпущенным крохотным строеньицем, начисто изгнало из нее всякие эмоции, оставив только голый, хватающий за душу страх.

– Так что же написано над входом? - спросил Сет Морли.

Сюзи ответила не сразу.

– Там написано: "КНУТОБОЙНЯ".

– Что же это означает?

– Сама не знаю. Но звучит прямо-таки заманчиво. Может быть, нам удастся каким-то образом пройти внутрь на этот раз. Я в самом деле очень близко подходила к нему, почти к самой стене. Но не смогла отыскать боковую дверь, а пройти через главные ворота - не знаю даже почему - я боялась.

Сет Морли ничего не сказал и вывел ошеломленную свою жену в ночную тьму чуждой планеты. Сюзи же так и осталась стоять посредине своей комнаты, такая одинокая и все еще только наполовину одетая.

– Сука! - громко крикнула она им вслед, имея в виду Мэри.

Они продолжали идти, пока не растворились в ночной тьме.

Глава 7

– Не вводите себя в заблуждение, Морли, - сказал Глен Белснор. - Если эта штука выстрелила в вашу жену, то только потому, что так захотела эта сумасбродка, эта Сюзи Дамб или Смарт, как ее ни называй. Это она научила эту штуку. Видите ли, их можно успешно дрессировать.

Он сидел, держа на ладони крохотное сооружение, и его вытянутое худое лицо становилось все более задумчивым и серьезным.

– Если бы я не схватил ее, - сказал Сет, - сегодня вечером мы бы имели еще один труп.

– Может быть, да, может быть, нет. Принимая во внимание мизерную мощность этих штуквин, выстрел мог только вызвать некоторый шок у вашей жены.

– Луч из нее продырявил стену комнаты.

– Стены здесь, - заметил Белснор, - из самого дешевого дрянного пластика. В один слой. Здесь можно проткнуть стену одним даже не очень сильным ударом кулака.

– Значит вас это не слишком-то встревожило.

Белснор задумчиво потер подбородок.

– Меня расстраивает в целом то, что произошло. Чем, это, черт бы вас побрал, вы там занимались с Сюзи у нее в комнате? - Он поднял руку, не давая возможности Сету вставить слово. - Не рассказывайте мне сказок, я сам знаю. У нее расстройство на сексуальной почве. Не надо, не стоит излагать мне никакие подробности. - Он снова стал вертеть в пальцах модель Здания. - Жаль, что она не пристрелила Сюзи, - пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Морли.

– Со всеми вами творится что-то не совсем нормальное, - заявил Сет Морли.

Белснор поднял лохматую голову и посмотрел в упор на Морли.

– Что же именно?

– Не могу пока сказать что-либо определенное. Какое-то повальное умопомешательство. Такое впечатление, будто каждый из вас живет в своем собственном замкнутом мирке. Не считаясь ни с кем другим. Как будто, - он задумался, подбирая нужное выражение, - как будто всем вам хочется, каждому из вас, чтобы его оставили в покое, наедине с самим собою.

– Нет, это не совсем так, - возразил Белснор. - Мы хотим выбраться отсюда. Может быть, у нас и нет ничего другого общего, но в этом мы единодушны. - Он отдал сломанный домик назад Сету. - Оставьте его у себя. В качестве сувенира.

Сет швырнул его на пол.

– Вы с Сюзи собираетесь завтра совершить вылазку? - спросил Белснор.

– Да.

– Она, по всей вероятности, еще раз на вас набросится.

– Меня это не интересует. Это меня меньше всего беспокоит. Мне все время кажется, что нам на этой планете противостоит какой-то очень активный противник, орудя, в основном, за пределами поселка. Я думаю, что это он - или они - убили Толлчифа. Несмотря на все то, что обнаружил при вскрытии Бэббл.

– Вы здесь новичок, - заметил Белснор. - Толлчиф тоже был новичком. Сейчас Толлчифа уже

нет в живых. Мне кажется, есть здесь какая-то взаимосвязь. Как я полагаю, смерть его каким-то образом связана с его неосведомленностью об условиях жизни на этой планете. Следовательно, вы в такой же мере подвергаетесь опасности А вот остальные...

– Значит, как вы полагаете, мне не следует выходить за пределы поселка?

– Да нет же, ступайте себе. Только будьте очень осторожны. Ни к чему не прикасайтесь, ничего не поднимайте с земли, и вообще, все время глядите в оба. Старайтесь ходить только туда, где она уже бывала. Не стоит заходить в неизвестные места.

– Почему бы вам не пойти тоже?

Пристально поглядев на Морли, Белснор спросил:

– Вы хотите, чтобы я пошел вместе с вами?

– Вы теперь руководитель поселка, да, как мне кажется, вам следовало бы пойти. И притом вооруженным.

– Я... - Белснор задумался. - Могут раздаться голоса о том, что мне следовало бы остаться здесь, чтобы отремонтировать передатчик. Также последуют доводы и о том, что мне надлежало бы корпеть над составлением молитвы-прошения вместо того, чтобы ошиваться вне поселка. Мне нужно всесторонне обдумать создавшееся положение. Могут еще возникнуть доводы и в пользу того...

– Как раз вот и появятся непременно доводы о том, что все эти ваши "возможные доводы" могут погубить всех нас, - сказал Сет Морли.

– Ваше предположение тоже может вполне оправдаться, - тут Белснор улыбнулся, но как-то про себя, как будто только он один знал в чем состоит тайна их положения. Эта улыбка, которая была далеко не веселой, надолго застыла на его лице и постепенно становилась все зловещей.

– Расскажите мне, что вам известно об экологии местности, в которой мы находимся.

– Здесь есть весьма загадочные организмы, которые мы называем "тэнчами". Их здесь, насколько мы выяснили, пять или шесть видов. Это очень древние организмы.

– И что же они делают? Они употребляют сделанные ими же самими орудия?

– Некоторые, те что послабее, ничего не делают. Просто сидят тут и там, составляя как бы часть пейзажа. Менее слабые, однако, делают копии.

– Копии?

– Они делают дубликаты тех предметов, которые им приносят. Довольно небольших, таких как часы, чашки, электробритвы.

– И эти дубликаты нормально функционируют?

Бедснор похлопал по карману пиджака.

– Авторучка, которой я пользуюсь, является таким дубликатом... Но... - Он вынул ручку и протянул ее Сету Морли. - Замечаете следы порчи? - Поверхность корпуса была вроде бы шершавой, как бы покрытой тонким слоем пыли. - Они разрушаются очень быстро. Она просуществует еще несколько дней, а тогда мне придется сходить за новой копией, получаемой с первичного оригинала авторучки.

– Зачем?

– Потому что нам не хватает ручек. А у тех, что есть, кончились чернила или паста.

– А что происходит с тем, что написано вот такую ручкой-дубликатом? Чернила через несколько дней выцветают?

– Нет, - ответил Белснор, но вид при этом у него был какой-то беспокойный.

– Значит, у вас нет полной в этом уверенности?

Привстав, Белснор запустил руку в задний карман брюк и извлек оттуда бумажник, какое-то время он внимательно изучал небольшие, сложенные листки бумаги, а затем положил один из них перед Сетом. Запись была четкой и разборчивой.

В комнату для собраний вошла Мэгги Уолш, увидела их двоих и подошла к ним.

– Я вам не помешаю?

– Ради бога, - как-то безразлично произнес Белснор. - Присаживайтесь поближе. - Он посмотрел на Сета Морли, затем стал говорить ей неторопливо и очень серьезно. - Игрушечное здание Сюзи Смарт пыталась минут двадцать назад пристрелить жену Морли. Оно промахнулось, а Морли вылил на него стакан воды.

– Я ее предупредила, - сказала Мэгги, - о том, что эти штуковины небезопасны.

– Сами-то они вполне безвредны, - сказал Белснор. - Именно от Сюзи исходит опасность... Как раз это я и втолковывал Морли.

– Нам нужно помолиться за нее, - строго произнесла Мэгги.

– Вот видите? - заметил Белснор, обращаясь к Сету Морли. - Мы все-таки беспокоимся друг о друге. Мэтти хочет спасти бессмертную душу Сюзи Смарт.

– Молитесь лучше, о том, - сказал Морли, - чтобы она не поймала другую такую же копию и не начала ее дрессировать подобным же образом.

– Морли, - произнес Белснор, - у меня все не выходит из головы то, что вы сказали о всей нашей компании в целом. В какой-то мере ваше суждение справедливо - у каждого из нас есть какая-то слабина. Но это совсем не то, что вы думаете. Общее у нас то, что все мы неудачники. Возьмите Толлчифа. Разве вы станете отрицать то, что он алкаш? А Сюзи? Все, о чем она в состоянии думать, это сексуальные приключения. Я могу сделать определенные догадки и в отношении вас тоже. У вас избыточный вес - очевидно, такой вопрос никогда даже в голову не приходил? Бэббл - типичный ипохондрик, у него чрезмерно болезненная мнительность. Бетти Джо Берм прямо-таки заставляет себя проглатывать бесчисленное количество таблеток - вся ее жизнь в этих пластмассовых пузырьках. Этот мальчишка, Тони Дункельвельт, живет только ради своих мистических прозрений, ради возможности то и дело впадать в шизофренический транс..., который, как Бэббл так и Фрэйзер, называют кататоническим ступором. Мэгги, она вот... - он сделал жест рукой в ее сторону, - она живет в иллюзорном мире молитв и постов, честно служа божеству, которому она совершенно безразлична. - Обратившись к Мэгги, он спросил, - Вы хоть раз видели когда-нибудь Заступника? Она отрицательно покачала головой.

– Или Странника-по-Земле?

– Нет, - ответила она.

– Так же, как и самого Наставника, - за нее сказал Белснор. - Теперь возьмем Уэйда Фрэйзера. Его мир...

– А что вы можете сказать о себе? - напрямик спросил у него Сет.

Белснор пожал плечами.

– У меня свой собственный мир.

– Он увлечен изобретательством, - пояснила Мэгги Уолш.

– Но я так никогда ничего путного и не изобрел, - признался Белснор. - Все, что появилось в течение двух последних столетий, разрабатывалось в крупных исследовательских центрах, где работают сотни и даже тысячи высококвалифицированных специалистов. В нашем столетии уже просто не существует такого понятия, как изобретатель. Наверное, мне просто нравится играть с различной электронной аппаратурой. Но, все равно, это доставляет мне немалое наслаждение. Единственное, что доставляет мне удовольствие на этом свете, это создание всяких там схем, которые, в конечном счете, никому не нужны.

– Мечта о славе, - заметила Мэгги.

– Нет, - Белснор покачал головой, - мне просто хочется внести какой-то собственный вклад в развитие техники. Мне противно быть всего лишь потребителем, как все вы. Теперь он заговорил твердо и энергично, и одновременно с этим очень искренне. - Мы живем в мире, созданном и

усовершенствованном в результате упорного труда многих миллионов людей, большинства из которых давно уже нет в живых. По существу, никто из них за это не получил хотя бы самой малой благодарности. Мне безразлично то, что я мог бы стать известным своими изобретениями, главное, что меня волнует, - это чтобы созданное мною было чем-то стоящим, полезным для людей, хотя в обыденной жизни они бы воспринимали это как само собою разумеющееся, как, например, безопасная, так называемая английская булавка, кто знает, кем она изобретена? Но все в этой необозримой Галактике пользуются английскими булавками, а изобретатель...

- Безопасные булавки были изобретены на Крите, - заметил Сет Морли. - Примерно за целую тысячу лет до Рождества Христова.

Белснор с интересом поглядел на него.

- Значит, вам далеко не безразлично, когда и где они были изобретены? - Однажды я и сам подошел вплотную к изготовлению кое-чего подобного. - Схемы глушилки, которая бы прерывала поток электронов в любом проводнике на расстоянии до пятнадцати метров. Как оружие самозащиты она была бы очень полезной. Но мне так и не удалось создать такое поле, которое простиралось бы в радиусе пятнадцати метров; генерируемое моей схемой поле действовало только в радиусе чуть большем, чем полметра. Вот так вот. - Тут красноречие его иссякло, и он надолго замолчал, погружившись в свои собственные, и, по-видимому, не очень-то приятные воспоминания, отрешившись от всего, что его окружало.

- Все равно мы все вас очень любим, - произнесла Мэгги.

Белснор поднял голову и беззвучно на нее воззрился.

- Божеству угодно даже это, - сказала Мэгги. - Даже попытка, которая не привела к успеху. Божеству ведомы ваши побуждения, а именно побуждения - вот что для Него все.

- Да ему совершенно безразлично даже то, - процедил Белснор, - что вымрет весь наш поселок, все до единого. Никто из нас не совершил ничего существенного. Мы представляем из себя ничто иное, как простое скопище паразитов, живущих за счет остальной Галактики. Есть даже подходящее изречение, сам не помню откуда: "Мир едва ли заметит или долго будет помнить о том, что мы в нем делали".

- И это наш лидер, - произнес Сет Морли, обращаясь к Мэгги. - Человек, которому мы доверили безопасность наших жизней.

- Я сохраню ваши жизни, - сказал Белснор. - Сделаю для этого все, что в моих силах. Это и может стать моим вкладом - изобретение устройства на базе цепей с жидкими кристаллами, которое спасет нас. С его помощью мы выведем из строя все эти игрушечные пушки.

- Я считаю, что не очень-то благоразумно с вашей стороны называть вещь игрушкой только вследствие ее малых размеров, - заметила Мэгги Уолш. - Ведь если так рассуждать, то и искусственная почка "Токсилак" является игрушкой.

- С таким же успехом можно назвать игрушками восемьдесят процентов оборудования межзвездных кораблей, - поддержал ее Сет Морли.

- Наверное, в этом именно и заключается главная проблема всей моей жизни, - кисло-м тонно произнес Белснор. - Я не в состоянии различить, что игрушка, а что - нет... это означает, что я не в состоянии верно оценивать реальность. Игрушечный корабль не является настоящим кораблем. Так же, как игрушечная пушка не есть настоящая пушка. Но если я знаю, что она может убивать... - тут он снова задумался. - "Наверное, завтра мне придется велеть всем прочесать всю территорию поселка, собрав в кучу все эти игрушечные здания, по сути все, что понатащено нами сюда снаружи, а затем подождем-ка мы всю эту кучу и разделаемся с ними.

- Что еще попало в поселок из окружающей его местности? - спросил Сет Морли.

- Искусственные мухи, - сказал Белснор. - Это первое.

- Они делают фотоснимки? - спросил Сет.

– Нет, то искусственные пчелы. Искусственные мухи летают повсюду и поют.

– Как поют? - ему показалось, что он ослышался.

– Вот, у меня одна здесь.

Белснор стал рыться по карманам, пока в конце концов не вытащил небольшую пластмассовую коробочку. - Приложите к уху. Внутри одна такая муха.

– что же они поют? - Сет Морли приложил коробочку к уху, прислушался. В конце концов он услышал отдаленные, мелодические звуки, напоминающие струнный перебор. Или похожие, подумал он, на доносящийся издали шелест множества крыльев.

– Мне знакома эта мелодия, - сказал он, - но никак не пойму, что это такое.

Едва различимая, но знакомая и любимая мной мелодия, понял он. Отзвук какой-то очень древней эпохи.

– Они всегда играют только то, что вам нравится, - заметила Мэгги Уолш.

Теперь он узнал мелодию - "Гранада".

– Черт бы меня побрал, - в сердцах, громко произнес он. - Вы уверены, что именно муха это делает?

– Загляните в коробку, - предложил Белснор. - Только поосторожнее, чтобы ее не выпустить. Эти мухи очень редки, и их трудно ловить.

С величайшей осторожностью Сет Морли отодвинул крышку коробочки. Внутри он увидел темное насекомое, похожее на ленточную муху с Проксимы-6, большую и мохнатую. Муха часто била крыльями, а ее далеко выступающие глаза были фасеточными, такими же, как у обычных мух. Он закрыл коробку, убедившись в правдивости слов Белснора.

– Просто поразительно, - сказал он. - Она функционирует, как приемник? Принимая сигналы центрального передатчика, установленного где-то на планете? Это радио, верно?

– Я разобрал одну, - сказал Белснор. - Это не радиоприемник. Музыка издается миниатюрным динамиком, но источником ее являются внутренние цепи мухи. Сигнал создается микрогенератором в виде серии электрических импульсов, но не так, как возникает нервный импульс в живых существах органического происхождения. Перед генератором установлен электролитический элемент, который изменяет комплексную проводимость колебательного контура, благодаря чему и создается столь сложный сигнал. Что она поет для вас?

– "Гранаду", - ответил Морли. Ему очень захотелось оставить у себя эту коробку. Муха составила бы ему неплохую компанию. - Продайте ее мне, пожалуйста, - попросил он.

– Поймите себе другую, - Белснор отобрал у него свою муху и вернул коробочку на прежнее место в один из карманов.

– Что еще есть за пределами поселка? - спросил Сет Морли, - кроме пчел, мух, дубликаторов и миниатюрных зданий?

– Один вид дубликатора размеров с блоху, - сказала Мэгги Уолш.

– Но он может делать копии только одной вещи; он делает это снова и снова, усердно вырабатывая целый их поток, который кажется бесконечным.

– Что же он печатает?

– "Библию" Спектовского, - ответила Мэгги Уолш.

– И больше ничего? Это все?

– Это все, с чем мы сталкивались, - сказала Мэгги. - Там могут оказаться и другие всякие штуковины, пока что нам неизвестные. - Она бросила саркастический взгляд в сторону Белснора.

Белснор продолжал молчать. Он снова ушел в мир своих личных мыслей, на какое-то время забыв обо всем, что его окружает.

Сет Морли поднял выведенное им из строя миниатюрное здание и произнес:

– Если эти, как вы их называете, тэнчи фабрикуют только дубликаты предметов, значит не они

делают эти действующие модели. Для такой работы нужна очень совершенная технология.

– Они могли быть произведены много столетий тому назад, - пояснил Белснор, все более и более воодушевляясь. - Расой, которой давно уже здесь нет.

– И тэнчи тоже непрерывно дублируют предметы с тех же незапамятных времен?

– Да. Или стали это делать после того, как сюда прибыли мы. Ради нашей же пользы.

– Сколько времени функционируют эти миниатюрные здания? Дольше, чем ваша авторучка?

– Я понимаю, к чему вы клоните, - сказал Белснор. - Нет, не похоже на то, что они быстро саморазрушаются. Возможно, они не являются дубликатами. Правда, я не усматриваю в этом особой разницы - их могли держать в резерве все это время. Припрятав про запас, пока в них не возникнет необходимость, пока в жизни нашего поселка не появится какой-то существенный для них фактор.

– В поселке есть микроскоп?

– Разумеется, - кивнул Белснор. - У Бэббла.

– Тогда я пойду к Бэбблу. - Сэт Морли направился к выходу. - Спокойной ночи, - бросил он через плечо.

– Пожалуйста, - сказал Бэббл, - пользуйтесь моим микроскопом, сколько хотите. - Он был в пижаме, шлепанцах и полосатом купальном халате из искусственной шерсти. - Я как раз собирался ложиться спать. - Увидев, что Сэт Морли извлек из кармана миниатюрное здание, тут же добавил. - О, одна из этих штуковин. Они здесь, повсюду, куда ни ступишь.

Распираемый любопытством заглянуть внутрь крохотного здания, Сэт Морли тотчас же расположился перед микроскопом, взломал внешнюю оболочку и поместил внутренний модуль на предметный столик. Включив усилитель разрешающей способности, получил шестисоткратное увеличение.

Перепутанные пряди проводников... нагромождение печатных плат, все это, разумеется, на немалом количестве микромодулей. Да еще резисторы, конденсаторы, выходные ключи. Источник питания - один сверхминиатюрный гелиевый элемент. Ему удалось различить поворотный шарнир орудийного ствола и то, что, оказавшись германиевой электрической дугой, служило источником луча концентрированной энергии. Интенсивность этого луча не могла быть особенно значительной, понял он. Белснор по-своему был прав - энергия излучения, измеренная в эргах, была бы, по всей вероятности, совсем ничтожной.

Он направил объектив на микродвигатель, который приводил в движение орудийный ствол. На шкворне, который удерживал ствол в вертлюге, были выбиты какие-то буквы. Он напряг зрение, чтобы разобрать их - и увидел, как только ему удалось более точно сфокусировать объектив, зримое подтверждение того, чего он более всего опасался: "СДЕЛАНО НА ТЕРРЕ 3508 2P"

Штуковина была земного происхождения! Это не изобретение вездемой сверхразвитой цивилизации и не продукт туземных форм жизни планеты Дельмак-О. С подобными рассуждениями было покончено раз и навсегда.

Значит, все-таки генерал Тритон, сокрушенно отметил он про себя.

– Выходит, это вы, в конце концов, задались целью нас уничтожить. Наш передатчик, наш приемник - и это требование, чтобы мы прибывали на эту планету только на борту яликов. Выходит, это вы погубили Бена Толлчифа? Ясно, что вы.

– И что же вы там нашли? - спросил у него Бэббл.

– Я привожу к заключению, - ответил он, - что нашим общим врагом является генерал Тритон

и что у нас нет никаких шансов. - Он отошел от микроскопа. - Взгляните-ка сами.

Бэббл приложил глаз к окуляру микроскопа.

- Никто как-то до этого не додумался раньше, - вскоре произнес он." - Ничто нам не мешало обследовать одну из этих штуковин в любое время в течение последних двух месяцев. Но никому даже и в голову не пришло это сделать. - Он поднял голову над микроскопом и в нерешительности уставился на Сета Морли. - Что же нам теперь делать?

- Первым делом нужно собрать их все, все до единого, что принесены сюда из-за пределов территории поселка, и все уничтожить.

- Это означает, что и само Здание земного производства.

- Разумеется. - В этом нет никаких сомнений, подумал Сет Морли. - Мы все являемся частью какого-то эксперимента.

- Нам нужно поскорее убраться с этой планеты.

- Нам никак не удастся этого сделать, - ответил врачу Сет Морли.

- Они все, должно быть, произведены в этом Здании или, по крайней мере, хранятся в нем. Надо придумать какой-нибудь способ его уничтожить. Но я совершенно не в состоянии представить себе, как мы можем это сделать.

- У вас не возникло желания пересмотреть результаты вскрытия тела Толлчифа?

- Мне не на что опереться, чтобы продолжить обследование. На данный момент я бы сказал, что он был, по всей вероятности, умерщвлен из оружия, о котором нам ничего не известно. Чем-то, что вызывает смертельное повышение содержания гистамина в крови. Внешне это выглядит как естественное нарушение нормального функционирования дыхательного аппарата. Кстати, у меня появилось еще одно предложение, над которым следует поразмыслить. Это может быть подделкой. Ведь как-никак, ныне Терра стала лишь гигантским госпиталем для душевнобольных.

- Там еще имеются секретные военные лаборатории. В высшей степени засекреченные. Широкий слой общественности абсолютно ничего не известно об их существовании.

- Откуда же это известно вам?

- В "Тэкел Упарсине", - пояснил Сет Морли, - работая в качестве гидробиолога киббуца, я имел с ними дело. И еще, когда мы покупали оружие. - Строго говоря, он сам не знал, правда ли все это. На самом деле до него доходили только слухи. Но слухи эти теперь показались ему не лишними оснований.

- Скажите мне честно, - спросил у него Бэббл, пристально на него глядя, - вы на самом деле видели Странника-по-Земле?

- Да, - ответил он. - И мне из первых рук известно о тайных военных лабораториях на Терре, например...

- Да, кого-то вы на самом деле видели, - согласился с ним Бэббл. - Этому я верю. Кто-то, для вас совершенно незнакомый, подошел к вам и открыл вам глаза на то, что и так для вас должно было быть совершенно очевидным - а именно, что выбранный вами ялик был совершенно непригоден для дальнего космического рейса. Но у вас сознание было уже подготовлено - потому что так вы были воспитаны еще в детстве - к тому, что если к вам подойдет незнакомец и предложит помощь, о которой вы вовсе не просили, то этот незнакомец обязательно должен быть одним из Боговоплощений, то есть одной из Манифестаций Божества. Судите сами: то, что вы увидели, было как раз тем, что вы ожидали увидеть. Вы решили, что это был Странник-по-Земле, потому что по существу "Библия" Спектовского повсеместно рассматривается как универсальное, пригодное для всех случаев жизни, объяснение всему происходящему. Я же так не считаю.

- В самом деле? - удивленно спросил Сет Морли.

– Да, несколько. Незнакомцы - истинные знакомцы, самые при этом обычные люди - весьма часто встречаются в нашей жизни и столь же часто дают хорошие советы. Ведь для подавляющего большинства людей характерны добрые намерения. Окажись я там с вами, я бы тоже не остался в стороне, обязательно бы вмешался и убедил бы вас в том, что ваш корабль не годится для отправления в космос.

– Но в таком случае, вы были бы орудием Странника-по-Земле, то есть, по сути, временно были бы им. Такое случается с кем угодно. Это одна из составляющих чуда.

– Чудес не бывает. Это доказал еще Спиноза много веков тому назад. Чудо было бы признаком слабости Бога, допустившего нарушение естественного порядка вещей. Если Бог вообще существует.

– Но ведь вы нам сами говорили чуть раньше, сегодняшним же вечером, что вы встречались со Странником-по-Земле семь раз. - Подозрение охватило Сета Морли. Он уловил явное противоречие в словах Бэббла. - И с Заступником тоже.

– Я подразумевал под этим, - спокойно ответил Бэббл, - что оказывался в таких житейских ситуациях, когда совершенно незнакомые мне люди поступали точно так, как поступил бы Странник-по-Земле, если бы он существовал. Ваша ошибка характерна для множества людей: ее возникновение обусловлено тем, что нам время от времени выпадает встречаться с представителями негуманоидных разумных рас, некоторые из которых, те, кого мы в обиходе зовем "богами" и которые родом с так называемых "Обителей Богов", настолько нас превосходят во всех отношениях, что мы в сравнении с ними оказываемся в положении, ну скажем, примерно таком, в каком оказываются перед нами кошки или собаки. Собаке или кошке человек кажется Богом - он ведет себя так, как должен был бы вести себя только Бог, делает то, что может быть прерогативой лишь Бога. Но эти квазибиологические сверхразумные формы жизни, развившиеся на планетах, называемых нами "Обителями Богов"

– такой же продукт естественной биологической эволюции, как и мы. Со временем и мы, возможно, подвинемся в своем развитии столь же далеко, даже еще дальше. Я не утверждаю, что это случится обязательно, я ограничиваюсь констатацией того, что это вполне возможно и для нас. - Тут он решительно потряс пальцем перед самым носом Морли. - Не они создали эту вселенную. Они не являются никакими такими Манифестациями Божества. Все, чем мы располагаем, это их устные заверения в том, что они являются Манифестациями Божества. Почему мы обязаны им верить? Естественно, если мы спрашиваем у них напрямик: "Вы являетесь Богом? Это вы создали Вселенную?", - они отвечают утвердительно. Мы сами поступали точно таким же образом - европейцы в шестнадцатом или семнадцатом столетии говорили туземцам Северной и Южной Америки точно то же самое.

– Но и испанцы, и англичане, и французы были там колонизаторами. Им было выгодно выдавать себя за богов. Возьмем, например, Кортеса. Он...

– У форм разумной жизни с так называемых "Обителей Богов" точно такие же мотивы.

– Такие же? - Он почувствовал, как все больше и больше начинает упрямо ожесточаться. - Да ведь они подобны святым. У них самые добрые намерения; они прислушиваются к нашим молитвам - если, разумеется, они до них доходят, - а затем поступают так, чтобы выполнить то, о чем мы их молим. Как случилось это, например, с Беном Толлчифом.

– Они послали его сюда на погибель. Разве это справедливо?

Это на самом деле вызывало у него острое ощущение беспокойства, оно возникло еще с того момента, когда он впервые увидел неподвижное, мертвое тело Толлчифа.

– Может быть, они этого не знали, - произнес он, чувствуя себя очень неловко. - Ведь Спектовский прямо указывает на то, что Божество не является всеведущим. Взять хотя бы такой пример. Ему ничего не было известно о существовании Форморазрушителя или о том, что он

будет разбужен как раз теми концентрическими кругами излучения энергии и материи, из которых и составилась вселенная. О том, что Форморазрушитель войдет во вселенную и, тем самым с течением времени станет одним фактом своего существования так искажать миропорядок, который сотворил Наставник по своему собственному образу и подобию, что сам перестанет являться его подобием.

– Ну вы прямо, как Мэгги Уолш. Она говорит то же самое, - д-р Бэббл разразился резким, отрывистым смехом.

– Мне никогда раньше не доводилось встречаться с атеистом, - произнес Сет Морли. На самом деле он встречался с одним, но это было очень давно. - В наше время такое мировоззрение является весьма странным, поскольку мы располагаем неопровержимыми доказательствами существования Божества. Я могу еще понять широкое распространение атеизма в прошлом, когда религия основывалась на слепой вере в то, что нельзя увидеть... Но теперь, как указал Спектовский, все это стало явным и осязаемым.

– Странник-по-Земле, - язвительно отпарировал Бэббл, - есть нечто вроде антитезы "Человеку ниоткуда". Вместо того, чтобы способствовать благоприятному протеканию событий... - тут Бэббл неожиданно осекся.

Отворилась дверь в лазарет. На пороге стоял мужчина в мягкой синтетической куртке, штанах из искусственной кожи и в высоких сапогах. Лет ему было около сорока, у него было мужественное волевое лицо с высоко поднятыми скулами, большими яркими глазами и густыми черными волосами. В руке у него был карманный фонарь, который он сразу выключил. Он так и стоял на пороге, глядя на Бэббла и Сета Морли и ничего при этом не говоря. Просто молча стоял и ждал. Этого жителя поселка, подумал Сет Морли, я еще не видел. А затем, увидев выражение лица Бэббла, понял, что и Бэббл видит его впервые.

– Кто вы? - хрипло спросил Бэббл.

Мужчина отвечал спокойно, не повышая голоса.

– Я только что сюда прибыл на своем ялике. Меня зовут Нед Расселл. По профессии - экономист. - Он протянул руку Бэбблу, и тот машинально пожал ее.

– А я уже посчитал, что все в сборе, - удивленно произнес Бэббл. - У нас здесь тринадцать человек. Предполагалось, что именно столько здесь будет поселенцев.

– Я обратился с просьбой о переводе и получил назначение как раз сюда. На планету Дельмак-О. - Расселл повернулся к Сету Морли, еще раз протянул руку. Они обменялись рукопожатиями.

– Ну-ка, давайте глянем на ваше предписание, - произнес Бэббл.

Расселл засунул руку в карман куртки.

– Странноватое местечко здесь у вас. Темень повсюду, система автоматической посадки бездействует... Мне пришлось совершать посадку самостоятельно, а навыков управления яликом у меня почти что нет. Я поставил его вместе со всеми остальными, на площадке на краю вашего поселка.

– Теперь нам предстоит поднять перед Белснором два вопроса, - произнес Сет Морли. - Об этой выполненной на Терре надписи на одной из деталей миниатюрной модели здания и о Расселле.

Еще неизвестно, подумал он, какой из этих вопросов окажется более важным. Пока у него еще не было никакой возможности определить наперед приоритетность этих вопросов. Но решение какого-то из них может способствовать нашему спасению, подумал он. А может и обречь нас на неминуемую гибель. Это уравнение со многими неизвестными может иметь любое решение.

К комнате Тони Дункельвельта Сюзи Смарт на ощупь прокладывала свой путь в непроницаемой ночной тьме. На ней была только черная ночная сорочка и туфли на высоких каблуках - она знала, что мальчишке это нравится.

Стук, стук.

– Кто там? - Раздалось недовольное ворчание изнутри.

– Сюзи. - Она взялась за дверную ручку. Дверь была незаперта, и она прошмыгнула внутрь.

Тони Дункельвельт, скрестив ноги, сидел прямо на полу посреди комнаты, перед одной-единственной зажженной свечой. Глаза его, это было видно даже при таком скудном освещении, были плотно закрыты; очевидно, он был в состоянии транса. Он не подавал никаких признаков того, что узнал или даже заметил ее, и все же назвал ее по имени.

– Можно мне побыть с тобою? - спросила она.

Его переходы в состояние транса очень ее беспокоили. Впадая в транс, он становился совершенно отрешенным от внешнего мира. Иногда он часами мог так сидеть, и когда парня спрашивали о том, что он при этом испытывает, он почти ничего не говорил или вообще не отвечал на вопросы.

– Я ничем не стану тебе мешать, - сказала она, когда он ничего ей не ответил.

– Заходи, - ровным, словно потусторонним голосом произнес.

– Спасибо, - с облегчением сказала она, уселась в кресло с высокой прямой спинкой, вынула пачку сигарет, закурила и поудобнее расположилась, прекрасно понимая, что ждать придется долго.

Через какое-то время она осторожно толкнула его носком своей туфли на высоком каблуке.

– Тони? - позвала она. - Тони?

– Да, - отозвался он.

– Скажи мне, Тони, что ты видишь? Другой мир? Можешь ли ты видеть всех этих богов, всецело поглощенных совершением всяких там добрых дел? Или ты видишь только Форморазрушителя кроме Тони Дункельвельта. Страх, который она испытывала перед всем, что было связано с этими его состояниями полного отчуждения, удерживал ее от попыток помешать тому, что так всецело поглощало этого парнишку. Когда он пребывал в состоянии транса, она старалась не беспокоить его без особой нужды, пусть он сам находит для себя дорогу из мира своих столь пагубно на него воздействующих видений к их обычным, повседневным обязанностям друг перед другом.

– Не разговаривай со мной, - пробормотал Тони и еще крепче сомкнул веки, лицо его все сжалось от напряжения и стало пунцовым.

– Встряхнись хоть немного, - взмолилась она. - Тебе следовало сейчас быть уже давно в постели. Хочешь завалиться в кровать, Тони? Например, со мною? - Она положила руку ему на плечо; тогда он мало-помалу стал отодвигать свое плечо, пока рука ее совсем не повисла в воздухе. - Ты помнишь, что ты мне говорил: что я тебя люблю за то, что ты еще пока не настоящий мужчина? Так вот, Тони, ты самый настоящий мужчина. Кто-кто, но я-то это знаю, кто лучше меня способен в этом разобраться? И я всегда скажу тебе напрямик, когда ты - настоящий мужчина, а когда нет, если такое с тобою сможет случиться. Но пока что, если не считать сегодняшнего случая, ты был даже чем-то большим, чем мужчина. Знал ли ты раньше о том, что восемнадцатилетний парень способен испытать семь оргазмов за одни сутки? - Она ждала, но он ничего не отвечал. - Так вот, это очень неплохое достижение, - заметила она.

Вдруг Тони оживился.

– Знаешь что? Оказывается, есть еще одно Божество над почитаемым нами Божеством. Такое, что объемлет в себе все четыре.

– Какие четыре? Что за четыре?

– Четыре Манифестации, четыре Боговоплощения. Наставника, Заступника, Странника-по-Земле...

– А кто же четвертый?

– Форморазрушитель.

– Ты хочешь сказать, что тебе дано общаться с богом, который совмещает в себе Форморазрушителя с остальными тремя? Но ведь это невозможно, - Тони. Все они - добрые боги, а Форморазрушитель - воплощение вселенского зла.

– Я это знаю, - угрюмо произнес он. - Вот почему то, что мне видится, причиняет мне такие душевные муки. Бог-над-богом, которого никто не в состоянии постичь, кроме меня. - И он снова постепенно, как будто даже внешне незаметно погрузился в свой транс и перестал с нею разговаривать.

– Как же это получилось, что только тебе дано видеть такое, что недоступно никому другому, и вместе с тем самонадеянно считать, что такое существует на самом деле? - спросила Сюзи. - Спектовский нигде даже словечка не обронил о существовании подобного сверхбожества. Мне кажется, это все в твоём собственном сознании так перепуталось. - Ей стало вдруг как-то не по себе, холодно и неудобно, да еще и сигарета опалила край губы: она, как обычно, слишком много курила. - Давай лучше ляжем в постель, Тони, - решительно заявила она и одним движением загасила сигарету. - Ну давай. - Наклонившись, она подхватила его за подмышки. Но он оставался безучастным. Как камень.

Шло время. Он все продолжал свое общение с потусторонними силами.

– Господи! - В сердцах воскликнула она. - Ну и черт с тобой! Я ухожу. Спокойной ночи. - Поднявшись, она быстро прошла к двери, отворила ее, задержалась, наполовину переступив порог. - А ведь мы могли бы так славно позабавиться, если бы легли в постель, - жалобным тоном произнесла она. - Неужели есть во мне что-то такое, что тебе не нравится? Только скажи, я в состоянии устранить собственные недостатки. Я вот совсем недавно вычитала из книг - оказывается есть еще несколько таких способов, о которых даже я не догадывалась. Давай я тебя научу им. Судя по всему, они сулят неслыханные наслаждения.

Тони Дункульвельт открыл глаза и стал, не мигая, изучающе на нее глядеть, по выражению его лица она не могла разобрать, какие чувства им владеют, и это ее немало встревожило. Она вся съезжилась, задрожала и стала растирать свои обнаженные руки.

– Форморазрушитель, - произнес Тони, - безусловно, не Бог.

– Я это и без тебя понимаю.

– Но этот "Безусловно-не-Бог" тем не менее тоже является категорией бытия.

– Раз ты так считаешь, Тони, значит так оно и есть.

– А понятие "Бог" включает в себя все категории бытия. Следовательно, Бог может быть и "Безусловно-не-Богом", что уже лежит за пределами человеческой логики и возможностей человеческого мышления. Но мы интуитивно чувствуем, что это так. Ты разве этого не чувствуешь? Разве ты была бы против некоего Цельного, Единого, что преодолевало бы нашу жалкую раздвоенность? Ведь настоящий, внутренне непротиворечивый монизм лучше нашего низменного дуализма! Спектовский был великим мыслителем, но даже и ему не удалось разглядеть более совершенную монистическую структуру, которая существует на более высоком плане бытия, чем дуализм. Да, вне всяких сомнений, существует Бог более высокого порядка! - Торжественно провозгласил он, продолжая смотреть на Сюзи. - А что ты думаешь об этом? - спросил он несколько застенчиво.

– Я думаю, что это просто замечательно, - с энтузиазмом откликнулась Сюзи. - Это ведь так грандиозно - впасть в транс и получать возможность постигать то, что постигаешь ты. Тебе

следовало бы написать книгу и сказать во свеуслышание, что то, о чем толкует Спектовский, неверно.

– Это вовсе не неверно, - возразил Тони. - Оно просто не укладывается в то, что удастся видеть мне, оно лежит за его пределами. Когда забираешься на столь высокий уровень, возможно равенство двух противоположностей. Именно это я и пытаюсь раскрыть.

– А ты бы не мог раскрыть это завтра? - все еще дрожа и продолжая массировать голые руки, спросила Сюзи. - Мне так холодно, я так устала, у меня уже произошла сегодня вечером такая ужасная ссора с этой мерзавкой Мэри Морли, так что - давай, пожалуйста, не упирайся. Давай поскорее залезем в постель.

– Я пророк, - изрек Тони. - Как Иисус Христос, как Моисей или Спектовский. Мир меня никогда не забудет. - Он снова закрыл глаза.

Тусклая свеча замерцала и почти погасла. Он этого даже не заметил.

– Если ты пророк, - сказала Сюзи, - то сотвори чудо. - Она когда-то читала в "Библии" Спектовского что-то в таком духе, о пророках, наделенных чудодейственными способностями. - Докажи это мне, - сказала она.

Тони приоткрыл один глаз.

– Для чего это тебе вдруг так понадобилось знамение?

– Мне не нужно никакого знамения. Я хочу увидеть чудо.

– Чудо, - глубокомысленно произнес он, - и есть знамение. Ладно. Я сделаю что-нибудь такое, чтобы доказать тебе. Он обвел взглядом комнату, выражение его лица теперь стало искренне негодующим. Она поняла, что только сейчас полностью его разбудила. И что это ему очень не понравилось.

– Твое лицо становится черным, - сказала Сюзи.

Он, как бы пробуя, прикоснулся ко лбу.

– Оно становится красным. Но свет от свечи не содержит в себе весь цветовой спектр, поэтому оно и кажется черным. - Он как-то незаметно поднялся на ноги и стал медленно прохаживаться по комнате, потирая пальцами нижнюю часть шеи.

– Сколько времени ты так просидел? - спросила она.

– Не знаю.

– Это верно. Ты потерял всякое представление о времени. - Она вспомнила, что когда-то он сам говорил ей об этом. Только одно это привело ее в ужас. - Так вот, - сказала она. - Преврати вот это в камень. - Она нашла буханку хлеба, она двинулась к нему, чувствуя охватившее ее озорство. - Можешь это сделать?

– Это чудо, обратное тому, что совершил Иисус Христос, - торжественно заявил Тони.

– Так можешь это сделать?

Он взял у нее буханку хлеба и, держа ее перед собой обеими руками, стал пристально на нее глядеть, шевеля при этом губами. Все лицо его исказилось, подчеркивая чудовищность предпринятой им попытки. Оно еще более почернело, глаза совсем потухли и стали непроницаемыми отверстиями в черепе, в которых зияла непроглядная тьма.

Буханка хлеба подскочила вверх, вырвавшись из его рук, стала подниматься, пока не зависла у него над головой... Она вся затрепетала, как бы подернулась дымкой, а затем камнем плюхнулась на пол. В самом ли деле камнем? Сюзи стала на колени, пытаясь это выяснить. На какое-то мгновение ее даже охватило опасение, что освещение комнаты вот-вот и ее саму ввергнет в состояние гипнотического транса. Буханка хлеба исчезла. То, что покоилось на полу, оказалось крупным гладким камнем, отполированным горным потоком обломком скалы.

– Бог ты мой, - произвольно вырвалось из нее полушепотом. - Смогу ли я его поднять? Может быть, это опасно?

Глаза Тони снова наполнились жизнью, он тоже стал на колени и не веря своим глазам в изумлении глядел на то, что еще мгновением назад было хлебом.

– Во мне, - сказал он, - появилась божественная сила. Не я это сделал - это было совершено через мое посредничество.

Подняв камень - он оказался довольно тяжелым - она обнаружила, что он кажется теплым и почти живым. Одушевленный камень, отметила она про себя. Как будто он органического происхождения. Может быть, это не настоящий камень. Она постучала им по полу - камень оказался в должной мере твердым и издал соответствующий звук при ударе. Значит, это все-таки камень, поняла она. Камень!

– Можно мне оставить его у себя? - спросила она. Теперь ужас уже всецело завладел ею. Она с надеждой смотрела на Тони, готовая сделать все, что только он ни повелит ей.

– Можешь оставить его у себя, Сюзанна, - спокойно произнес Тони. - Вот только поднимись и возвращайся к себе. Я очень устал.

– Он действительно выглядел сильно утомленным, все тело его обмякло. - Увидимся утром за завтраком. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, - сказала она. - Но, может быть, мне раздеть тебя и уложить в постель? Это доставило бы мне удовольствие.

– Нет, - произнес он, подошел к двери и открыл ее перед нею.

– Поцелуй на прощанье. - Подойдя к нему, она вся подалась вперед и поцеловала его в губы. - Спасибо, - сказала она, ощущая непривычную для себя робость и покорность. - Спокойной ночи, Тони. Спасибо тебе за чудо. - Дверь за нею начала уже закрываться, как вдруг она ловко приостановила ее заостренным носком своей туфли. - Можно мне рассказать всем об этом? Разве это не самое первое чудо, которое тебе удалось совершить? Пусть все узнают об этом. Но если тебе не хочется, чтобы они знали, то я ничего им не скажу.

– Разрешите мне лечь спать, - сказал он и закрыл дверь. Дверь щелкнула перед самым ее носом, и она испытала прямо-таки животный страх - всю свою жизнь вот этого она больше всего и опасалась. Звук закрываемой в комнату мужчины двери перед самым ее носом. Она тут же подняла руку, чтобы постучаться, обнаружила в ней камень, ударила камнем об дверь, но не очень громко, так, чтобы он смог понять, насколько отчаянно она хотела вернуться, но не настолько громко, чтобы побеспокоить его, если ему не захочется ответить.

Ответа не последовало. Ни звука внутри, ни движения двери. Ничего, кроме бездны, разверзшейся перед нею.

– Тони? - задыхаясь, вымолвила она, прижимаясь ухом к двери. Полная тишина. - Ну и ладно, - произнесла она в оцепенении и, сжимая в руке камень, нетвердой походкой направилась через крыльцо в свою собственную комнату.

Камень исчез. Она уже не ощущала его тяжести в своей руке.

– Вот черт, - прошептала она, не зная, как на это прореагировать. - Куда же это он подевался? Растворился в воздухе?

В таком случае это, наверное, был обман зрения, сообразила она. Он подверг меня гипнозу и заставил поверить. Мне сразу следовало бы понять, что на самом деле ничего этого не было.

Миллионы звезд как-то сразу вдруг взорвались, образуя быстро вращающееся колесо света, света, хотя и мучительно яркого, но холодного, который пронизал ее всю насквозь. Он исходил откуда-то сзади, и она всем телом почувствовала, как на нее обрушилось это его гигантское световое давление.

– Тони, - едва успела вымолвить она и упала в раскрывшуюся перед нею бездну.

Она ничего не думала при этом, никаких чувств не испытывала. Она видела только бездну, безграничную бездну, которая поглощала ее, ждала ее где-то гораздо ниже, где-то очень-очень

глубоко, а она, мгновенно будто налившись свинцом, рухнула туда, на тысячи миль глубиной в разверзшуюся перед ней преисподнюю.

Вот так, упав на руки и на колени, она и умерла. Одна на крыльце. Все еще пытаюсь схватить то, чего не существовало.

Глава 8

Глену Белснору снился сон. Во тьме ночи ему привиделся он сам - он ощущал себя таким, каким был на самом деле, умным и полезным всем отцом, защитником и опекуном. Счастье переполняло его. Да, я в состоянии это сделать. Я могу позаботиться обо всех них, помочь им в их затруднениях и защитить их от опасностей. Их нужно защитить, чего бы это мне не стоило, так ему думалось во сне.

В этом своем сне он приладил антенну, смонтировал на свое место главный силовой выключатель, попытался включить вспомогательные цепи.

Из таким образом усовершенствованной аппаратуры раздался столь милый его сердцу гул. Созданное ею поле распространилось в высоту на много тысяч миль, его напряженность неуклонно возрастала по всем направлениям. Разве можно проскочить мимо него, его не заметив, удовлетворенно сказал он самому себе, и часть владевших им страхов понемногу стала рассеиваться. Поселку теперь ничто не угрожает, и именно я добился этого.

А по поселку люди сновали в самых различных направлениях, на них были длинные коричневые рабочие халаты. Солнце прошло зенит, затем еще раз, затем еще и еще, и так целую тысячу лет. Только тогда, как-то даже неожиданно для себя самого, он обнаружил, что все они очень постарели. Они теперь брели, с трудом переставляя трясущиеся ноги. У них были растрепанные бороды - у женщин тоже, - фактически, все они еле-еле ползали по земле, как ничемные насекомые. Некоторые из них, как он обнаружил, были слепыми.

Значит, мы так и не добились столь желанной собственной безопасности, рассудил он. Даже несмотря на то, что работало поле, генерируемое созданной им аппаратурой. Люди увядали изнутри. И в скором времени все равно все они умрут.

– Белснор!

Он открыл глаза и понял, что это только сон.

Сквозь шторы в его комнату пробивался серый зыбкий свет раннего утра. Самозаводящиеся часы показывали семь часов. Он сел на кровати, отбросив одеяло. Холодный утренний воздух покалывал кожу и его стала бить мелкая дрожь.

– Кто там? - спросил он у мужчин и женщин, которые без спросу стали заполнять его комнату. Закрыв глаза, он скорчил недовольную гримасу, чувствуя, что, несмотря на какие-то вдруг возникшие непредвиденные обстоятельства, требовавшие его вмешательства, прогорклые остатки виденного им во сне все еще липли к нему.

– Сюзи Сمارт, мертва, - громко произнес Игнас Тагг, на котором была яркой расцветки пижама.

Натягивая на себя халат, ошарашенный Белснор направился к выходу из своей комнаты.

– Вы хотя бы отдадите себе отчет в том, что это означает - возбужденно спросил Уэйд Фрэйзер.

– Да, - ответил он. - Я четко себе представляю, что это означает.

– У нее была такая светлая душа, - произнесла Роберта Рокингхэм, прикасаясь к глазам уголком небольшого полотняного носового платочка. - Она одним своим присутствием озаряла все, что нас окружало. Кто же это посмел учинить с нею такое? - На ее высохших щеках появилась влажная дорожка.

Белснор вышел на территорию поселка, остальные как хвост молча волочились вслед за ним.

Она лежала на крыльце. В нескольких шагах от своей двери. Он склонился над нею, прикоснулся к ее затылку. Совершенно холодный. Ни малейших признаков жизни.

– Вы проверили? - спросил он у Бэббла. - Она в самом деле мертва? Нет ли у вас каких-либо сомнений на этот счет?

– Посмотрите на свою руку, - сказал Уэйд Фрэйзер.

Белснор снял руку с затылка девушки. С его пальцев капала кровь. И еще он увидел большое количество крови на ее волосах, в верхней части головы. У нее был раскроен череп.

– Не угодно ли вам пересмотреть результаты вашего вскрытия? - со злостью бросил он Бэбблу.
- Ваше мнение о судьбе Толлчифа - не угодно ли вам теперь изменить его?

Все продолжали молчать.

Белснор осмотрелся; увидел неподалеку от трупа буханку хлеба.

– Она, должно быть, несла хлеб.

– Она взяла его у меня, - сказал Тони Дункельвельт. Лицо его было бледным от потрясения, которое он испытывал. Слова его едва были слышны. - Она покинула мою комнату вчера поздно вечером, а я лег спать. Я вне убивал ее. Я даже не знал об этом, пока не услышал крики доктора Бэббла и других.

– Мы вовсе не говорим, что это сделали вы, - успокоил его Белснор.

Да, подумал он, она частенько порхала по ночам из одной комнаты в другую. Мы все забавлялись с нею, даже посмеивались, а она просто была немножко не в своем уме. Но она не причиняла никому никакого вреда. Она оставалась невинной в той же мере, как и любое другое человеческое существо. Погрязнув в грехе, она не ведала, что творила.

Появился новичок, Расселл. Выражение его лица ясно показывало, что он тоже, даже ничего не зная о покойной, прекрасно понимал, какая ужасная вещь произошла, несколько трагичен этот момент для всех них.

– Вы понимаете, что вам приходится здесь видеть? - грубо обратился к нему Белснор.

– Скажите, - произнес Расселл, - не смог бы я оказать вам помощь, используя передатчик на борту моего ялика.

– Он не подходит для этого, - ответил Белснор. - Ялики оснащены простым радио. Оно совершенно для этого не годится.

Он как-то нескладно выпрямился, услышал, как хрустнули суставы. Это все дело рук Терры, подумал он, припомнив, что говорили ему Сет Морли и Бэббл вчера вечером, когда привели к нему Расселла, наше собственное правительство. Как будто мы крысы в лабиринте, где за каждым углом поджидает смерть. Заложники, оставленные с глазу на глаз с абсолютно превосходящим их возможности противником и обреченные на то, чтобы погибать один за другим, пока не останется никого.

Сет Морли отозвал его в сторону, они встали чуть поодаль от остальных.

– Вы, что, не хотите рассказать им? Они имеют право знать, кто их противник.

– Я не хочу, чтобы они это знали, - произнес Белснор, - потому что, как я уже вам объяснял, их моральное состояние достаточно тяжелое и без этого. Если они узнают о том, что опасность исходит от Терры, они совсем разувоятся в возможности выжить. Они все просто сойдут с ума.

– Дело ваше, - сказал Сет Морли. - Но вы избраны руководить этими людьми. - Тон его голоса показывал, что он решительно не согласен с такой постановкой вопроса. Как и вчера вечером.

– Со временем, - сказал Белснор, сдавив своими длинными привычными к труду крепкими пальцами предплечье Сета. - Когда наступит подходящий момент...

– Он никогда не наступит, - сказал Сет Морли, отступая на шаг назад. - И они погибнут, даже не зная, почему.

Может быть, подумалось Белснору, так оно и лучше. Лучше, если бы каждый из них, кто бы это ни был, умирал, не зная кто в этом повинен и почему они все обречены на смерть.

Присев на корточки, Расселл перевернул тело Сюзи Сمارт. Внимательно поглядев на ее лицо, произнес:

– Она, безусловно, была красивой девушкой.

– Красивой, - резко произнес Белснор, - но тронутой. У нее была ненормальная половая активность; она просто считала себя обязанной переспать с каждым мужчиной, с которым сталкивалась, пусть даже совершенно случайно. Мы можем обойтись и без нее.

– Сволочь вы, вот кто, - свирепо бросил ему Сет Морли.

– А что бы вам хотелось, чтобы я сказал? - произнес Белснор, беспомощно разводя руками. - Что мы не сможем жить без нее дальше? Что это всему конец?

Морли ничего не ответил.

– Произнесите молитву, - сказал Белснор, обращаясь к Мэгги Уолш.

Наступило время посмертной церемонии, ритуала, которого они столь твердо придерживались, что даже он сам не мог себе представить чью-либо смерть без его соблюдения.

– Дайте мне несколько минут, - осипшим голосом произнесла Мэгги Уолш. - Я..., просто сейчас не в состоянии говорить. - Она отошла в сторону и повернулась к нему спиной.

Он услышал, как она всхлипывает.

– Я сам ее произнесу, - сказал Белснор, ощутив приступ ярости.

– Мне бы хотелось получить разрешение, - обратился к нему Сет Морли, - привести разведывательную вылазку за пределы поселка. Вместе со мной хочет пойти Расселл.

– Зачем? - спросил Белснор.

– Я уже познакомился с миниатюрной копией Здания. Как мне кажется, самое время провести очную ставку с оригиналом.

– Возьмите с собой кого-нибудь еще, - сказал Белснор. - Кого-нибудь, кто знает, как туда пройти.

– Я пойду с вами, - отозвалась Бетти Джо Берм.

– С ними должен пойти еще один мужчина, - ответил ей Белснор, а сам подумал: наша ошибка в том, что мы не держимся все вместе; смерть настигает того из нас, кто остается наедине с самим собою. - Возьмите с собой Фрэйзера и Тагга, посоветовал он. - А также Бетти Джо. Группа при этом разделится, но ни Роберта Рокингхэм, ни Берт Кослер все равно физически не в состоянии совершить подобную вылазку. Пока еще они ни разу не покидали территорию поселка.

– Я остаюсь здесь с остальными, - решил он.

– Как я полагаю, нам следует быть вооруженными, - сказал Уэйд Фрэйзер.

– Никто здесь оружия не получит, - решительно произнес Белснор. - Наше положение и без того уже хуже некуда. Дай вам оружие, вы поубиваете друг друга - то ли случайно, то ли преднамеренно.

Он сам не понимал, откуда у него такие предположения, но интуиция подсказывала ему, что он прав. Сюзи Сمارт, мысленно обратился он к мертвой девушке, может быть тоже была убита кем-то из нас..., тем из нас, кто является агентом Терры и генерала Тритона.

Как в моем сне, отметил он про себя. Враг находится внутри нас. Он несет нам одряхление и смерть. Несмотря на силовой барьер, опоясывающий поселок. Вот что означал мой сон.

Протирая покрасневшие от слез глаза, Мэгги Уолш сказала робко:

– Мне бы тоже хотелось пойти с ними.

– Но почему? - удивился Белснор. - Почему каждому так хочется покинуть поселок? Ведь здесь мы в большей безопасности. - Однако он и сам ощутил, насколько неискренне звучат его слова.

– Ладно, - сказал он. - Желаю удачи всем вам. А вы, Морли, попытайтесь поймать одну из этих поющих мух и принесите ее с собою. Если только не найдете чего-нибудь получше.

– Буду стараться, - ответил Сет Морли.

Он повернулся и побрел прочь от Белснора. Те, кто должен был идти вместе с ним, тоже тронулись в путь.

Они никогда не вернутся, сказал самому себе Белснор. Он проводил их взглядом и сердце в его груди тяжело и гулко застучало, как будто там у него раскачивался маятник космических часов, туда-сюда, туда-сюда.

Маятник смерти.

Семеро путников медленно брели вдоль склона гряды невысоких холмов, внимательно оглядывая каждый предмет, который попадал в их поле зрения. Почти не разговаривая между собой.

Перед ними во всю глубину дали простирались подернутые туманной дымкой холмы необычной формы. Повсюду росли зеленые лишайники, почва под ногами представляла собой густую вязь стелющихся растений. В воздухе стоял своеобразный запах здешней органической жизни. Сочный, резкий запах, нисколько не похожий на любой знакомый им. Где-то, на большом удалении от них, высоко вверх вздымались огромные столбы пара, ниспадающие потоки кипящей воды прокладывали себе путь через скалы к поверхности. Еще дальше, по-видимому, лежал океан, сюда доносился только гул его прибоя да виднелась завеса из взбитой им влаги и мелкого песка.

Маршрут их пролегал через унылые места. Теплая слизь, выделявшаяся из атмосферной влаги и разлагавшая минералы в губчатую пульпу, чавкала у них под ногами. Останки лишайников и одноклеточных организмов подкрашивали тягучую влажную пену, которая капала отовсюду, покрывая скалы и похожие на колонии морских губок кустарники.

Наклонившись, Уэйд Фрэйзер поднял похожий на улитку, лишенный конечностей организм.

– Это не подделка - он живой. Он настоящий.

Тагг держал в руках губку, которую он выудил из небольшой теплой лужи.

– А вот это - искусственный организм. Но на Дельмаке-О есть и точно такие же губки естественного происхождения. А это тоже подделка. - Тагг выдернул из воды извивающееся змееподобное существо с короткими, похожими на обрубки, конечностями, которые яростно молотили воздух. Тагг быстрым движением свернул ему голову. Голова отделилась, и существо перестало дергаться. - Чисто механическая конструкция - видите, сколько в нем внутри всяких проводков и деталек. - Он водворил голову на место. - Мерзкое создание тотчас же снова затрепыхалось в его руках. Тагг брезгливо отшвырнул его в воду, и оно как ни в чем не бывало поплыло прочь.

– А где же Здание? - поинтересовался Сет Морли.

– Оно... - как-то неуверенно начала Мэгги Уолш, - оно, похоже, меняет свое местоположение. В последний раз, когда его видели, оно располагалось у подножия холмов как раз за гейзерами. Но в следующий раз оно может оказаться совсем в другом месте.

– Мы можем воспользоваться этими координатами в качестве отправной точки, - предложила Бетти Джо Берм. - Когда мы достигнем того места, где оно было раньше, - мы сможем разбрестись в разных направлениях... Зря мы не взяли с собою переговорных устройств. Они в данной ситуации были бы весьма кстати, - добавила она.

– Это вина Белснора, - сказал Тагг. - Он избран нами руководителем. Ему и положено продумывать организацию подобных мероприятий.

– Ну как вам здесь нравится? - спросила Бетти Джо Берм у Сета Морли.

– У меня пока еще не сложилось определенного мнения.

По всей вероятности из-за гибели Сюзи Сمارт, он испытывал отвращения ко всему, что попадалось на глаза. Ему страшно не нравилось причудливое смешение искусственных форм жизни с натуральными: эта их мешанина вызывала у него ощущение неестественности всего разворачивавшегося перед ними пейзажа. Как будто, думалось ему, эти холмы на заднем плане и это гигантское плато справа - не что иное как нарисованные декорации, а мы сами и наш поселок, все что нас окружает, находится под огромным стеклянным куполом. И над нами - исследователи из персонала Тритона, словно спятившие с ума ученые из дешевого фантастического романа, наблюдают через прозрачное стекло за тем, как мы влачим здесь свою жалкую жизнь, крохотные человекоподобные существа.

- Давайте сделаем привал, - предложила Мэгги Уолш, ее лицо было печальным и осунувшимся от горя - она похоже, еще не оправилась от потрясения, вызванного смертью Сюзи Смарт. - Я устала. Я еще не завтракала, а мы не взяли с собой никакой еды. Всю эту вылазку нужно было тщательно спланировать наперед.

- Все мы тогда очень плохо соображали, - сочувственно произнесла Бетти Джо Берм.

Из кармана юбки она извлекла заветный флакончик, открыла его и начала перебирать таблетки, пока наконец не отыскала ту, что ее удовлетворила.

- Вы их можете глотать, не запивая водой? - спросил у нее Расселл.

- Да, - ответила она и улыбнулась. - Помешанный на таблетках может принимать их в любых условиях.

- Для Бетти Джо, - тихо сказал Расселлу Сет Морли, - это удовольствие.

Он внимательно посмотрел на Расселла, пытаясь выяснить, имеет ли этот новый их компаньон, подобно другим, какую-нибудь слабинку в своем характере и если это так, то в чем она заключается.

- Как мне кажется, я догадываюсь, к чему мистер Расселл питает особую склонность, - ядовито заметил Уэйд Фрэйзер, как бы забрасывая удочку с наживкой. - У него, судя по моим наблюдениям, фетишем является стерильная чистота.

- В самом деле? - спросила Мэри Морли.

- Боюсь, что это именно так, - ответил Расселл и улыбнулся, обнажив ровные, идеально белые зубы, какие бывают разве что у актеров.

Все снова пустились в путь и вышли, наконец к реке. Она показалась им слишком широкой, чтобы ее можно было перейти вброд. Они остановились.

- Нам нужно пойти вдоль реки, - сказал Тагг. Затем нахмурился. - Я уже бывал в этой местности, но что-то не замечал здесь никакой реки прежде.

- Она появилась специально для вас, Морли, - слегка хихикнув, произнес Фрэйзер. - Потому что вы гидробиолог.

- Весьма странное предположение, - заметила Мэгги Уолш. - Вы хотите сказать, что характер местности изменяется в соответствии с нашими собственными ожиданиями?

- Это я пошутил, - обиженно ответил Фрэйзер.

- И все же - какая странная мысль! - воскликнула Мэгги Уолш. - Вы знаете, Спектовский это о нас говорит, как о "пленниках своих собственных предрассудков и предвкушений". А одно из условий Проклятия как раз и заключается в том, чтобы оставаться в трясине квази-реальности этих наклонностей, даже не воспринимая реальность такую, какая она есть на самом деле.

- Никто не воспринимает действительность в ее доподлинном виде, - сказал Фрэйзер. - Это доказал еще Кант. Пространство и время являются, например, формами отображения нашего восприятия. Вам это известно? - Он подтолкнул Сета Морли. - Вам это известно, мистер гидробиолог?

- Да, - ответил он, хотя никогда не только не читал Канта, но даже не слышал ничего о нем.

Спектовский утверждает, что, в конечном счете, нам еще удастся увидеть действительность такую, какая она есть, - напомнила Мэгги Уолш. - Когда Заступник высвободит нас из тисков нашего мира и его условностей. Когда с нас будет снято Проклятие, с его, разумеется, помощью.

- Но иногда, - вступил в разговор Расселл, - даже на своем коротком жизненном пути нам удается разглядеть фрагментарные проблески ее.

- Только в тех случаях, когда Заступник снимает пелену с наших глаз, - заметила Мэгги Уолш.

- Верно, - согласился Расселл.

- Вы откуда родом? - спросил у Расселла Сет Морли.

- С Альфы Центавра-8.

- Далековато отсюда, - сказал Уэйд Фрэйзер.

- Да, - кивнул Расселл. - Вот почему я прибыл сюда так поздно. Путешествие заняло у меня почти три месяца.

- Значит, вы одним из первых получили сюда назначение, - сказал Сет Морли. - Задолго до меня.

- Задолго до любого из нас, - произнес Уэйд Фрэйзер, он задумчиво поглядел на Расселла, который был на целую голову выше его и куда шире в плечах. - Интересно, для чего это здесь потребовался экономист? На этой планете начисто отсутствует какая-либо экономика.

- Похоже на то, - сказала Мэгги Уолш, - что здесь каждому из нас совершенно некуда приложить свое умение. Наше умение, наш опыт - здесь не имеют никакого значения. Не думаю, что отбор производился на этом основании.

- Очевидно, - раздраженно бросил Тагг.

- Значит, для вас это очевидно? - спросила у него Бетти Джо. - Тогда, исходя из какого же все-таки принципа, по вашему мнению, производился отбор?

- Его правильно подметил Белснор. Мы все неудачники.

- Говоря так, он подразумевал, что мы все невезучие.

- Это в сущности одно и то же, - ответил Тагг. - Мы отбросы галактики, ее отщепенцы. В этом Белснор прав как никогда.

- Не включайте меня в это число, когда такое говорите, - возмутилась Бетти Джо. - Я пока еще ни в коем случае не согласна причислять себя к "отбросам галактики". Может быть, завтра все будет по-иному...

- Умирая, - произнесла Мэгги Уолш, обращаясь скорее всего к самой себе, - мы уходим в небытие. Небытие, в котором мы уже фактически оказались... И из которого только Божество способно нас вызволить.

- Значит, получается так: с одной стороны, нас пытается спасти Божество, - сказал Сет Морли, - с другой стороны, генерал Тритон пытается... - тут он осекся, поняв что и так выболтал слишком много.

Однако никто не обратил на его слова никакого внимания.

- Как никак, это основополагающее условие жизни, - вставил свое слово Расселл все тем же характерным для него спокойным, беспристрастным тоном. - Диалектика вселенной. Одна сила толкает нас к гибели - это Форморазрушитель во всех своих проявлениях. Ему противостоит Божество в своих трех Манифестациях. Теоретически оно всегда на нашей стороне. Верно, мисс Уолш?

- Не теоретически, - она отрицательно покачала головой. - На самом деле.

- А вот и Знание, - тихо произнесла Бетти Джо Берм.

Теперь и он увидел его. Сет Морли прикрыл ладонью глаза от яркого полуденного солнца, стал присматриваться. Серое и огромное, оно вздымалось где-то очень далеко, на пределе остроты его зрения. Почти кубической формы. Со странными остроконечными башенками, что говорило о бурной деятельности внутри многочисленных механизмов. Над ним висела настоящая дымовая завеса, и он подумал, что это какой-то завод.

– Пошли, - предложил Тагг и двинулся в направлении к Зданию. Они устало потащились за ним, образовав неровную цепочку.

– Оно не становится ближе, - через некоторое время подметил Уэйд Фрэйзер, издав ехидный смешок.

– Тогда давайте шагать быстрее, - ухмыльнулся Тагг.

– Это бессмысленно, - Мэгги Уолш остановилась, тяжело дыша. Подмышками у нее выступили темные круги от пота. - Это так и будет. Можно идти и идти, а оно будет все отодвигаться и отодвигаться.

– И к нему по-настоящему близко никак не подобраться, - сказал Уэйд Фрэйзер.

Он тоже приостановился и занялся раскуриванием довольно истертой трубки из красного дерева, набив ее, как заметил Сет Морли, одной из наиболее вредных и крепких из существовавших когда-либо табачных смесей. Запах от нее, когда трубка стала беспорядочно попыхивать дымом, наполнил окружающий воздух самым мерзким зловонием.

– Что же теперь будем делать? - спросил Расселл.

– Может быть, сегодня нам и удастся что-нибудь придумать, - не без иронии заметил Тагг. - Например, если мы закроем глаза и начнем обходить его, стараясь делать это по сужающейся спирали, то обнаружим, что окажемся с ним рядом.

– Пока мы здесь стоим, - сказал Сет Морли, прикрывая глаза ладонью и всматриваясь вдаль, - оно становится ближе. Он в этом несколько не сомневался. Теперь ему удавалось различить все дымоходы и ему даже показалось, что клубы дыма над Зданием поднялись гораздо выше. Может быть, подумал он, это совсем не завод. Если оно приблизится еще хоть чуть-чуть, тогда я, смогу что-либо сказать с большей уверенностью. Он продолжал пристально рассматривать Здание. Остальные тоже молча смотрели на него.

– Это иллюзия, - глубокомысленно изрек Расселл. - Своего рода проекция. Из передатчика, расположенного, вероятно, в радиусе не больше мили от нас. Очень мощного, современного видеопередатчика... Можно заметить даже легкое подрагивание изображения.

– Что же вы предлагаете в таком случае? - спросил у него Сет Морли. - Если вы правы, тогда бессмысленно к нему приближаться, поскольку оно попросту не существует.

– Где-то оно обязательно должно быть, - поправился Расселл. - Только не здесь. То, что мы видим, иллюзия. Но есть и настоящее Здание, и оно, по всей вероятности, где-то неподалеку.

– Откуда вам это известно? - спросил Сет Морли.

– Я знаком, - ответил Расселл, - с методами, которыми пользуется "Интерпланет-Вест" при создании отвлекающих композиций. Эта трансляция иллюзии имеет целью сбить с толку тех, кто знает о факте существования Здания. Кто пытается его отыскать. И когда они видят изображение, они думают, что достигли своей цели.

Затем он добавил.

– Этот метод давал очень хорошие результаты во время войны между "Интерпланет-Вестом" и воинственными культами Ригеля-10. Ригелианские ракеты непрерывным градом сыпались на такие иллюзорные промышленные комплексы. Видите ли, такого рода проекция наблюдается не только визуально, она еще просматривается на экранах радиолокаторов и записывается в компьютерную память разведывательных зондов, сканирующих поверхность планет. В основе своей она сугубо материальна - строго говоря, это никакой не мираж.

– Ну что ж, вам как раз и положено знать такое, - сказала Бетти Джо Берм. - Вы ведь экономист. Вы осведомлены о том, что случилось во время войны с промышленными комплексами. - Однако судя по тону ее голоса, она еще не была полностью убеждена в правоте Расселла.

– Почему же тогда оно удаляется? - спросил у него Сет Морли. - По мере нашего приближения?

– Именно поэтому я и разобрался в природе этой иллюзии, - сказал Расселл.

– Тогда скажите, что нам нужно предпринять, - обратилась к нему Мэгги Уолш.

– Давайте разбираться все вместе. - Расселл тяжело вздохнул, задумался. Остальные просто ждали. - Реальное Здание может быть где угодно. По проекции невозможно проследить истинное его местонахождение. Иначе этот метод не давал бы таких превосходных результатов. Мне кажется... - он сделал жест рукой, - у меня такое ощущение, что это плато справа тоже иллюзия. Наложённая на что-то реально существующее, в результате чего возникает отрицательная галлюцинация у каждого, кто смотрит в этом направлении. - Увидев недоуменные взгляды, он пояснил только что сказанное. - Отрицательная галлюцинация - это когда вы не видите чего-то, что реально там находится.

– О'кей, - сказал Тагг. - Давайте направимся к этому плато.

– Это означает, что нужно переправиться на другой берег реки, - заметила Мэри Морли.

– Спектовский что-нибудь говорит о хождении по водам? - спросил у Мэгги Уолш Фрэйзер. - Как раз сейчас это было бы весьма кстати. Мне эта речка представляется чертовски глубокой, и мы уже решили, что не станем рисковать, пытаясь ее пересечь.

– Тут вообще может не быть никакой реки, - заметил Сет Морли.

– Она есть, - произнес Расселл. Он спустился к реке, остановился у самой воды и зачерпнул воду ладонью.

– Серьезно, - произнесла Бетти Джо Берм, - говорит ли что-нибудь Спектовский относительно хождения по воде?

– Такое возможно, - ответила Мэгги Уолш, - но только в присутствии Божества. Божество должно повести за собой людей, иначе они погрузятся в воду и утонут.

– А может быть, мистер Расселл и является как раз Божеством? - сказал Игнас Тагг, а затем спросил у Расселла напрямик. - Вот вы, не являетесь ли вы одной из Манифестаций Божества? Сошедшего сюда, чтоб нам помочь? Не являетесь ли вы, в частности, Странником-по-Земле?

– Боюсь, что нет, - ответил Расселл так же рассудительно и спокойно.

– Проведите нас через воду, - сказал ему Сет Морли.

– Не могу, - воспротивился Расселл. - Я такой же обычный человек как и вы.

– Попробуйте, - не унимался Сет Морли.

– Мне даже как-то странно слышать, - сказал Расселл, - что вы меня приняли за Странника-по-Земле. Правда, такое уже со мной случилось, наверное, вследствие того кочевого образа жизни, который я веду. Я всегда выделяюсь как чужак, и если изредка еще сделаю при этом что-нибудь уместное, - то кому-то в голову обязательно приходит прекрасная мысль, будто я являюсь третьей Манифестацией Божества.

– Может быть, вы им и являетесь, - упорствовал Сет Морли, внимательно на него глядя.

Он пытался припомнить, как выглядел из себя Странник-по-Земле, когда явился ему в "Тэкел Упарсине". Сходства было совсем немного, и все же..., какое-то странное предчувствие никак не оставляло его. Это ощущение возникло в нем спонтанно - мгновением ранее он воспринимал Расселла как обычного человека, а затем, как-то неожиданно, сразу ощутил себя в присутствии Божества. И это ощущение не проходило, никак не могло, его полностью покинуть.

– Я бы наверняка знал, кем я являюсь, - продолжал возражать Расселл.

– Может быть, вы и знаете, - сказала Мэгги Уолш. - Совсем не исключено, что мистер Морли прав. - Она тоже стала внимательно приглядываться к Расселлу, который теперь казался несколько смущенным. - Если вы Им являетесь, - сказала она, - все равно со временем мы об этом узнаем.

– Вы хотя бы видели когда-нибудь Странника? - спросил у нее Расселл.

– Нет.

– Так вот я - не он, - произнес Расселл.

– Давайте просто войдем в эту распроклятую воду и посмотрим, сможем ли мы добраться до противоположного берега, - весь горя от нетерпения, предложил Игнас Тагг. - Если станет слишком глубоко, ну и черт с нею, с этой речкой - мы тогда повернем назад. Я пошел. - Он зашагал к реке, ступил в нее, и ноги его исчезли в мутной серо-голубой воде. Он продолжал идти, не останавливаясь, и все остальные один за другим, последовали его примеру.

Они без особого труда достигли противоположного берега. Глубина реки по всей ее ширине оставалась небольшой. Испытывая разочарование, шестеро из них - среди них и Расселл - стояли вместе, стряхивая воду со своей одежды. Речная вода доходила им до пояса, не выше.

– Игнас Тагг, - воскликнул Фрэйзер, - и есть Манифестация Божества. Наделенная способностью переходить вброд реки и бороться с ураганами. В жизни бы не догадался.

– Дело ваше, - ответил Тагг.

Повернувшись к Мэгги Уолш, Расселл неожиданно для всех произнес:

– Молитесь!

– Зачем?

– Чтобы завеса иллюзии поднялась, обнажив реальность, которую она прикрывает.

– Можно это сделать про себя? - спросила она.

Расселл утвердительно кивнул.

– Спасибо, - сказала она и повернулась к остальным спиной, постояла так какое-то время, сложив руки вместе и наклонив голову, а затем снова развернулась лицом своим попутчикам. - Я старалась, как только могла, - завершила она их.

Теперь вид у нее был куда более счастливый, подметил Сет Морли, и, может быть, хотя бы на время она позабыла о Сюзи Сمارт.

Поблизости раздался какой-то невероятно мощный пульсирующий гул.

Услышав его, Сет Морли тут же почувствовал страх, чудовищный, инстинктивный страх.

В сотне метров от них, закрыв часть неба, появилась огромная серая стена. Она вся дрожала и стонала, будто была живая; из торчавших ввысь дымоходов вырывались могучие клубы дыма, образуя в небе черные тучи. Еще в большем количестве всякие отходы, бурля и клокоча, изливались прямо в реку из огромных сливных трубопроводов. Это клокотанье все продолжалось и продолжалось, оно казалось бесконечным.

Они все-таки отыскивали Здание.

Глава 9

– Вот теперь-то на него можно поглядеть поближе, - произнес Сет Морли.

Наконец-то. Оно производит такой шум, подумалось ему, словно тысячи космических ракет, ревуших на стартовых площадках и выпускающих с чудовищным грохотом струи раскаленных газов на колоссальный бетонный фундамент. Ему страшно захотелось узнать, что же все-таки производится в этом здании, и он направился прямо к его фасаду, чтобы с более близкого расстояния разобрать надпись над входом.

– Слишком шумное производство, не правда ли? - закричал Уэйд Фрэйзер.

– Да, - ответил ему Сет Морли, но не смог услышать своего собственного голоса, утонувшего в оглушительном грохоте, который издавало Здание.

Он ступил на заасфальтированную дорогу, которая шла вдоль одной из стен сооружения: остальные потащились вслед за ним, кое-кто заткнув руками уши. Он подошел к самому фасаду, прищурил глаза и стал вглядываться в буквы, виднеющиеся над закрытыми створками ворот:

"ВИНОКУРНЯ"

Такой страшный шум от винокуренного завода, удивился Сет Морли. Какая-то нелепица, подумал он.

Надпись на небольшой двери рядом с воротами гласила:

"ВХОД ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ДЕГУСТАЦИОННОГО ЗАЛА.
ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА И СЫРА"

Святой дух, сказал он самому себе. Мечты о хорошем, добром сыре пронеслись в его голове. Мне нужно обязательно пройти туда, решил он окончательно и бесповоротно. Вход, по-видимому бесплатный, хотя организаторы дегустации обычно совсем не против того, чтобы посетитель перед уходом купил бутылку-другую. Но для меня это совсем необязательно.

Жаль, подумалось ему с грустью, что нет здесь Бена Толлчифа с его пристрастием к спиртным напиткам. Это было бы для него просто фантастическим открытием.

– Подождите! - раздался сзади голос Мэгги Уолш. - Не ходите туда!

Не снимая ладони с дверной ручки при входе в дегустационный зал, он обернулся вполоборота, пытаясь выяснить, в чем дело.

Мэгги Уолш прищурилась, чтобы уберечь глаза от буйства солнца и попытаться разобрать буквы, которые так и прыгали перед ее глазами, купаясь в ярком солнечном великолепии. Она провела по воздуху пальцем, пытаясь успокоить эти пляшущие под солнечную музыку буквы, что же все-таки там написано? Какой смысл скрыт в этой надписи, которую все столь страстно селятся прочесть?

"МУДРОТЕКА"

– Подождите! - окликнула она Сета Морли, который уже взялся за ручку двери с надписью "Вход для посетителей" - Не ходите туда!

– Почему? - завопил он в ответ.

– Мы не знаем, что это такое! - Запыхавшись, она догнала его и стала рядом.

Огромное здание прямо-таки полыхало отраженным солнечным светом. "Мудротека". Место, где аккумулированы самые разнообразные знания? Но оно издавало слишком сильный грохот для хранилища книг, микрофильмов и магнитных лент. Место, где ведутся умные разговоры? Наверное, внутри этого здания можно постичь самые сокровенные глубины человеческой мудрости, свободной от предрассудков и предвзятых мнений. Здесь она могла бы погрузиться в сокровищницу мыслей Доктора Джонсона, насладиться острым, саркастическим умом

Вольтера...

Если я пройду внутрь, я научусь всему, что в состоянии знать человек в пределах умственных способностей, какими наделила его природа. Я обязана пройти внутрь. Теперь она уже торопила Сета Морли.

– Откройте дверь, - сказала она. - Мы должны пройти внутрь этого средоточия человеческой мудрости. Должны научиться всему, что там есть.

Двигаясь легкой трусцой вслед за ними и оценивая их возбужденное состояние с известной долей иронии, Уэйд Фрэйзер прочел надпись, венчавшую огромные запертые ворота Здания.

Поначалу она его ошарашила. Ему удалось сразу же разобрать буквы и составить из них слово. Но у него не было ни малейшего, даже смутного представления о том, что это слово означает.

– Никак не возьму в толк, - признался он Сету Морли и этой религиозной фанатичке Мэгги-Ведьме.

Он подумал, не имеет ли трудность расшифровки в данном случае чисто психологический характер и не обусловлена ли она тем внутренним протестом, который вызывала у него сама необходимость выяснить, что же все-таки означает этот бессмысленный набор букв. В конце концов он отбросил свои попытки логического анализа занимавшей его ум загадки. И стал просто перебирать в уме различные варианты смысла странного слова:

"СТОПОРИЛЬНЯ"

Похоже, что это слово кельтского происхождения. Диалектное слово, понятное только тому, кто имеет широкую и разностороннюю подготовку в области гуманитарных наук и располагает разнообразной, в том числе лингвистической и этнографической информацией.

Это скорее всего место, куда заключают людей не вполне нормальных и где их лишают возможности поступать так, как им вздумается. В определенном смысле это санаторий, но его назначение гораздо шире, здесь не ставят себе целью вылечить неизлечимых больных, чтобы вернуть их обществу, по всей вероятности, такими же больными, какими они были и до того, нет, цель этого заведения в том, чтобы полностью разделаться с человеческим невежеством и безрассудством. Здесь, в этом месте, ставится предел ненормальной деятельности душевнобольных; их здесь, как гласит высеченная над воротами надпись, стопорят, их - душевнобольных, которые сюда попадают, - не возвращают в общество здоровых людей, а тихо и безболезненно погружают в сон, что, в конечном счете, должно быть уделом всех, кто неизлечимо болен. Источаемые такими людьми душевные миазмы больше не будут отравлять галактику, сказал он самому себе. Надо только благодарить Бога за то, что такое место существует. Единственное, что как-то странно, - почему я не получил информацию о наличии подобного заведения непосредственно из профессиональных изданий.

Я должен пройти внутрь, твердо решил он. Я хочу поглядеть, как там поставлено дело. И еще нужно выяснить, какие принципы являются основополагающими при организации подобного заведения непосредственно из профессиональных изданий. Я должен пройти внутрь, твердо решил он. Я хочу поглядеть, как там поставлено дело. И еще нужно выяснить, какие принципы являются основополагающими при организации подобного рода лечения. Ведь, к сожалению, должна существовать весьма неприятная проблема борьбы с невеждами, которые мешают развитию подобных идей и противодействуют осуществлению стопорения.

– Не заходите! - что было мочи завопил он Сету Морли и этой рехнувшейся на религиозной почве Мэгги-Болтэгги. - Это не для вас. Сюда посторонних не допускают. Да, да. Вот посмотрите, - он показал на табличку на небольшой алюминиевой двери с надписью "Вход только для специально обученного персонала", - я туда пройти могу, - вопил он, пытаюсь перекрыть издаваемый Зданием грохот, - а вот вам туда никак нельзя! У вас нет достаточной квалификации. Как Мэгги-Ведьма-Болтэгги, так и Сет Морли испуганно на него посмотрели, но остановились. Он проскочил мимо них.

Мэри Морли без особого труда разобрала надпись над входом в огромное, серое здание:

"ВЕДЬМИНСКАЯ"

Я знаю, что значит, отметила она про себя, а вот они этого не понимают. Ведьминская - это место, где контроль над людьми осуществляется с помощью понятных только посвященным формул и заклинаний. Правители получают власть над людьми именно благодаря своей близкой связи со специалистами черной магии. Знание ее тайн, рецептов различных чудодейственных отваров.

– Я хочу туда пройти, - сказала она своему мужу.

– Подожди минуту, - сказал он. - Не торопись.

– Я могу туда войти, - настаивала она, - а вот тебе этого не дано. Это только для меня. Я это знаю. Я не хочу, чтобы ты мешал мне. Прочь с дороги.

Теперь она остановилась перед небольшой дверью, читая золотые буквы, приклеенные к стеклу: "Вход в предварительную камеру только для посвященных", гласила надпись на двери. Ну что ж, я вполне подпадаю под эту категорию, подумала она. Надпись обращена непосредственно ко мне.

– Я пойду туда вместе с тобой, - сказал Сет.

Мэри Морли рассмеялась. Пойти с нею? Ну не потеха ли, подумала она. Он считают, что его с благосклонностью примут колдуньи и ведьмы. Это только для женщин, напомнила она себе. Мужчине просто никогда в жизни не сделать чего-нибудь даже самого элементарного, что входит в круг обязанностей ведьмы.

После того, как я здесь побываю, сообразила она, я узнаю такое, с помощью чего я смогу установить контроль над ним; мне удастся сделать его таким, каким он должен быть. Так что в каком-то смысле я это делаю ради его же пользы.

Она потянулась к дверной ручке.

Игнас Тагг отступил в сторону, со смехом глядя на ужимки и фиглярство, которыми сопровождалась их перебранка. Они визжали и толкались как свиньи. Он даже испытывал некоторое желание подойти и вволю поглумиться над ними, да черт с ними! Могу поспорить, что от них смердит, стоит только подойти к ним достаточно близко, сказал он самому себе. Это они с виду такие чистенькие, такие прилизанные, на самом деле от них воняет, да еще как! Что это за дурацкое место? Он прищурился, пытаюсь разобрать прыгающие перед его глазами буквы:

"ОРИГИНАЛЬНЫЕ ЗАБАВЫ"

Эге, сказал он самому себе. Вот это шикарно. Это как раз то место, где люди прыгают на животных - сами понимаете, зачем. Мне всегда очень хотелось поглядеть на то, как это получится у жеребца с женщиной. Держу пари, что там, внутри, мне удастся такое увидеть. М-да. Мне на самом деле хочется поглядеть на это, раз это можно видеть и другим. Там показывают все только в самом деле очень интересное, все, как оно есть на самом деле.

И там будут смотреть на это другие настоящие люди, люди, с которыми я мог бы потолковать и которые меня поймут. Не то, что Морли, Уолш или Фрэйзер, которые произносят всякие идиотские слова, такие длинные, что они звучат, как громкие звуки из задницы. Они выбирают специально такие слова, чтобы другие думали будто у них задницы не воняют. А на самом деле они ничем от меня не отличаются.

Может быть, подумал он, есть у них там настоящие жирные задницы, такие как у Бэббла, и они их подставляют крупным кобелям. Мне бы очень хотелось поглядеть, как этих толстозадых людей, там, внутри, станут обрабатывать в задницу. Ох как хотелось бы посмотреть на то, как эту Уолш крепко прихватил бы хороший датский дог хоть раз за всю ее жизнь. Ей наверняка бы это очень-очень понравилось. Это как раз то, о чем она по-настоящему мечтает всю свою жизнь. Именно этого она только и ждет.

– Прочь с дороги! - крикнул он Морли, Уолш и Фрэйзеру. - Вам туда нельзя! Посмотрите, что здесь пишется. - Он показал на слова, выписанные первоклассным золотом на стеклянном окне в небольшой двери. "Только для членов клуба". Мне туда можно, - сказал он и схватился за дверную ручку.

Быстро метнувшись вперед, Нед Расселл решительно загородил им путь к двери. Он мельком глянул вверх, на это грандиозное здание, затем на лица своих попутчиков и, увидев насколько различные и сильные желания их обуревают, сказал:

– Я полагаю, что было бы лучше, если бы никто из нас сюда не заходил.

– Почему? - откровенно разочарованно спросил Сет Морли. - Что может быть худого в том, чтоб заглянуть в дегустационный зал винзавода?

– Это не винзавод, - возразил Игнас Тагг и весело рассмеялся. - Вы не так поняли надпись; вы боитесь признаться даже себе, что это такое на самом деле. - Он еще раз хохотнул. - Но я-то знаю!

– Винзавод! - воскликнула Мэгги Уолш. - Это не винзавод, это собрание величайших достижений человеческого ума. Если мы пройдем туда внутрь, мы будем очищены любовью Бога к человеку и любовью человека к Богу.

– Это особый клуб для людей, которые знают толк кое в чем, - сказал Тагг.

– Разве это не удивительно, - самодовольно ухмыльнувшись произнес Фрэйзер, - на что только ни способны пуститься люди, лишь бы не принимать реальность такую, какая она есть. Разве я не прав, Расселл?

– Там небезопасно, - сказал Расселл. - Для любого из нас. Теперь я понял, что это такое, сказал он самому себе, и я прав. Я обязан увести их и сам уйти тоже отсюда. - Идемте, - сказал он, решительно и твердо.

Сам он оставался там же, где стоял, не сдвинувшись с места. Какая-то часть прежнего пыла у

них пропала.

– Вы так считаете, в самом деле? - спросил Сет Морли.

– Да, - ответил он. - Я так считаю.

– Может быть, он и прав, - обратившись к остальным своим попутчикам, произнес Сет Морли.

– Вы действительно так полагает, мистер Расселл? - робко спросила Мэгги Уолш.

Теперь они уже все отодвинулись от двери. Совсем чуть-чуть. Но отодвинулись.

– Я так и знал, что дверь в самый последний момент захлопнут перед самым носом, - огорченно произнес Игнас Тагг. - Зачем им, чтобы кто-нибудь получал от жизни острые ощущения. Это так всегда.

Расселл продолжал молча стоять, загоразивая дверь, и терпеливо ждал.

– А где Бетти Джо Берм? - встрепенулся вдруг Сет Морли.

Боже милостивый, мелькнуло в голове у Расселла. О ней-то я позабыл. Я ее упустил. Он быстро повернулся и, прикрыв глаза ладонью, стал смотреть назад, на залитую полуденным солнцем реку. Скользя взглядом по тому пути, каким они шли сюда.

Она снова увидела то, что уже видела раньше. Всякий раз, когда она смотрела на Здание, ей удавалось совершенно ясно разобрать, что написано на огромной бронзовой пластине, помещенной прямо над центральным входом:

"МЕККИСТРИЯ"

Будучи лингвистом, она сумела разгадать смысл этого слова с первого же раза. "Меккис" - хеттское слово, обозначающее силу. Из хеттского языка оно перешло в санскрит, а оттуда в древнегреческий, в латынь, и закрепилось во всех современных европейских языках, в том числе и в английском, как "машина" и "механическая сила". Это место было явно не для нее. Ей нельзя туда ходить, как это можно всем остальным.

Жаль, что я не умерла раньше, подумалось ей.

Вот здесь и расположена купель вселенной..., так, во всяком случае, она понимала символическое значение этого Здания. Она в самом буквальном смысле воспринимала гипотезу Спектовского о концентрических кругах распространения эманации. Но для нее это явление никак не было связано с деятельностью Божества. Она понимала это как констатацию факта существования такого природного феномена, не принимая во внимание метафизические его аспекты. После приема правильно выбранной таблетки она поднимется, пусть на краткий миг, в более высокий и узкий круг большей интенсивности; ее движения, ее одухотворенность - все это начнет проявляться так, как будто получило заряд топлива более высокого качества. Я воспламенюсь сильнее, сказала она самой себе, и, развернувшись, медленно побрела в сторону реки, прочь от Здания. Я способна более четко мыслить; мысли у меня тогда не такие спутанные как, например, сейчас, когда я уныло бреду под назойливым солнцем.

Вода поможет, уверяла она себя. Потому что, находясь в воде, не надо больше выдерживать вес своего тяжелого тела; хотя это и не придает дополнительных сил более высокого уровня "меккиса", но это не имеет значения. Вода все выравнивает. Ты уже не такая тяжелая, почти невесомая. Будто тебя уже нет.

Я больше не в состоянии вот так ходить, волоча повсюду за собой свое тяжелое тело, убеждала себя Бетти Джо Берм. Слишком велик мой вес. Я не в состоянии выдерживать его тяжесть. Я

должна освободиться от его бремени.

Она ступила на мелководье. И смело пошла дальше, не оборачиваясь, к середине реки.

Вода, подумала она, сейчас растворяет все таблетки, которые я у себя храню; они пропали навсегда. Но у меня нет больше в них ни малейшей надобности. Если бы я только осмелилась войти в "Меккистрию"... , может быть, оказавшись бестелесной, я и смогла бы, подумала она, чтобы быть там перевоссозданной. Прекратить это нынешнее свое существование, а затем начать все сначала. Но с иной отправной точки. Мне совсем не хочется снова пройти через все те испытания, что уже доводилось, твердо решила она.

Ей был слышен тяжелый, пульсирующий гул "Меккистрии" у нее за спиной. Остальные теперь там, внутри, поняла она. Почему это так, спросила она у самой себя. Почему они все могут войти туда, куда заказано мне? Ответа на этот вопрос у нее не было.

Но теперь это как-то стало ей безразлично.

– Вон она, - сказала Мэгги Уолш, показывая рукой. Рука ее при этом страшно тряслась. - Неужели вы ее не видите? Она, как бы выйдя вдруг из оцепенения, во весь дух пустилась к реке. Но еще до того, как она достигла воды, ее обогнали Сет с Расселлом и оставили далеко позади. Она начала кричать, остановилась и так застыла, глядя сквозь слезы, как сквозь осколки разбитого стекла, на то, как к Сету Морли и Расселлу присоединились Тагг и Фрэйзер. Четверо мужчин, а за ними еще плелась Мэри Морли, быстро вошли в воду, направляясь к чему-то черному, что течение реки медленно относило к противоположному берегу.

Мэгги видела как они вынесли тело Бетти Джо из воды и положили его на берегу. Она умерла, поняла Мэгги, пока мы тут спорили, входить в эту "Мудротеху" или нет. Да будь она трижды распроклята, совсем уже пав духом, думала она. Затем, пошатываясь, побрела к остальным пятерым, которые, став на колени вокруг тела Бетти Джо, по очереди пытались сделать ей искусственное дыхание.

Она подошла к ним. Стала рядом.

– Надежда есть?

– Нет, - ответил Уэйд Фрэйзер.

– Вот напасть, - произнесла она упавшим голосом. - Почему она это сделала? Фрэйзер, как вы считаете?

– Ее давно уже угнетала какая-то неудовлетворенность. Она непрерывно в ней накапливалась.

В глазах Сета Морли, бросившего взгляд в его сторону, вспыхнула злобная ярость.

– Вы - идиот, - произнес он. - Самый настоящий идиот.

– Разве я виноват в том, что она умерла? - сильно волнуясь, залепетал Фрэйзер. - У меня здесь нет необходимой испытательной аппаратуры, с помощью которой я мог бы производить полную проверку состояния психики любого из вас. Будь у меня все, что мне требуется, я смог бы своевременно выявить у нее склонность к самоубийству и назначить курс лечения.

– У нас хватит сил отнести ее тело в поселок? - перемежая слова со всхлипываниями, спросила Мэгги Уолш. Она чувствовала, что почти не в состоянии говорить. - Если бы вам, четверым мужчинам, удалось перенести ее...

– Нам было бы куда легче, - сказал Тагг, - если б мы могли спустить ее тело вниз по реке.

– Нам не на что положить тело, чтобы пустить его по реке, - заметила Мэгги Уолш.

– Когда мы переходили реку, - сказал Расселл, - я обратил внимание на что-то, напоминавшее наскоро сколоченный плот. Сейчас я вам покажу. Он позвал всех следовать за ним вдоль берега

реки.

И действительно, вскоре они обнаружили плот, наполовину выброшенный течением на берег, волны слегка покачивали его. Мэгги Уолш подумалось, что все это похоже на то, как будто кто-то умышленно его сюда подбросил. И с вполне определенной целью - облегчить транспортирование одного из нас - того, кто скончался, - назад, в поселок.

– Это плот Белснора, - сказал Игнас Тагг.

– Верно, - произнес Фрэйзер. - Он действительно говорил, что где-то здесь сооружает плот. Да, да, вы видите - кто еще станет скреплять бревна между собой кусками толстого силового электрического провода? Интересно, достаточно ли он крепок, чтобы бревна не расползлись?

– Если его строил Глен Белснор, - холодно ответила Мэгги, - они точно не расползутся. Можете смело класть на него тело Бетти.

И, ради Бога, поосторожнее, взмолилась она в душе. С должным благоговением. То, что вы несете, священо.

Четверым мужчинам, ворчавшим друг на друга и дававшим друг другу указания, что и как надо делать, в конце концов все-таки удалось водрузить тело Бетти Джо Берм на сооруженный Белснором плот.

Она лежала лицом вверх со скрещенными на груди руками. Глаза ее неподвижно глядели в знойную небесную высь. С нее все еще стекала вода, и волосы ее показались Мэгги роем черных ос, которые, вцепившись в своего противника, ни за что его уже не отпустят.

Она подверглась нападению смерти, подумалось Мэгги. В лице смертельно опасных ос. А что будет с нами, пока еще остающимися в живых? Когда это случится с нами? Кто станет следующим? Может быть, я? Да, наверное, я.

– Мы все можем взобраться на этот плот, - сказал Расселл. - Мэгги, вы знаете хотя бы примерно, в каком месте нам следует остановиться?

– Я знаю, - отозвался Фрэйзер, прежде чем успела ответить Мэгги.

– Вот и хорошо, - сухо произнес Расселл. - Тогда в путь.

Проведя Мэри Морли и Мэгги по самой кромке воды, он помог им взобраться на плот. Он прикасался к обеим женщинам очень осторожно и предупредительно, такого рыцарского отношения Мэгги давно уже не встречала.

– Спасибо, - сказала она ему.

– Посмотрите-ка туда, - сказал Сет Морли, повернувшись лицом к Зданию.

Искусственный задний план уже начал снова становиться на свое прежнее место; Здание задрожало, контуры его стали расплывчатыми, хотя оно еще продолжало восприниматься как нечто реальное. По мере того, как плот продвигался по реке, подталкиваемый четырьмя мужчинами, Мэгги могла наблюдать, как огромная серая стена Здания постепенно растворялась в бронзе иллюзорного плато, занявшего его место в их восприятии.

Чем ближе к середине реки перемещался плот, тем с большей скоростью несло его течение. Сидя рядом с телом Бетти Джо, Мэгги вся дрожала, закрыв глаза, хотя и находилась прямо под горячими лучами солнца. О Боже, думала она, помоги нам добраться до поселка. Куда несет нас эта река? Я никогда не видела ее раньше. Насколько мне известно, в окрестностях нашего поселка речка не протекает. Сколько мы ни обходили его пешком, она нам не попадалась. Поэтому она и решила поделиться своими сомнениями вслух.

– Почему вы считаете, что эта река приведет нас домой? По-моему, вы все сейчас не в состоянии здраво мыслить.

– Но мы же не можем нести ее тело на руках, - возразил ей Фрэйзер. - Это слишком далеко.

– Но и река уносит нас все дальше и дальше от цели, - сказала Мэгги. Она несколько в этом не сомневалась. - Я хочу сойти с этого плота! - воскликнула она и, охваченная паникой, попыталась

было встать.

Однако плот двигался слишком быстро - ее охватил еще больший страх, когда она увидела, с какой скоростью меняются очертания берегов, пронсящихся мимо.

– Только не вздумайте прыгать в воду, - произнес Расселл, подхватывая ее за руку. - С вами ничего плохого не случится. Ни с кем из нас.

Плот продолжал набирать скорость. Все теперь сидели молча, ощущая только солнце и воду, что окружала их со всех сторон... Все они теперь были напуганы и, пожалуй, даже отрезвлены тем, что произошло. И, как подумалось Мэгги Уолш, тем, что еще ждет нас впереди.

– А откуда вам стало известно плоте? - спросил Сет Морли у Расселла.

– Как я уже говорил, я увидел его, когда мы...

– Никто кроме вас, его не видел, - перебил его Сет Морли.

Расселл на это ничего не ответил.

– Так все-таки кто вы - человек или одна из Манифестаций? - напрямик спросил Сет Морли.

– Будь я Манифестацией Божества, я бы не допустил, чтобы она утонула, язвительно ответил Расселл и повернулся к Мэгги Уолш.

– Вы тоже полагаете, что я являюсь одной из Манифестаций Божества?

– Нет, - сказала она.

Как жаль, подумала она, что это не так. Мы так сильно нуждаемся в заступничестве.

Наклонившись, Расселл прикоснулся к черным, мокрым волосам мертвой Бетти Джо Берм. Дальше их плавание продолжалось в абсолютной тишине.

Тони Дункельвельт, запершись в своей прокаленной солнцем комнате, сидел, скрестив ноги, на полу в полной уверенности в том, что это он убил Сюзи.

Мое чудо, подумал он. Это, должно быть, на мой зов явился Форморазрушитель. Это он превратил хлеб в камень и убил этим камнем Сюзи. Камнем, который сделал я. Как на это ни смотри, все равно все возвращается ко мне.

Прислушавшись, он не обнаружил снаружи каких-либо звуков. Половина группы ушла, оставшаяся половина как бы погрузилась в забытие. Может быть, никого уже и в живых не осталось, мелькнуло у него в голове. Я остался один..., остался, чтобы и самому очутиться в ужасных лапах Форморазрушителя.

– Я возьму меч Чемуша, - громко произнес он, - и зарублю им Форморазрушителя. - Он поднял руку, как бы пытаясь схватить меч.

Легендарный меч не раз виделся ему раньше во время медитаций, но он еще никогда не притрагивался к нему.

– Дайте мне только меч Чемуша, - воскликнул он, - и я заставлю его сделать свое дело. Я отыщу этого Черного и покончу с ним раз и навсегда. Он никогда уже не воскреснет.

Тони стал терпеливо ждать, но так ничего и не увидел.

– Пожалуйста! - взмолился он.

А затем подумал так: я должен погрузиться еще глубже в естество вселенной. Я все еще сам по себе. Он закрыл глаза и стал принуждать все свое тело максимально расслабиться. Прими меня, думал он. Я должен быть настолько чист и отрешен от всего, чтобы оно могло в меня проникнуть. Я снова должен стать пустым сосудом. Как много раз становился раньше.

Но сейчас это у него никак не получалось.

Я нечист, понял он. Поэтому столь бесплодны все мои попытки. Тем, что я натворил, я лишил

себя возможности воспринимать и даже краем глаза улавливать суть мироздания. Неужели я уже никогда больше не увижу Бога-над-Богом, с тревогой подумал он. Неужели все это для меня закончилось?

Это мне в наказание, решил он.

Но ведь я его не заслуживаю, громко взывало к справедливости все его естество. Я должен быть так серьезно наказан из-за Сюзи. Ведь она была душевнобольной - даже камень отвернулся от нее в отвращении. Это именно так - камень был чист, нечистою была она сама. И все же, подумалось ему, как это ужасно, что она умерла. Ум, живость и душевный огонь - Сюзи обладала всеми этими качествами. Только вот свет, источаемый ею, был неровным светом, каким-то разрушительным. Это был свет, который обжигал и ранил..., вот хотя бы меня, например, Он гибельно на меня воздействовал. Моей рукой водил инстинкт самозащиты. Это совершенно очевидно.

– Меч, - произнес он. - Меч гнева Чемуша. Дайся мне в руки.

Он стал раскачиваться вперед и назад, еще раз воздел руки вверх, навстречу тому ужасу, что уже витал у него над головой. Его рука потянулась, чтобы схватиться за что-то и исчезла. Он ясно видел, как она растворилась в воздухе. Его пальцы шарили в пустоте, в пустом пространстве, простиравшемся на миллионы миль, в пространстве, непостижимом для человеческого ума... Он продолжал делать хватательные движения рукой, и вдруг его пальцы чего-то коснулись.

Клянусь, сказал он самому себе, если мне достанется меч, я воспользуюсь им. Как орудием мести за ее гибель.

Он еще раз дотронулся до чего-то, но не сумел схватить. Я знаю, это он, он здесь, подумал он. Я это ощущаю кончиками своих пальцев.

– Дай его мне! - громко крикнул он. - Клянусь, я не посрамлю его!

Он продолжал ждать, а затем, в его руке вдруг оказалось что-то твердое, холодное и тяжелое.

Меч! Он держал его в своей руке!

Он бережно опустил руку. Божественное творение, он весь источал энергию и свет, вся комната теперь, казалось, наполнилась его могуществом. Тони подпрыгнул от радости, едва не выронив меч на пол. Наконец-то он у меня, возликовал он в душе. Он бросился к выходу из комнаты. Меч дрожал в его слабой руке. Распахнув дверь, он выскочил на залитое солнцем крыльцо и, озираясь по сторонам, стал громко кричать.

– Где ты, могучий Форморазрушитель, ты, враг всего живого? Приди и сразись со мною!

На крыльце появилась какая-то неуклюже двигавшаяся фигура. Согбенное существо, которое брело вслепую, как бы привыкнув к тьме, царящей глубоко под землей. Оно поглядело на Тони словно подернутыми пеленой глазами; на нем была пыльная рубаха, прилипшая к туловищу... Двигаясь, существо оставляло за собой четко различимый шлейф мельчайшей пыли.

Он на последней стадии распада. Пожелтевшая, сморщенная кожа обтягивала хрупкие кости, щеки глубоко запади, беззубый рот был приоткрыт. Форморазрушитель, увидев Тони, заковылял к нему. Прихрамывая на обе ноги, он тяжело, с присвистом дышал и попытался проскрипеть совершенно невнятно несколько слов. Его высохшая рука ухватилась за Тони, и он наконец проскрежетал:

– Эй, Тони. Эй. Эй, что это с тобой?

– Ты пришел встретиться со мной? - спросил Тони.

– Да, - задыхаясь произнес тот и подошел ближе еще на шаг. Теперь Тони ощущал и исходивший от него запах, смешанный запах плесени и гнили, накопившейся в нем за много столетий. Ему недолго осталось жить. Дернувшись в сторону Тони, он разразился мерзким кашлем, слюна побежала вниз по его подбородку и стала капать на пол. Он попытался вытереть

слону тыльной стороной ладони, покрытой твердой коркой омертвевших тканей, но это ему не удалось.

– Я желаю тебя... - начал было Тони, но затем без лишних слов проткнул мечом Чемуша мягкое брюхо своего смертного врага.

Целые гроздья копошащихся червей, белых мясистых червей, посыпались из раны, когда Тони вытащил из живота свой меч. Форморазрушитель снова то ли рассмеялся, то ли закашлялся; он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону и пытаясь схватиться за Тони..., затем отступил на шаг и стал разглядывать червей, груды которых росли прямо перед ним. Крови не было - один сплошной мешок, наполненный гноем и гнилью, и ничего более.

Форморазрушитель грузно опустился на одно колено, все еще продолжая выкашливаться. Затем каким-то конвульсивным движением вцепился себе в волосы. Между его цепкими пальцами появились пряди длинных выцветших волос. Он дернул себя из последних сил за волосы и протянул руку с клоком вырванных волос в направлении Тони, как будто хотел вручить ему нечто бесценное.

Тони еще раз воткнул в него свой меч. Теперь он уже лежал у ног Тони, ничего больше не видя: глаза его полностью подернулись как бы резиновой клейкой пленой, рот безвольно открылся.

Я умертвил Форморазрушителя, с гордостью подумал Тони.

Откуда- то издалека, с другого конца жилого комплекса, раздался окликавший его голос:

– Тони! Тони!

К нему спешил кто-то. Поначалу он не мог разобрать, кто это. Он сощурился от слепящего солнца и напряг зрение.

Глен Белснор. Он бежал изо всех сил.

– Я убил Форморазрушителя, - произнес Тони, когда Белснор одним прыжком взлетел на крыльцо. Грудь его тяжело вздымалась, - Видите?

Он показал кончиком своего меча на изуродованное тело, лежавшее между ними. Убитый, в самое последнее предсмертное мгновение поджал под себя ноги и теперь лежал в позе зародыша.

– Это Берт Кослер! - Задыхаясь от душившей его ярости, вскричал Белснор. - Ты убил старика!

– Нет, - спокойно возразил ему Тони и посмотрел вниз, себе под ноги.

И тут он увидел, что это действительно тело Берта Кослера, поселкового завхоза, а заодно и сторожа.

– В него вселился Форморазрушитель, - сказал Тони, но теперь он уже и сам не верил этому. Он понял, что совершил. - Какой ужас! - воскликнул он. - Я буду молить Бога-над-Богом, чтобы он воскресил его.

Он развернулся и побежал к себе в комнату. Запершись, он еще долго стоял, весь трясаясь. К горлу его подступила блевотина; он поперхнулся, стал часто-часто моргать..., жгучая боль наполнила весь его желудок, и ему пришлось скрючиться, постанывая от боли. Меч сам выпал из его рук, гулко ударился о пол. Лязг металла смертельно напугал его, и он отпрянул от него на несколько шагов, оставив его валяться там, где он упал.

– Открой дверь! - громко орал снаружи Белснор.

– Нет, - ответил Тони.

Зубы его стали непроизвольно клецать, жуткий холод стремглав пронизал его руки и ноги, этот же холод как бы тугим узлом перетянул желудок, и боль от этого стала еще мучительнее.

Раздался страшной силы удар в дверь. Она задрожала и закрипела, а затем неожиданно распахнулась настежь.

На пороге стоял Глен Белснор, седой и мрачный, как ночь, держа в руке армейский пистолет, дуло которого было направлено внутрь комнаты. Прямо на Тони Дункельвельта.

Скрючившись, Тони потянулся рукой к мечу.

– Не трогать! - крикнул Глен Белснор. - Или я убью тебя. Пальцы Тони сомкнулись вокруг рукоятки меча. Глен Белснор выстрелил в него. В упор.

Глава 10

Стоя на дрейфующем вниз по течению плоту, Нед Расселл угрюмо всматривался вдаль, погруженный в собственные думы.

– Что вы там высматриваете? - спросил у него Сет Морли.

Расселл поднял руку.

– Вон там, я вижу одного... - он повернулся к Мэгги, из тэнчей, так вы их, кажется, называете.

– Да, - ответила она. - Это Великий Тэнч. Или другой, почти такой же величины, как тот.

– Какого рода вопросы вы им задавали? - поинтересовался Расселл. Явно удивившись, Мэгги ответила:

– Мы у них ничего не спрашивали. Ведь у нас нет никакой возможности с ними общаться - они лишены дара речи, да и каких-либо голосовых органов мы как будто не обнаружили у них.

– А пробовали связаться с ними телепатически? - спросил Расселл.

– У них нет телепатических способностей, - сказал Уэйд Фрейзер. - Также, как и у нас. Все, что они умеют - это делать дубликаты предметов... которые быстро разрушаются.

– С ними можно наладить общение, - сказал Расселл. - Давайте направим плот на мелководье. Мне хочется взять совет у этого вашего тэнча. - Он соскользнул с плота в воду. - Давайте все сюда, и помогите мне управиться с плотом.

Настроен он был очень решительно, выражение его лица оставалось весьма твердым. Поэтому все они, один за другим, тоже спрыгнули в воду, оставив на плоту только бездыханное тело Бетти Джо.

За несколько минут они подтащили плот к поросшему травой берегу, надежно пришвартовали его - сильно заглубив в серый ил, - а затем взобрались на берег.

Вскоре они приблизились к большому кубу из студенистой массы. Солнечные лучи плясали на его поверхности множеством зайчиков, как будто он притягивал их к себе. Внутри организма прямо-таки бурлила кипучая жизнь.

Он оказался больше, чем я ожидал, отметил про себя Сет Морли. У него такой вид, будто он не подвержен воздействию времени, интересно, какая же у них продолжительность жизни?

– Надо поставить перед ним какой-нибудь предмет, - начал объяснять Игнас Тагт, - и тогда он выпячивает часть себя наружу, а затем эта часть, отделившись, превращается в дубликат. Сейчас вот я вам покажу. - Он швырнул свои мокрые часы на землю перед тэнчем. - Скопируй вот это, ты, медуза, - сказал он.

Студень взгорбился и вскоре, как и предсказывал Тагт, небольшая часть его выпятилась наружу и замерла рядом с часами. Цвет этого отростка изменился - он стал серебристым, а затем приобрел плоскую форму. На серебристой субстанции появился сложный узор. Прошло еще несколько минут, показалось даже, будто тэнч отдыхает, а затем как-то сразу отделившаяся от остальной массы часть приняла форму диска на кожаном ремешке. Диск был внешне в точности похож на часы, покоившиеся рядом с ним, или скорее, почти точно, как подметил Сет Морли. Он не был таким же блестящим - поверхность его была более матовой. Однако - даже это, по существу, было очень большим достижением.

Расселл присел на траву и стал рыться в карманах.

– Мне нужен сухой клочок бумаги, - сказал он.

– В моей сумке должна быть сухая бумага, - отозвалась Мэгги Уолш. Она достала из сумки и протянула ему небольшой отрывной блокнот.

– Вам нужна ручка?

– Ручка у меня есть. - Он неразборчиво записал что-то на верхнем листе блокнота. - Я записываю вопросы.

Закончив писать, он оторвал листок и прочитал вслух:

– Сколько нас умрет здесь, на Дельмаке-О?

Затем сложил листок и положил его перед тэнчем, рядом с уже лежавшими там двумя парами часов.

Выпятился еще один студнеобразный отросток и холмиком замер рядом с листком Расселла.

– Может быть, он просто продублирует листок с вопросом? - спросил Сет Морли.

– Не знаю, - ответил Расселл. - Сейчас увидим.

– Мне кажется, - сказал Игнас Тагг, - что вы совсем умом двинулись.

Смерив его взглядом, Расселл произнес:

– У вас весьма смутные представления, Тагг, о том, что такое "умом двинуться", а что такое - просто нормально мыслить.

– Вы хотите оскорбить меня? - лицо Тагга гневно вспыхнуло и стало темно-пунцовым.

Разрядку внесла Мэгги Уолш.

– Смотрите. Формируется дубликат листика.

Теперь прямо перед тэнчем покоились два сложенных листка бумаги. Расселл выждал еще несколько секунд, а затем, очевидно решив, что процесс дублирования завершился, взял оба листка, оба развернул и стал внимательно их изучать.

– Он все-таки ответил? - спросил Сет Морли. - Или просто продублировал вопрос?

– Он дал ответ. - Расселл передал ему один из листков бумаги.

Запись была краткой и простой, и совершенно недвусмысленной. "Вы отправитесь к себе домой и не увидите своих людей".

– Спросите, кто же наш враг?

– Ладно.

Расселл сделал еще одну запись и положил листок бумаги, снова сложив его, перед тэнчем.

– "Кто является нашим противником?" - сформулировал он содержание своего вопроса. - Так сказать, вопрос напрямик.

Тэнч точно таким же образом, как и в первый раз, выдал свой ответ. Расселл тотчас же поднял листок. Пробежав глазами, огласил вслух прочитанное:

– "Влиятельные круги".

– Это нам практически ни о чем не говорит, - заметила Мэгги Уолш.

– Очевидно, это все, что ему известно, - сказал Расселл.

– Спросите у него вот что, - предложил Сет Морли. - Что нам нужно делать?

Расселл записал вопрос, снова поместил бумажку с ним перед тэнчем и вскоре получил ответ. Снова не сразу стал его зачитывать вслух.

– Ответ очень длинный, - извиняющимся тоном произнес он.

– Чем подробнее, тем лучше, - заметил Уэйд Фрэйзер.

Расселл начал читать.

– "Задействованы тайные силы, ведущие вместе тех, у кого общие цели. Не следует противиться такому единению. Только тогда вы не совершите ошибок". - Он задумался. - Нам не следовало откалываться от остальных, нам семерым. Мы не должны были покидать поселок. Если бы мы там остались, мисс Берм была бы сейчас жива. Совершенно ясно, что с этого момента нам важно держаться так, чтобы каждый из нас был на виду у всех остальных...

Тут он зашнулся, так как увидел, что от тэнча отделился еще один студнеобразный ломоть. Как и предыдущие, он превратился в сложенный листик бумаги. Расселл поднял его, развернул и прочитал.

– Это адресовано вам, - произнес он, передавая листок Сету Морли.

– "Человеку свойственно влечение к единению с другими, но те, кто его окружают, уже образовали тесную группу, вследствие чего он остается в изоляции. В этом случае ему следует стать союзником того, кто стоит в центре группы и кто может помочь ему получить доступ в этот закрытый для него круг лиц". - Сет Морли скомкал листок бумаги и швырнул его на землю. - Это, стало быть, Белснор, - произнес он. - Человек, который занимает центральное место в группе.

Что верно, то верно, отметил он про себя. Я здесь все еще посторонний и предоставлен самому себе. Но в каком-то смысле мы все почти в таком же положении. Даже Белснор.

– Возможно, тэнч имеет в виду меня, - сказал Расселл.

– Нет, - ответил ему Сет Морли. - Это Глен Белснор.

– У меня есть один вопрос, - произнес Уэйд Фрэйзер.

Он протянул руку, и Расселл передал ему ручку и бумагу. Фрэйзер записал вопрос очень быстро, затем, окончив писать, прочел его вслух: "Кем является и что из себя представляет человек, называющий себя Недом Расселлом?" - с этими словами он положил вопрос перед тэнчем.

Когда появился ответ, Расселл тотчас же его подобрал. Очень быстро и, как казалось, безо всяких усилий. Мгновением раньше листок лежал на земле - и вот уже был в его руке. Сначала он спокойно прочел ответ сам, затем, притом далеко не сразу, передал его Сету Морли и сказал.

– Читайте вслух.

– "Каждый шаг", - читал Сет Морли, - "вперед или назад, ведет к опасности. О том, чтобы ее избежать, не может быть и речи. Опасность проистекает вследствие того, что кое-кто слишком честолюбив".

Закончив читать, он передал листик Уэиду Фрэйзеру.

– Это нам ни черта не говорит, - заметил Игнас Тагг.

– Ответ говорит нам о том, что именно Расселл создает такую ситуацию, в которой каждый ход ведет к проигрышу, - сказал Уэйд Фрэйзер. - Опасность повсюду, и нам ее не избежать. А причина ее - честолюбие Расселла. - Он смерил Расселла долгим, испытующим взглядом. - На что направлено ваше честолюбие? И почему это вы умышленно ведете нас к опасности?

– Там не говорится о том, что я веду вас к опасности, - возразил Расселл. - Там только констатируется факт, что опасность существует.

– А что вы скажете о своем честолюбии? В ответе содержится прямое указание на вас.

– Единственное искреннее желание, которое у меня есть, сказал Расселл, - это быть компетентным экономистом, выполняя полезную работу. Вот почему я просил о переводе. Та работа, какой мне приходилось заниматься - в этом не было ни капли моей вины - была неинтересной и никому не нужной. Вот почему я так обрадовался, когда получил перевод сюда, на Дельмак-О. - Сделав паузу, он добавил. - Мое мнение несколько изменилось с той минуты, когда я сюда прибыл, - Как и наше тоже, - согласился с ним Сет Морли.

– Так вот, - взволнованно произнес Уэйд Фрэйзер. - Нам удалось таки узнать кое-что у тэнча, хотя и не так уж много. Это все "влиятельные круги". Мы должны оставаться все время как можно ближе друг к другу, в противном случае нас погубят по одному, всех одного за другим. - Он задумался. - И опасность подстерегает нас повсюду, куда бы мы ни направились, а мы ничего не в состоянии изменить. И с Расселлом нам рискованно быть вместе, из-за его честолюбия. Он повернулся к Сету Морли и произнес. - Вы разве не заметили, что он уже считает себя лидером

нашей группы из шестерых поселенцев? Так, как будто для него это естественно.

– Для меня на самом деле это естественно, - сказал Расселл.

– Значит тэнч прав, - произнес Фрэйзер.

Немного подумав, Расселл кивнул.

– Полагаю, что это именно так. Но кому-то ведь нужно брать на себя руководство?

– Когда мы вернемся в поселок, - сказал Сет Морли, - вы подадите в отставку и признаете Глена Белснора единственным руководителем нашей группы?

– Если он в достаточной мере компетентен для этой роли.

– Мы уже выбрали Глена Белснора, - заметил Фрэйзер. - Он наш руководитель независимо от того, нравится ли вам это или нет.

– Но, - возразил Расселл, - сам-то я не принимал участия в выборах, - тут он улыбнулся. - Поэтому я не считаю себя связанным их результатом.

– Мне тоже хотелось бы задать тэнчу пару вопросов, - сказала Мэгги Уолш. Она взяла ручку и бумагу и стала очень старательно писать.

– Я спрашиваю: "Для чего мы живем?"

Она положила бумагу перед тэнчем и стала ждать.

Ответ, когда они его получили гласил: "Чтобы всего хватало в избытке и чтобы быть на вершине могущества".

– Весьма загадочный ответ, чтобы всего было в избытке, в том числе и могущества. Интересно.

Мэгги снова взялась за ручку.

– Теперь я спрашиваю вот что: "Существует ли Бог?"

Она положила листик перед тэнчем и все они, даже Игнас Тагг, замерли в ожидании ответа.

И ответ пришел: "Вы мне не поверили бы".

– Что это значит? - С горячностью воскликнул Игнас Тагг. - Да ведь это же ничего не значит. Вот что это значит. Ничего не значит!

– Но по сути своей в этом ответе есть определенная логика, - заметил Расселл. - Если тэнч скажет "нет", вы бы в это не поверили. Правильно?

Он повернулся к Мэгги, ожидая ее ответа.

– Правильно, - сказала она.

– А если бы ответ гласит, что Бог существует?

– Я уже в это верю.

– Значит, тэнч прав, - удовлетворенно сказал Расселл. - Он не отдает предпочтения никому из нас тем, что формулирует подобным образом ответ на этот вопрос.

– Но если бы ответ был утвердительным, - сказала Мэгги, - я была бы уверена наверняка.

– Вы и без того уверены, - сказал Сет Морли.

– Боже праведный! - вдруг воскликнул Тагг. - Плот загорелся!

Вскочив на ноги, они увидели вздымающиеся высоко вверх, весело прыгающие языки пламени. Теперь им уже был слышен треск бревен, которые быстро нагревались, горели и постепенно превращались в тлеющие угли. Все шестеро опрометью бросились к реке, но, как понял Сет Морли, было уже слишком поздно.

Стоя на берегу, они беспомощно наблюдали за горящим плотом, который, начало относить на середину реки, его подхватило течение, и он, все еще охваченный пламенем, поплыл вниз по течению, постепенно уменьшаясь пока не превратился в желтую огненную искорку. А затем и вовсе исчез из виду.

Прошло еще немало времени прежде, чем Нед Расселл произнес:

– Нам не следует испытывать сильное отчаяние. Именно таким образом хоронили умерших

древние скандинавы. Мертвого викинга привязывали к его щиту, и укладывали в лодку, которую поджигали и пускали вниз по течению к морю.

Погрузившись в угрюмые размышления, Сет Морли рассуждал так: викинги, река, да еще окруженное ореолом таинственности здание. Если представить себе, что река - это Рейн, а Здание - Валгалла, можно понять, почему плот с телом Бетти Джо Берм был предан огню и ушел по течению. Жуть какая-то, подумал он, и вздрогнул.

- В чем дело? - встревожился Расселл, увидев выражение его лица.

- На какое-то мгновение, - ответил он, - мне показалось, что я все понял. - Однако так не может быть, должно существовать совсем иное объяснение происходящего.

В этом случае тэнч, продолжал он размышлять, отвечающий на вопросы, был бы - он не сразу вспомнил имя, но затем оно всплыло в памяти - Эрдой. Одной из богинь земли, которая знала будущее и отвечала на вопросы Вотана.

И Вотан, подумал он, ходит среди смертных, изменив внешность. Узнаваемый только по той своей отличительной черте, что был у него всего-навсего один глаз. Вечным Скитальцем, вот как его называли.

- Как у вас со зрением? - спросил он у Расселла. - Оба глаза видят нормально?

Вопрос явно смутил Расселла.

- Нет, в самом деле нет, что тут скрывать. А почему вы спрашиваете?

- У вас один глаз вставной, - сказал Уэйд Фрэйзер. - Я это заметил. Правый глаз - искусственный, вы им ничего не видите, однако глазные мышцы управляют им, двигая его, будто он настоящий.

- Это правда? - спросил Сет Морли.

- Да, - признался Расселл. - Но это совершенно вас не касается. И именно Вотан, припомнил Сет Морли, уничтожил богов, устроив, как это называлось у древних германцев, Гибель Богов, для удовлетворения собственного честолюбия. Но сначала был возведен замок для богов - Валгалла. Да, была возведена Валгалла, и надпись на ней была - ВИНЕРИЯ. Но совсем не винокурня.

И в конце концов, подумал он, она погрузится в воды Рейна и исчезнет. А Золото Рейна вернется к Девам Рейна.

Но этого пока не произошло, так рассудил он.

И Спектовский ничего не упомянул об этом в своей "Библии"

Не в состоянии унять дрожь, Глен Белснор положил пистолет на комод, стоявший справа от него. Перед ним на полу, все еще сжимая огромный золотой меч, лежал Тони Дункельвельт. Узенькая струйка крови из его рта стекала по щеке на сотканный вручную коврик, который прикрывал пластиковый пол.

Услышав выстрел, на крыльцо тотчас же выскочил доктор Бэббл. Склонившись над Бертом Кослером, он перевернул высохшее тело старика, осмотрел рану нанесенную мечом, затем, увидев Глена Белснора, вошел в комнату Тони. Теперь они оба глядели на лежавшее на полу тело юноши.

- Это я застрелил его, - сказал Глен Белснор.

В ушах у него до сих пор гудело от грохота, сопровождавшего выстрел. Пистолет этот был очень древним, он стрелял свинцовыми пулями и занимал особое место в коллекции всякой всячины, которую Белснор повсюду таскал за собой. Он показал рукой в сторону крыльца.

– Вы видели, что он сотворил со стариком Бертом?

– И он намеревался зарубить вас тоже? - спросил Бэббл.

– Да. - Глен Белснор вынул из кармана платок и высморкался. Руки его тряслись, и вообще чувствовал он себя чертовски гадко. Вот горе-то, - произнес он и услышал, как задрожал его голос, - Я убил фактически мальчика. Однако, Боже ты мой, он бы разделался со мною, затем с вами, затем с миссис Рокингхэм.

Сама мысль о том, что кто-нибудь мог посметь убить эту выдающуюся пожилую даму..., это более, чем что-либо еще, побудило его действовать решительно. Сам он мог бы спастись бегством; мог это сделать и Бэббл. Но не миссис Рокингхэм.

– Очевидно, - сказал Бэббл, - смерть Сюзи Смарт настолько повредила его психику, что он совсем потерял контакт с реальностью. Он, несомненно, считал себя виновником ее гибели, - Он наклонился, поднял меч. - Интересно, где это он раздобыл подобное оружие? Я никогда его не видел раньше.

– Он всегда был на грани нервного срыва, - заметил Глен Белснор. - С этими чертовыми трансми, в которые он впадал. Он, наверное, услышал голос Бога, который велел ему убить Берта.

– Он сказал что-нибудь? Перед тем, как вы его застрелили?

– "Я убил Форморазрушителя", вот что он сказал. А затем показал на тело Берта и добавил: "Видите?" Или что-то вроде этого, - Белснор пожал плечами. - Действительно, Берт был очень стар. Он был очень дряхлым стариком, Форморазрушитель уже изрядно над ним потрудился. Одному Богу известно сколько он еще бы протянул. Тони, казалось, узнал меня. Но он все равно был совершенно не в своем уме. Порол всякий вздор, а затем схватился за меч.

Какое-то время они оба молчали.

– Теперь у нас четверо покойников, - сказал Бэббл. - Не исключено, что и больше.

– Почему вы так говорите - "не исключено, что и больше"?

– Я думаю о тех, - сказал Бэббл, - кто ушел из поселка сегодня утром. О Мэгги, об этом новеньком, Расселле, о Сете и Мэри Морли.

– С ними вероятнее всего, ничего особенного не случилось. - Но теперь он уже и сам не верил собственным своим словам. - Нет, - вдруг в ужасе вскричал он. - Они, наверное, все погибли. Все семеро.

– Постарайтесь успокоиться, - произнес Бэббл. Вид у него был очень напуганный. - В этом вашем пистолете есть еще патроны?

– Да, - Глен Белснор взял пистолет, разрядил магазин и протянул патроны Бэбблу. - Вот, храните их у себя, что бы теперь не случилось, я больше не намерен стрелять ни в кого. Даже для того, чтобы спасти кого-нибудь из нас, оставшихся, или даже всех нас вместе взятых.

Он устало прошел к креслу, грузно спустился в него, как-то неуклюже вытащил сигарету и закурил.

– Будь здесь следственная комиссия, - сказал Бэббл, - я бы охотно засвидетельствовал, что Тони Дункельвельт был душевнобольным. А вот тот факт, что это именно он убил старика Берта или хотел напасть на вас, я не мог бы засвидетельствовать. Я хочу этим сказать, что я лично располагаю только вашим устным сообщением о случившемся. - Затем быстро добавил. - Но, разумеется, я вам верю.

– Не будет никакого следствия, - Белснор мог утверждать это со стопроцентной уверенностью; на сей счет у него не было ни малейших сомнений. - За исключением того, - добавил он, - что будет произведено посмертно в отношении всех нас. И результаты которого нам будут уже совершенно безразличны. - Вы ведете что-нибудь вроде журнала? - спросил Бэббл.

– Нет.

– А следовало бы.

– Да уж, - огрызнулся Белснор. - Придется. Только оставьте меня, черт побери, одного! - Свирепо рявкнул он на Бэббла, покрасневшись от охватившего его гнева. - Вольно!

– Простите, - очень тихо промолвил Бэббл и, испуганно съезжившись, повернулся к выходу.

– Вы, я и миссис Рокингхэм, - сказал Глен Белснор, - возможно, последние, кто еще остался в живых.

Он это чувствовал интуитивно. Он был в этом просто уверен.

– Наверное, нам следует пройти к ней и там оставаться, чтобы ничего с ней не случилось. - Бэббл, раболепно пригнувшись, продолжал свой путь к двери.

– Хорошо, - раздраженно произнес Белснор. - Знаете, что я собираюсь сделать? Вы оставайтесь с миссис Рокингхэм, а я хочу устроить обыск в вещах Расселла и в его ялике. Он меня очень сильно заинтересовал, с того самого первого момента, когда вы и Морли привели его сюда вчера вечером. Он какой-то странный. У вас не сложилось такого впечатления?

– Это просто потому, что он здесь новичок.

– Я не испытывал никаких особых подозрений в отношении Бена Толлчифа. Или четы Морли. - Он рывком поднялся на ноги. - Вы знаете, что пришло мне в голову? Возможно, он подцепил не тот сигнал со спутника. Я хочу хорошенько покопаться в приемопередатчике его ялика.

Назад, к тому в чем я еще разбираюсь, подумал он. Где я себя не ощущаю столь одиноким.

Покинув Бэббла, он, не оборачиваясь, решительно направился к стоянке яликов.

Действительно, его мог привести сюда сигнал со спутника, так рассуждал Белснор, каким бы коротким ни был этот сигнал. Возможно, он был где-то неподалеку отсюда, направляясь совсем не на Дельмак-О, а просто готовясь пролететь мимо. Правда, при нем документы, свидетельствующие о переводе. Посмотрим, решил он, и начал разбирать радиоаппаратуру на борту ялика Расселла.

Пятнадцатью минутами позже его подозрения рассеялись. Приемник и передатчик были самыми стандартными, точно такие же были на борту всех остальных яликов. Расселл никак не мог подцепить сигнал со спутника с помощью такой весьма несовершенной аппаратуры, поскольку сигнал этот был похож на комариный писк. Только чувствительный приемник на Дельмаке-О мог принимать его. Расселл прибыл сюда, пользуясь автопилотом, как и все остальные. И тем же средством перемещения, что и остальные - в ялике.

Значит, с этой версией покончено, решил он.

Большая часть вещей Расселла оставалась на борту ялика? В свою комнату он успел перенести только несколько личных вещей. Большой ящик с книгами. Книги здесь были у всех. Глен Белснор лениво расшвырял книги, пытаясь засунуть руку поглубже в ящик. Один справочник по экономике за другим - так и должно быть. Микрофильмы нескольких великих классиков, включая Толкина, Милтона, Вергилия, Гомера. Была здесь и "Война и мир" Толстого. Все эти произведения - эпические, обратил внимание Белснор. Плюс книги Дос-Пассоса "США", мне всегда так хотелось прочесть все эти книги, отметил он про себя.

В книгах и кассетах Расселла ему ничего не показалось необычным, за исключением разве что...

Не было экземпляра "Библии" Спектоского.

Может быть, Расселл, подобно Мэгги Уолш, знал ее наизусть.

А может быть, и нет...

Существовала группа людей, которые не держали у себя "Библию" - не держали потому, что им не разрешалось ее читать. Их называли "страусами" и были они заключены в вольер, которым со временем стала вся территория планеты Терра. Это были люди, которые жили подобно страусам, словно засунув голову в песок. Их психика не выдержала того гигантского психологического бремени, которое взвалилось на них в эпоху эмиграции. Поскольку к тому времени все остальные планеты Солнечной Системы были перенаселены, эмиграция означала путешествие в другую звездную систему..., и вот тут-то ко многим из людей и подкрадывалась коварная космическая болезнь, выражавшаяся в страхе перед одиночеством и потерей всяческих корней.

Возможно, он оправился, так рассуждал Глен Белснор, и его выпустили на волю. Но в таком случае обязательно бы удостоверились, что у него имеется свой собственный экземпляр "Библии" Спектовского - ибо для него наступало такое время, когда в ней возникала необходимость.

Он сбежал, вот что, решил Белснор.

Но почему же он забрался именно сюда? Возможно, база "Интерпланет-Веста", которой заведует генерал Тритон, располагается как раз на Терре и имеет самое прямое отношение к этому всепланетному вольеру. Какое совпадение! То же самое место, где, по всей вероятности, изготовлены все неорганического происхождения существа на Дельмаке-О. О чем свидетельствует надпись на одной из деталей миниатюрной копии Здания.

В каком-то смысле все концы сходятся, решил он. Но, с другой стороны, как ни верти, но в результате получается ноль. Самый настоящий, круглый ноль.

Этими смертями, отметил он про себя, они и меня доводят до безумия тоже. Как сделали они с этим рехнувшимся бедолагой Тони Дункельвельтом. Но предположим вот что: психологической лаборатории, действующей под началом "Интерпланет-Веста" нужны пациенты этого всепланетного птичника в качестве подопытных кроликов. Они набирают группу таких людей - эти негодяи на такое способны - и делают Неда Расселла одним из ее членов. Он тоже все еще не в своем уме, но они могут подучить его - душевнобольные способны к обучению тоже. Ему дают профессию и посылают делать то, что им нужно - в данном случае, засылают его сюда.

А затем в голову ему пришла совершенно уже неожиданная, ужасная, как удар молнии, мысль. Предположим, мы все страусы из этого вольера. Предположим, мы этого не знаем. "Интерпланет-Вест" удалила это из нашей памяти. Это вполне объясняет нашу неспособность к каким-либо серьезным коллективным действиям. Вот почему мы даже не в состоянии достаточно ясно изъясняться друг с другом. Сумасшедших можно научить многому, но единственное на что они никак не способны - это составить нормально функционирующий коллектив..., за исключением, пожалуй, тех случаев, когда они действуют толпой. Но это уже не нормальное функционирование, а просто массовое помешательство.

Значит, над нами здесь проводят какой-то эксперимент, подумал он. Теперь я знаю то, что нам всем так хотелось узнать. Кстати, это может объяснить и наличие татуировки у меня на ноге - этого "Персуса-9".

Но все это слишком серьезное дело, чтобы основываться только на одном-единственном факте - том факте, что у Расселла отсутствует экземпляр "Библии" Спектовского.

Может быть, он у него в комнате, тут же подумал Белснор. Боже ты мой, разумеется, он там.

Он покинул стоянку яликов и через десять минут, будучи уже в жилом комплексе, стал подниматься по ступенькам на крыльцо. Крыльцо, на котором умерла Сюзи Сمارт и которое располагалось точно напротив такого же крыльца, где погибли Тони Дункельвельт и старик Берт.

Нам надо похоронить их, - наконец-то дошло до его сознания, и при мысли об этом он весь съежился.

Но сначала я должен взглянуть на вещи Расселла.

Дверь в его комнату была заперта.

С помощью "фомки" - он нашел ее среди своего разношерстного имущества - этакого огромного, отовсюду, зачастую он уже даже не помнил откуда, натасканного скопления всякого барахла и подлинно незаменимых вещей - он взломал дверь в комнату Расселла.

Прямо на виду, на смятой постели, лежали документы Расселла и бумажник. Его перевод, все остальные сопровождающие человека бумаги вплоть до свидетельства о рождении. Глен Белспор стал лихорадочно рыться в этих бумагах, уверенный, что именно здесь может находиться то, что больше всего его интересует. Сумятица, возникшая вследствие гибели Сюзи Сمارт, привела всех их в замешательство: Расселл, несомненно, вовсе не намеревался оставлять здесь все это. Впрочем, возможно у него вообще нет привычки таскать при себе свои документы..., ведь страусы в вольере не имеют никаких удостоверений личности. В дверях появился доктор Бэббл.

- Я... - визгливо, на грани истерики, произнес он, -, я не могу найти миссис Рокингхэм.

- А в комнате для собраний? В кафетерии?

Может быть, она вышла прогуляться, подумал он. Хотя, тут никаких сомнений не могло быть. Роберта Рокингхэм едва способна ходить, трость ей жизненно необходима вследствие застарелой болезни кровеносных сосудов.

- Я помогу ее разыскать, - обеспокоено сказал он, после чего вместе с Бэбблом поспешно спустился с крыльца и побежал по территории жилого комплекса, сам не отдавая себе отчет в том, для чего он это делает. Когда же до него наконец-то дошло, что они просто бегут с перепугу, он остановился.

- Нам необходимо поразмыслить, - тяжело дыша, произнес он. - Подождите минуту. - Куда же все-таки могла она подеваться, удивлялся он. - Такая почтенная пожилая дама, - произнес он тоном, в котором перемешались бешенство и отчаянье, - она ведь никогда за всю свою жизнь не причинила никому никакого вреда. Будьте вы все прокляты, кем бы вы ни являлись.

Бэббл только угрюмо кивал ему в знак согласия.

Она читала. Услышав шум, подняла глаза. И увидела незнакомого ей мужчину, стоявшего на пороге ее небольшой, чистенько прибранной комнаты.

- Да? - произнесла она, вежливо опустив свое сканирующее устройство для чтения микрофильмов. - Вы - новый житель нашего поселка? Я что-то не встречалась с вами раньше, я не ошибаюсь?

- Нет, миссис Рокингхэм.

Голос у мужчины был добрый и очень приятный. Он был в кожаной военной форме, которую дополняли огромные кожаные перчатки. Лицо его излучало дружелюбие, а может быть, это просто ей показалось, у нее запотели ее очки, поэтому полной уверенности быть не могло. Его волосы, коротко подстриженные, слегка блестели - уж в этом она не сомневалась. И какая приветливая у него улыбка, отметила она про себя. И какое исполненное высоких мыслей чело, как если бы он размышлял только о хорошем и совершал множество замечательных поступков.

- Не угодно ли вам немножко виски или просто воды, чтобы утолить жажду? - спросила она.

К середине дня она обычно позволяла себе одну рюмочку, это облегчало непрекращающиеся боли в ногах. Сегодня, однако, они могли бы получить удовольствие от "Олд Кроу" и чуточку раньше.

- Спасибо, - ответил мужчина.

Высокий и очень стройный, он так и стоял на пороге, не проходя внутрь. Как будто его

связывало что-то, находящееся снаружи - он не мог его полностью покинуть и вскоре должен был к нему вернуться. Мне хотелось бы знать, подумала она, а не является ли это одной из Манифестаций, как это называют благочестивые жители этого поселка. Она попыталась получше разглядеть мужчину, но из-за пыли на стеклах очков - а может быть, и из-за чего-нибудь иного - она не могла по-настоящему, во всех подробностях рассмотреть его.

- Не угодно ли вам пройти внутрь? - она сделала гостеприимный жест рукой. - Возле кровати тут есть небольшой, не очень-то новый комод. В его ящике вы найдете "Олд Кроу" и три стакана. Соды мне совсем не нужно. А может быть, вам тоже больше нравится с минеральной водой?

- Да, - сказал незнакомец и легкой походкой пересек всю ее комнату. Она заметила, что он был еще и в высоких сапогах. Как это очаровательно!

- Как вас зовут? - поинтересовалась она.

- Сержант Эли Николс. - Он открыл ящик комода, достал из него виски и два стакана. - Ваш поселок распускается. Меня сюда послали забрать вас и переправить домой. Нам с самого же начала стало известно о неисправности лентопротяжного механизма в передатчике на борту спутника.

- Значит, все в порядке? - спросила она с явным удовольствием.

- В полном порядке, - ответил сержант. Он налил виски в оба стакана, разбавил его водой, протянул один стакан ей, а сам расположился в кресле с прямой спинкой, стоявшем напротив нее. Он улыбался.

Глава 11

Все еще продолжая тщетные поиски Роберты Рокингхэм, Глен Белснор увидел небольшую группу людей, устало тащившихся по направлению к поселку. Это были ушедшие Фрэйзер и Тагг, Мэгги Уолш, новичок Расселл, Мэри и Сет Морли... Они были там, как будто, все. Все ли?

Сердце его тревожно забилося.

- Я не вижу Бетти Джо Берм, - произнес Белснор. - С нею что-то случилось? Вы ее бросили, мерзавцы? - Он смотрел на них и чувствовал, как все сильнее дрожит его челюсть от бессильного гнева. - Это так?

- Она погибла, - сказал Сет Морли.

- Как? - спросил он.

Подошел доктор Бэббл и тоже стал ждать ответа четырех мужчин и двух женщин.

- Она утопилась, - сказал Сет Морли, а затем, озираясь вокруг себя, спросил, - А где парнишка, этот, как его, Дункельвельт?

- Умер, - ответил доктор Бэббл.

- А Берт Кослер? - поинтересовалась Мэгги Уолш.

И Бэлснор, и Бэббл - оба молчали.

- Значит, его тоже уже нет в живых, - произнес Расселл.

- Это так, - кивнул Белснор. - Нас осталось восьмеро. Роберта Рокингхэм исчезла. Возможно, ее тоже уже нет в живых. Как мне кажется, другого ответа нам не найти.

- А разве вы не были вместе все это время? - спросил Расселл.

- А вы? - в тон ему ответил Глен Белснор.

Снова наступило молчание. Где-то, на большом удалении, теплый ветер поднял вверх столб пыли и неукоренившихся в почве лишайников. Налетевший вихрь пронес эту зловещего цвета смесь над постройками поселка, затем захлебнулся и исчез. Глен Белснор шумно потянул воздух носом - запах был гадкий до омерзения. Как будто, подумал он, где-то неподалеку разлагается на

солнце целая груда дохлых собак.

Это запах смерти, подумал он. Сейчас я больше ни о чем не в состоянии думать. И совсем нетрудно сообразить, почему. Смерть для нас заслонила все остальное на свете; она стала, меньше, чем за двадцать четыре часа основным содержанием нашей жизни.

– И вы не смогли принести ее тело назад? - спросил он у участников вылазки.

– Его унесло вниз по течению, - сказал Сет Морли. - И оно было объято пламенем. - Он подошел к Белснору вплотную и спросил. - А как умер Берт Кослер?

– Его заколол Тони.

– А сам Тони?

– Я застрелил его, - сказал Глен Белснор. - Пока он еще не успел убить меня.

– А Роберта Рокингхэм? Вы ее застрелили тоже?

– Нет, - коротко ответил Белснор.

– Мне кажется, - сказал Фрэйзер, - что нам уже пора подобрать себе нового руководителя.

– Мне ничего не оставалось другого, как пристрелить его, - сдавленно произнес Белснор. - Он поубивал бы всех нас. Спросите у Бэббла, он подтвердит.

– Ничего я не могу подтвердить, - сказал Бэббл. - Я располагаю ничуть не более достоверными сведениями, чем они. У меня есть только ваше устное объяснение.

– Каким оружием воспользовался Тони? - спросил Сет Морли.

– Мечом, - ответил Белснор. - Можете сами на него поглядеть. Он все еще вместе с ним в его комнате.

– А откуда у вас пистолет, из которого вы его пристрелили? - спросил Расселл.

– Он у меня всегда был, - ответил Белснор. Чувствовал он себя теперь очень большим и слабым. - Я сделал все, что мог. - Затем еще добавил. - Я сделал то, что должен был сделать.

– Значит, не таинственные "они" ответственны за все эти смерти, - сказал Сет Морли. - Вы ответственны за смерть Тони Дункельвольда, а он - за смерть Кослера.

– Дункельвелта, - сам не зная зачем, поправил его Белснор.

– И мы не знаем, что же все-таки случилось на самом деле с миссис Рокингхэм. Может быть, она просто куда-то сбежала. Скорее всего, со страху.

– Она не смогла бы это сделать, - сказал Белснор. - Она была очень больная.

– Мне кажется, - сказал Сет Морли, - что Фрэйзер прав. Совсем не такой нужен нам руководитель. - Обратившись к Бэбблу, он спросил.

– Где его пистолет?

– Он оставил его в комнате Тони, - ответил Бэббл.

Белснор тут же отделился от них и направился в сторону комнаты Тони.

– Остановите его, - крикнул Бэббл.

Игнас Тагг, Уэйд Фрэйзер, Сет Морли и Бэббл бегом промчались мимо Белснора, все вместе поднялись на крыльцо и так же вместе прошли в комнату Тони. Расселл не стал участвовать в происходящем; он теперь стоял вместе с Белснором и Мэгги Уолш.

Выйдя из комнаты Тони с пистолетом в руке, Сет Морли произнес:

– Расселл, а вам не кажется, что такое ваше поведение сейчас неуместно?

– Верните ему пистолет, - сказал Расселл.

Сет Морли в изумлении замер.

– Спасибо, - произнес Белснор, обращаясь к Расселлу. - Я могу рассчитывать на вашу поддержку. - Сету Морли и остальным он сказал. - Верните мне пистолет, послушайте Расселла. Все равно он не заряжен. Я вынул патроны. - Он протянул руку и стал ждать. Спустившись по ступенькам с крыльца и все еще сжимая в руке пистолет, Сет Морли произнес с искренним возмущением.

– Но ведь вы убили человека.

– Он был вынужден это сделать, - сказал Расселл.

– Я оставлю пистолет у себя, - заявил Сет Морли.

– Мой муж намерен стать вашим руководителем, - сказала Мэри Морли. - Это далеко не самая плохая мысль, как мне кажется. Я уверена: вы очень скоро убедитесь в том, что он отличный руководитель. В "Тэкел Упарсине" он занимал довольно высокий пост, располагая большой властью.

– Почему вы не присоединились к ним? - спросил Белсиор у Расселла.

– Я прекрасно понимаю, что произошло. Я знаю, что вам не оставалось ничего иного. Если бы мне предоставилась возможность переговорить с ними, я бы, может быть... - тут он осекся, увидев, что Белсиор повернулся в сторону четверых мужчин желая выяснить, что там между ними вдруг произошло.

Пистолет теперь держал Игнас Тагг. Он выхватил его из рук Морли и прицеливался в Белсиора со злобной кривой ухмылкой на лице.

– Сейчас же отдайте пистолет, - сказал ему Сет Морли.

Все остальные стали кричать на Тагга, но он стоял, не шевелясь и все еще направляя дуло пистолета на Белсиора.

– Теперь я ваш вожак, - сказал Тагг. - Хотите, голосуйте за меня, хотите - голосуйте против, мне теперь наплевать на это. Троице же окружавшим его мужчинам он велел:

– А-ну ступайте туда, где стояли раньше. Не подходите близко ко мне. Вам, что, непонятно?

– Он не заряжен, - повторил Белсиор.

Сет Морли казался совершенно подавленным, лицо его стало бледным и будто высеченным из мрамора, если бы он понимал - нет, со всей очевидностью знал - что это он один виноват в том, что пистолетом завладел Тагг.

– Я знаю, что нужно делать, - вмешалась Мэгги Уолш. Она засунула руку в карман юбки и вынула томик "Библии".

Ей было совершенно ясно, каким способом можно отнять пистолет у Игнаса Тагга. Открыв "Библию" наугад, она направилась к нему и на ходу начала громко читать.

– "Следовательно, можно утверждать", - декламировала она, "что Бог-в-истории демонстрирует несколько фаз развития:

– первая: период безгреховности, длившийся до того, как пробудился к деятельности Форморазрушитель;

– вторая: период Проклятия, когда могущество Божества снизилось до минимума, а сила Форморазрушителя стала наибольшей, вследствие того, что Бог не постиг своевременно подлинной сути Форморазрушителя и был застигнут врасплох;

– третья: рождение Бога-на-Земле - знак того, что период абсолютного Проклятия и отчужденности от Бога закончился;

– четвертая: продолжающаяся и ныне фаза... - она подошла почти вплотную к Таггу. Он продолжал стоять, не шевелясь, все еще держа в руке пистолет, она же стала читать дальше священное писание. -, продолжающаяся и ныне фаза, когда Бог шествует по Вселенной, спасая страждущих сейчас и вовеки веков, выступая в качестве Заступника тех, кто..."

– Возвращайтесь к остальным, - сказал ей Тагг, - или я убью вас.

– "...безусловно, тоже еще живет, но находится не в этом круге;

– пятая: следующий и последний период..."

Ее барабанные перепонки лопнули от ужасающего грохота; оглушенная, она отступила на шаг назад и только тогда ощутила страшную боль в груди; она почувствовала, как ей отказывают легкие вследствие чудовищного, крайне мучительного сотрясения, которое они испытали. Все вокруг потемнело в ее глазах, померк свет, теперь она ничего другого не видела, кроме черной тьмы. - "Сет Морли", - попыталась было она выговорить, но гортань ее не исторгла никаких звуков. Ей слышался какой-то гул: словно нечто огромное где-то очень далеко яростно и тяжело ступает во тьме.

Теперь она была совершенно одинока.

Тяжелый монотонный стук продолжался. Впереди ей открылся радужный свет, перемешанный с каким-то иным светом, что лился подобно жидкости; он принимал вид круговых огней и цветных колес, подкрадывался к ней все ближе и ближе со всех сторон. А прямо перед нею огромное Нечто продолжало издавать грозные, пульсирующие звуки. Она слышала его повелительный, разгневанный зов, который гнал ее куда-то наверх. Его неумолимая требовательность страшила ее. И, ужаснувшись, преодолевая мучительную боль, она воззвала к нему:

– Либера ми, домини! Де морта этерна, ин дие илла тремнда. Мощь чудовищных звуков нарастала все больше и больше. А она, беспомощная, все ближе и ближе соскальзывала к их источнику, и все более и более четко перед ее взором начало разворачиваться фантастическое зрелище: она увидела гигантскую дугу лука, опоясывающего добрую половину небосклона, и на ней - Заступника. Тетива лука была оттянута назад. Заступник был помещен на нее вместо стрелы. А затем совершенно беззвучно этот гигантский лук выпустил стрелу - Заступника далеко вверх, прямо в центр наименьшего из концентрически расположенных колец.

– Агнус Деи, - произнесла она. - Кви толлис пекката мунди. Она отвернула свой взор от явившегося ей бурлящего водоворота..., и увидела, далеко внизу под собою, бесконечную ледяную равнину, покрытую снегом и испещренную валунами. Яростный ветер продувал эту равнину насквозь, и, пока она глядела вниз, вокруг скал образовались еще большие снежные сугробы. Новый Ледниковый период, мелькнуло у нее в голове, и тут же она обнаружила, что ей не то, чтобы говорить, невероятно трудно стало даже мыслить на английском языке.

– Лакримоза диес илла, - произнесла она, вся скорчившись от боли; грудь ее, казалось, превратилась в плаху, на которой мученически трепетало ее сердце, - Ква ресургет экс фавилла, юдикантус хомо реус. - Ей показалось, что именно для того, чтобы уменьшить испытываемые ею мучению, ей и потребовалось перейти на латынь - язык, который она никогда не изучала и который был ей совершенно неизвестен, - Хик эрго парце. Деус! - воскликнула она. - Пие Йезу Домине, дона эйс реквием. - Бешеный пульсирующий гул все никак не прекращался.

Под ногами у нее разверзлась бездна. Она начала в нее падать, вымерзшая равнина ада, простиравшаяся под нею, стремительно приближалась. Она снова закричала:

– Либера ми, домини, де морте этерна!

И тем не менее продолжала падать. Она уже почти достигла ледяной преисподней, ничто не предвещало, что ей удастся ее избежать. Рядом с нею воспарило какое-то существо с огромными крыльями, похожее на гигантскую металлическую стрекозу, из головы которой торчали острые шипы. Стрекоза пронеслась мимо нее вверх, отдав ее тело волнами теплого воздуха.

– Сальве ме, фоне пиетатис, - воззвала она. Она узнала, кто это, и ничуть не удивилась, увидев Его. Заступника, который выпорхнул из ледяного ада и теперь мчался назад, к живому огню менее крупных, внутренних колец.

Великое множество огней самого различного цвета неожиданно зажглось со всех сторон вокруг нее. Она увидела, как рядом вспыхнуло красное дымящееся пламя, и в замешательстве

потянулась к нему. Но что-то в последний момент заставило ее остановиться. Это не тот цвет, решила она в душе. Ей нужно искать огонь чистого белого цвета, более соответствующего тому месту, где ей суждено возродиться. Она воспарила выше, увлекаемая струями теплого воздуха, хвостом тянувшегося за Заступником..., красный, дымящийся огонь тотчас же исчез, а на его месте, справа от себя, она увидела яркий ровный желтый свет. И изо всех сил устремилась к нему.

Боль у нее в груди, казалось, несколько поутихла; она вообще теперь уже едва ощущала свое тело. Спасибо тебе, подумала она, за избавление от страданий. Душа ее возликовала. Я видела Его, видела Заступника, и благодаря ему у меня появилась теперь надежда на спасение. Веди меня, подумала она. Высвети мне путь к возрождению в новой, более справедливой жизни.

И тут появился этот долгожданный чистый белый свет, она устремилась к нему, и что-то, казалось, помогало ей в ее движении. Однако ты на меня все еще разгневан, подумала она, слыша повторяющиеся мощные, гулкие удары, она все еще продолжала ощущать прежнее чудовищное биение. Хоть теперь оно уже не тревожило ее, эти звуки, наверное, будут и дальше распространяться по всей вечности, они вне пределов обычного восприятия времени, отсчитываемого в материальной вселенной. Здесь начисто отсутствовали времени ощущения материального пространства. Все, казалось, теперь имело только два измерения и спрессовалось в одной плоскости, как верно воспринимаемые, но грубо выполненные фигурки людей, нарисованные ребенком или первобытным человеком. Яркие, многоцветные фигурки, но абсолютно плоские - и тем не менее впечатляющие.

– Морс ступебит эт натура, - громко произнесла она. - Кум ресургет креатура, юдиканти респонзура.

Гулкая пульсация стала слабее. Это невидимое Нечто простило меня, решила она. Оно позволяет Заступнику направить меня по верному пути.

Она продолжала медленно плыть к чистому белому свету, все еще время от времени декламируя благочестивые латинские изречения. Боль в груди у нее теперь совсем прошла, не ощущала она более и тяжести собственного веса.

Гулкие мощные удары, которыми все еще отмечалось присутствие этого всеобъемлющего Существа, продолжали ощущаться ею, но теперь она понимала, что не для нее они предназначены, что они теперь - для других.

Вот и наступил для нее День Сличения. День Страшного Суда - она явилась и была пропущена далее. Она прошла это высшее разбирательство - и было вынесено благоприятное для нее суждение. И теперь она испытывала переполнявшую ее необыкновенную радость. И продолжала лететь, как мотылек среди сонмища вспышек новых звезд, лететь на тот единственный огонек, что был предназначен только для нее одной.

– Я совсем не намеревался убивать ее, - хрипло произнес Игнас Тагг. Он стоял теперь, тупо уставясь на тело Мэгги Уолш. - Я не знал, что она собиралась сделать. Она все ближе и ближе ко мне подходила. Я подумал, что она хочет отобрать у меня пистолет. - Плечо его дернулось в сторону Глена Белснора, как бы обвиняя его. - И потом он сказал, что пистолет не заряжен.

– Да, вы правы, - сказал Расселл. - Она хотела забрать у вас пистолет.

– Значит, я сделал правильно, - сказал Тагг.

На какое-то время воцарилась никем не нарушаемая мертвая тишина.

– Я не собираюсь отдавать этот пистолет, - в конце концов заявил Тагг.

– Верное решение, Тагг, - заметил Бэббл. - Пусть он остается у вас, чтобы все могли убедиться в том, сколько еще ни в чем неповинных людей вздумается вам погубить.

– Повторяю, я не хотел ее убивать, - Тагг направил дуло пистолета на доктора Бэббла. - Мне никогда и раньше никого не хотелось убивать. Ну, кто еще хочет этот пистолет? - Он стал дико озираться по сторонам, глядя по очереди на всех. - Я поступил точно так же, как Белснор, не лучше и не хуже. Мы, что, он и я, чем-то отличаемся друг от друга? Поэтому кому-кому, а уж ему я черта с два отдам пистолет.

Тяжело дыша, он несколько раз едва не поперхнулся, выплевывая слова, однако продолжал сжимать пистолет и все так же, с дико выпученными глазами, озирался вокруг.

Белснор подошел вплотную к Сету Морли.

– Нам обязательно нужно отобрать у него оружие.

– Я понимаю, - сказал Сет Морли.

Только вот он никак не мог придумать, как это осуществить. Если Тагг решился убить человека, притом женщину, потому, что она приближалась к нему, читая "Библию", он вряд ли остановится перед убийством любого из них, если ему что-то не понравится.

Теперь было совершенно ясно, что Тагг уже не соображал, что творил, что он полностью сошел с ума. В этом не было ни малейших сомнений. Он намеренно убил Мэгги Уолш, и только теперь до Сета Морли наконец дошло то, чего он раньше недопонимал. Белснор убил Тони, но он не хотел этого. Тагг же убил ради удовлетворения собственной прихоти.

Именно в этом-то и заключалась разница. Белснор не представлял для них опасности, если только кого-либо из них самих не одолеет жажда убийства. В таком случае Белснор, разумеется, будет стрелять. Но если они не будут провоцировать его...

– Не смей, - его жена, Мэри, тихо сказала ему на ухо.

– Нам нужно вернуть пистолет, - сказал Сет Морли. - Ведь это я виноват в том, что он оказался у него. Это я допустил, что он отобрал его у меня. - Он протянул руку в направлении Игнаса Тагга. - Отдайте его мне, - произнес он и почувствовал, как все тело его сжалось от страха. Все его существо подготовилось к смерти.

Глава 12

– Он убьет вас, - сказал Расселл и тоже двинулся к Таггу.

Все остальные не отрывали глаз от происходящего.

– Нам нужно, чтобы этот пистолет был у нас, - произнес Расселл, обращаясь к Таггу. - Морли, он успеет выстрелить только в одного из нас. Я знаком с подобного рода оружием. Из него невозможно вести беглый огонь. Он успеет сделать только один выстрел - и он в наших руках. - Он стал заходить к Таггу с другой стороны. - Так что, согласны, Тагг? - произнес он и протянул руку.

Тагг нерешительно повернулся в его сторону. В это время к нему быстро рванулся Сет Морли, пытаясь схватить его за руку.

– Ну и черт с вами, Морли! - крикнул Тагг.

Дуло пистолета повернулось назад, в сторону Морли, но инерция продолжала нести тело Сета Морли вперед, пока он не уткнулся в худощавое, но мускулистое тело Игнаса Тагга - он него прямо несло выделениями сальных желез, мочой и потом.

– Не отпускайте его теперь! - завопил Белснор и, вытянув обе руки, тоже бросился к Таггу, чтобы схватить его.

Чертыхаясь, Тагг вырвался из рук Сета Морли. Лицо его, как у совсем спятившего с ума,

ничего не выражало, глаза блестели холодным огнем, линия рта мучительно искривилась. Раздался выстрел.

Мэри Морли пронзительно закричала.

Подняв левую руку. Сет Морли схватился за свое правое плечо и почувствовал, как кровь уже просачивается через ткань рубашки. К тому же его оглушил грохот, сопровождавший выстрел. Он грузно опустился на колени, корчась от боли и как-то смутно, но все-таки соображая, что Тагг угодил ему в плечо. Я истекаю кровью, подумал он. Боже ты мой, мне так и не удалось отобрать у него пистолет. С усилием он разомкнул веки и увидел, что Тагг бежит, бежит в лихорадочной спешке, один или два раза остановившись, чтобы выстрелить. Но он так ни в кого и не попал - они все бросились врассыпную, кто куда, даже Белснор.

– Помогите мне, - жалобно взмолился он, но и Белснор, и Расселл, и д-р Бэббл проскочили мимо него, все их внимание было приковано к Таггу.

Тагг остановился в дальнем конце жилого комплекса, у входа в комнату для собраний. Тяжело дыша, он прицелился в Сета Морли и еще раз выстрелил. Пуля просвистела мимо, не задев Морли. Затем, задрожав всем телом, Тагг развернулся и, вприпрыжку бросившись прочь, вскоре скрылся из виду.

– Фрэйзер! - крикнул Бэббл. - Подсобите нам перенести Морли в лазарет! Скорее! Он истекает кровью. По-моему, у него повреждена одна из главных артерий.

Уэйд Фрэйзер сразу же поспешил на помощь. Он, Белснор и Нед Расселл подняли тело Сета и стали тащить его в лазарет Бэббла.

– Вам не на что жаловаться, - отдуваясь, произнес Белснор, когда они укладывали Морли на вытянутый, обитый металлом, операционный стол.

– Он убил Мэгги, а вот вы еще легко отделались. - Чуть отойдя от стола, Белснор вынул носовой платок и, все еще продолжая вздрагивать, высморкался. - Этот пистолет должен был оставаться у меня. Теперь вы это понимаете?

– Замолчите и ступайте прочь отсюда, - сказал Бэббл, включая стерилизатор и поспешно укладывая в него хирургические инструменты.

Затем он перевязал жгутом раненое плечо Сета Морли, так как кровотечение продолжалось и на столе рядом с телом Сета Морли теперь образовалась целая лужа крови.

– Мне придется вскрыть рану, отыскать кончики перебитой артерии и соединить их вместе.

Сбросив жгут с плеча, он включил аппарат искусственного кровообращения, затем, пользуясь небольшой хирургической бормашинкой, просверлил отверстие в боку Сета Морли и ловко вставил в него наконечник подпитывающего шланга аппарата искусственного кровообращения.

– Я не в состоянии остановить кровотечение, - пояснил он. - У меня уйдет не менее десяти минут на то, чтобы углубиться в рану, найти обрывки артерии и соединить их. Зато он не умрет от чрезмерной потери крови.

Открыв стерилизатор, он извлек поднос с пышущими паром инструментами, умело и быстро разрезал одежду Сета Морли и сразу же начал обследование раненого плеча.

– Нам придется организовать непрерывное наблюдение за Таггом, - сказал Расселл. - Черт возьми, как жаль, что здесь нет никакого иного оружия. Один только пистолет, да и тот теперь у него.

– У меня, - отозвался Бэббл, - тут есть ружье для стрельбы усыпляющими пулями. - Он достал связку ключей и швырнул ее Белснору. - Вон в том стенном шкафу, - показал он. - Ключ с головкой в виде бриллианта.

Белснор открыл стенной шкаф и извлек длинную трубку с оптическим прицелом.

– Недурно, недурно, - произнес он. - Может оказаться весьма кстати. А у вас есть какие-нибудь другие патроны, кроме заряженных транквилизаторами? Мне известен состав транквилизаторов,

применяемых в подобных патронах. Они в состоянии, может быть, оглушить его, а вот...

– Вы хотите покончить с ним раз и навсегда? - спросил Бэббл, оторвавшись от обследования плеча Сэта Морли.

– Да, - далеко не сразу ответил Белснор. Расселл кивком головы поддержал его.

– Есть у меня и другие патроны для него, - сказал Бэббл.

– Патроны с пулями, которые убивают. Как только я управлюсь с Морли, я достану их.

Хотя Сет Морли и лежал на операционном столе, ему удалось разглядеть усыпляющее ружье Бэббла. Интересно, нам удастся защититься с его помощью? Или Тагг все равно прорвется сюда и поубивает нас всех или, может быть, только меня одного, поскольку один я лежу вот так беспомощно здесь.

– Белснор, - слабым голосом позвал он, - не давайте Таггу возможности проникнуть сюда ночью и пристрелить меня.

– Я останусь с вами, - сказал Белснор и похлопал его краешком ладони по здоровому плечу. - И мы будем вооружены вот этим. - Он держал в руке усыпляющее ружье Бэббла, внимательно его разглядывая.

Теперь вид у него был куда более уверенным. Как и у всех других.

– Вы сделали Морли укол димедрола? - спросил Расселл у Бэббла.

– У меня нет времени на это, - бросил через плечо Бэббл, продолжая обрабатывать рану.

– Я сделаю, - отозвался Фрэйзер, - если вы скажете, где хранятся медикаменты и где лежат шприцы.

– У вас нет достаточного опыта для этого, - ответил ему Бэббл.

– Так же как и у вас нет опыта хирурга, - отпарировал Фрэйзер.

– Мне деваться некуда, - сказал Бэббл. - Если я буду сидеть сложа руки, он умрет. Придется ему потерпеть без обезболивания.

Мэри Морли, низко наклонившись над мужем, спросила тихо:

– Ты сможешь выдержать боль?

– Да, - сцепив зубы, ответил Сет Морли.

Операция продолжалась.

Теперь он лежал в полутьме. Как-никак, сонно размышлял он, а пулю из меня извлекли. И еще сделали уколы димедрола, как внутривенный, так и внутримышечный..., и теперь я вообще ничего не чувствую. Интересно, ему удалось хорошо зашить артерию?

Довольно сложное оборудование показывало всю его внутреннюю жизнедеятельность: оно следило за его кровяным давлением, частотой пульса, температурой тела и функционированием дыхательного аппарата. Но куда это подевался Бэббл, задумался Сэт Морли. И Белснор, где он сейчас?

– Белснор! - насколько ему это удалось, погромче позвал он. - Где вы? Вы обещали не покидать меня ни на минуту.

В полутьме материализовалась какая-то темная фигура. Белснор, держащий двумя руками усыпляющее ружье.

– Я здесь. Успокойтесь.

– А где остальные?

– Хоронят покойников, - ответил Белснор. - Тони Дункельвельта, старика Берта, Мэгги Уолш... Они воспользовались кое-каким землеройным оборудованием, оставшимся здесь с того времени, когда сооружался этот поселок. И Толлчифа. Мы его хороним тоже. Первого, кто умер среди нас. И Сюзи. Бедную глупышку Сюзи.

– И все-таки ему не удалось прикончить меня, - сказал Сет Морли.

– Он хотел. Старался, как мог.

– Нам не следовало пытаться отобрать этот пистолет у вас, - произнес Сет Морли. Теперь он наконец это понял. - Мы не предполагали, что так получится.

– Вам надо было прислушаться к тому, что говорил Расселл, - напомнил ему Белснор. - Он сразу раскусил, что к чему.

– Задним умом мы все крепки, - сказал Сет Морли. Белснор был явно прав. Расселл пытался показать им выход из создавшегося положения, а они, обуянные паникой, не удосужились его послушать.

– Никаких признаков миссис Рокингхэм?

– Нет. Мы перерыли весь поселок. Она исчезла. Тагга тоже не видно, но нам известно, что он жив. К тому же вооружен и крайне опасен, так как налицо явные признаки серьезнейшего душевного расстройства.

– Откуда известно, что он жив? - спросил Сет Морли. - Он мог покончить с собой. Или с ним могло приключиться то же, что случилось с Толлчифом и Сюзи.

– Может быть, но мы не имеем права на это рассчитывать. - Белснор поглядел на часы. - Я побуду снаружи; оттуда мне легче проследить за тем, как продвигается раскопка могил, и одновременно присматривать за вами. Я скоро вернусь. - Он похлопал Морли по левому плечу и сразу же растворился в полутьме.

Сет Морли устало закрыл глаза. Запах смерти, подумал он, всюду господствует здесь. Мы по горло им сыты. Скольких мы уже потеряли? Он начал считать в уме. Толлчифа, Сюзи, Роберту Рокингхэм, Бетти Джо Берм. Тони Дункельвельта, Мэгги Уолш, старика Берта Кослера. Семеро мертвецов. И осталось нас тоже семеро. Они погубили половину людей меньше чем за сутки.

И вот ради всего этого мы покинули, подумал он, безмятежное благополучие "Тэкел Упарсина"! В этом есть какая-то кошмарная ирония - мы все прибыли сюда, так как хотели жить более полной жизнью. Хотели быть полезными в полную меру своих возможностей. У каждого из оказавшихся в этом поселке была своя заветная мечта. Может быть, подумалось ему, именно это как раз и погубило нас. Мы слишком уж глубоко погрузились в мир своих собственных, обращенных в прошлое, грез. Мы оказались не в состоянии вырваться из него. Вот почему не дано нам действовать сообща, представлять из себя коллектив. А некоторые из нас, - такие, как Тагг или Дункельвельт - просто сумасшедшие в полном смысле этого слова.

Тут он почувствовал, что к его виску приставлено пистолетное дуло. И услышал мужской голос:

– Не шевелитесь.

В это же время к выходу из лазарета быстрым шагом прошел второй мужчина, весь затянутый в черную кожу, держа наготове энергопистолет.

– Снаружи там Белснор, - сказал он, обращаясь к тому, кто держал такой же энергопистолет у виска Сета Морли. - Я беру его на себя.

Прицелившись, он выпустил из дула своего пистолета яркую электрическую дугу. Вспыхнув у анодной обмотки пистолета, дуга пересекла пространство, отделяющее анод от Белснора, превратив его мгновенно в катодный вывод. Белснор задрожал всем телом, затем грузно опустился на колени и мгновением позже свалился набок. Усыпляющее ружье осталось лежать рядом с ним.

– Остальные? - спросил присевший на корточки рядом с Сетом Морли.

– Они хоронят покойников и ничего не заметят. Даже его жены нет здесь. - Он подошел к Сету Морли, а тот, кто дежурил возле него, выпрямился, и они оба какое-то время изучающе рассматривали свою жертву. Они оба были в одинаковой черной кожаной одежде, Морли никак не мог сообразить, кто они и каким образом могли здесь очутиться.

– Морли, - окликнул его первый. - Мы забираем вас отсюда.

- Почему? - удивился Морли.
- Чтобы спасти вам жизнь, - ответил второй. Они быстро притащили откуда-то носилки и поставили их рядом с койкой.

Глава 13

В ночной тьме, омываемый серебристым светом луны, влажно поблескивал припаркованный позади лазарета небольшой летательный аппарат с маломощными ракетными двигателями, в обиходе называемый сквибом. Двое мужчин в форменной одежде перенесли носилки с Сетом Морли ко входу в сквиб и поставили их на землю. Один из них открыл запертую дверь сквиба, после чего они снова подняли носилки и осторожно занесли их внутрь корабля.

- Белспор мертв? - спросил Морли.
- Парализован, - ответил один из его похитителей.
- Куда мы направляемся?
- Туда, где вы сами хотели бы оказаться. - Второй мужчина сел за пульт управления, перевел несколько тумблеров в положение "включено", затем вращением рукояток отрегулировал ряд параметров, численные значения которых отображались тут же, на пульте. Сквиб плавно оторвался от грунта и взмыл в ночное небо.
- Вас ничто не беспокоит, мистер Морли? Я прошу извинения за то, что пришлось положить вас прямо на пол, но полет этот будет очень непродолжительным.
- Вы мне можете сказать, кто вы? - не унимался Морли.
- Если вы испытываете какие-нибудь неудобства, не стесняйтесь, произнес первый, - скажите нам только слово.

– Мне вполне удобно, - ответил Морли.

С того места, где он лежал, ему хорошо был виден обзорный видеозэкран сквиба. Судя по тому, что он показывал, был уже день, на экране можно было различить не только деревья, но и растительность помельче: кусты, лишайники, - затем показалась светлая полоса реки.

А еще чуть позже он увидел на обзорном экране Здания.

- Ну разве вы сами не мечтали об этом? - снова обратился к Морли первый.
- Нет, - отрицательно мотнул головой Морли.
- Вам, по-моему, все еще хочется побывать там, внутри.
- Нет, не хочется.
- Вы просто, наверное, не вспомнили, что это за место?
- Нет, прекрасно помню, - ответил Морли. Он лежал, стараясь дышать как можно ровнее, чтобы сберечь силы. - Я видел его сегодня утром в первый раз.
- О, нет! - отозвался другой. - Вы видели его гораздо раньше. На крыше Здания ярко замигали предупредительные огни, и через несколько секунд сквиб тяжело запрыгал по крыше после не очень-то искусно произведенной посадки.
- Черт бы побрал этот корректирующий луч, - выругался первый. - Он снова какой-то беспорядочный и неустойчивый. Я был прав - садиться нам следовало в режиме ручного управления.
- Я не смог бы совершить посадку на эту крышу, - стал оправдываться второй. - Ведь она вся утыкана этими гидробашнями фильтров. Я бы непременно ударился об одну из них.
- Мне что-то больше совершенно не хочется работать с тобой в паре, - заявил недовольным тоном первый, - если ты не в состоянии посадить корабль подобного типа на такую большую крышу.

– Размеры ее здесь не имеют никакого значения. Меня возмущает случайный характер натканных здесь препятствий. Их здесь чересчур много.

Он подошел к выходной двери и вручную, с лязгом, отворил ее. Внутри хлынул ночной холодный воздух с примесью запаха фиалок, а вместе с ним и тупой, монотонный рев, издаваемый Зданием.

Сет Морли, собрав последние силы, поднялся на ноги и одновременно протянул руку, чтобы схватить энергопистолет, свободно болтавшийся на поясе того из его похитителей, что стоял сейчас возле выходной двери.

Тот не успел среагировать - как раз в этот момент он отвернулся от Морли, спрашивая что-то у сидевшего за пультом. Его товарищ выкрикнул ему предупреждение, но поздно.

Схваченный слабыми пальцами Сета Морли, энергопистолет выскользнул из них и упал на пол. Тогда он умышленно и сам тут же упал, пытаясь, не мешкая, сразу завладеть им.

Высокочастотный электрический импульс выпущенный сидевшим за пультом мерцающей дугой пронесся мимо. Пилот промахнулся. Сет Морли тотчас же перевернулся на свое здоровое плечо, поджал под себя ноги, переходя в полусидячее положение, и произвел ответный выстрел.

Луч едва коснулся пилота, попал в него чуть повыше правого уха. В то же самое мгновение Сет Морли резко развернул дуло и выстрелил в того, кто уже барахтался поверх него. С такого близкого расстояния воздействие луча было просто ужасным. Человек сразу же забился в конвульсиях, отлетел назад и повалился с сильным грохотом на оборудованную различными приборами стенку сквиба.

Морли захлопнул дверь, повернул запоры грузно осел на пол. Через повязку на его плече снова выступила кровь, капли ее стали падать на пол. Голова у него гудела, он чувствовал, что через несколько мгновений потеряет сознание.

В громкоговорителе, установленном над пультом управления, раздался щелчок.

– Мистер Морли, - послышалось из него, - нам известно, что вы завладели сквибом. Мы знаем, что оба наших сотрудника без сознания. Пожалуйста, не взлетайте. Рана на вашем плече не прооперирована должным образом, подсоединение разорванных частей артерии произведено неправильно. Если вы не откроете дверь сквиба и не позволите нам оказать вам существенную и совершенно неотложную медицинскую помощь, то вам, по всей вероятности, не удастся даже прожить более часа.

Ну и черт с вами, подумал Сет Морли и пополз к пульту управления. Опираясь здоровой рукой он приподнял свое тело, напрягся весь и постепенно, с колоссальным трудом, взобрался на одно из сидений.

– У вас нет надлежащей подготовки для пилотирования высокоскоростного сквиба, - раздалось в громкоговорителе.

Очевидно, какие-то мониторы, установленные внутри сквиба, передавали информацию обо всем, что он делает.

– Я еще в состоянии управлять им, - произнес он, с хрипом выдыхая воздух.

Грудь, казалось, была раздавлена его собственным весом, и он испытывал невообразимые муки при каждом вдохе. На приборной панели была отмечена группа рычагов управления, запускавших заранее заданные программы полета. Таких тумблеров было восемь. Он наугад выбрал один из них и переключил в рабочее положение.

Ничего не случилось.

Сквиб все еще управлялся посадочным лучом с земли, сообразил Морли. Мне нужно разблокировать его.

Он нашел соответствующий тумблер, перебросил его рукоятку в противоположное направление. Сквиб завибрировал, а затем, мало-помалу, начал подниматься в ночное небо.

Что-то не так со сквибом, подумал он. Закрылки, должно быть, все еще в положении, соответствующем снижению.

Но теперь он уже едва ли был в состоянии что-либо сделать. Очертания пульта управления стали расплываться перед его глазами. Веки его опустились, он встрепенулся, заставив себя открыть глаза. Боже, мелькнуло у него в голове, я теряю сознание. Неужели эта штуковина вдребезги разобьется, если я потеряю контроль над нею? Или все-таки возьмет курс куда-нибудь, и если так, то куда?

С этими мыслями он вывалился из кресла пилота и упал на пол. На него со всех сторон обрушилась тьма и замкнула его внутри себя.

А пока он так лежал без сознания, сквиб продолжал куда-то лететь.

Зловещий белый свет ударил ему прямо в глаза. Ощущая его обжигающую интенсивность, он еще плотнее сомкнул веки - но не смог избавиться от раздражающего воздействия.

- Стоп, - сказал он самому себе и попытался приподнять руку, но она ему не повиновалась.

Однако ему удалось все же открыть глаза и, дрожа от слабости, осмотреться.

Двое мужчин в черной кожаной форме продолжали лежать неподвижно - в тех же позах, в каких он видел их в последний раз. Ему даже не нужно было проверять, живы ли они. И значит, Белспор тоже мертв - оружие не оглушало свою жертву, - оно убивало наповал.

Где же я, мелькнула у него в голове мысль.

Видеоэкран сквиба был все еще включен, но объектив внешней камеры, по всей вероятности, уткнулся в какое-то препятствие. На экране было плоское, без каких-либо деталей, бесцветное изображение.

Надо привести во вращение гироскоп, который обеспечивает сканирующую траекторию перемещения объектива, подумал он через некоторое время. Осторожно притронулся к раненому плечу. Кровотечение приостановилось. Наверное, они ему солгали. Бэббл, скорее всего, надлежащим образом проделал свою работу.

Теперь экран показывал..., огромный мертвый город. Прямо под сквибом, который вскоре совершил посадку на высоко расположенной площадке между самыми высокими шпилями городских зданий.

Ни малейшего движения, никаких признаков жизни. Никто давно уже не жил в этом городе. На экране были видны только следы полнейшего, безграничного упадка. Как будто, подумал он, это место обитания Форморазрушителя.

Из громкоговорителя над пультом управления не раздавалось никаких звуков. Ему неоткуда ожидать помощи.

Интересно все-таки, куда это меня занесло, подумал Сет Морли. Где во всей Галактике может быть город подобных размеров, обреченный на неминуемую гибель? Оставленный его жителями разрушаться и мало-помалу исчезать с поверхности планеты. Он мертв, наверное, уже не меньше столетия, с ужасом отметил он про себя.

Поднявшись неуверенно на ноги, он проковылял к выходной двери сквиба. Открыв ее с помощью электропривода. - У него просто не было сил, чтобы сделать это с помощью маховика ручного запорного устройства, что было бы намного быстрее, - он выглянул наружу.

Воздух был холодным и затхлым. Он прислушался. Никаких звуков.

Собравшись с силами, он хромая и шатаясь, выбрался на крышу.

Здесь никого нет, отметил он про себя.

А может быть, я все еще нахожусь на Дельмаке-О?

Он задумался. На Дельмаке-О нет такого места, как это. Потому что Дельмак-О - новая для нас планета, мы еще не делали попыток ее заселить. Если не считать наш крохотный поселок, насчитывавший четырнадцать душ.

А здесь все дышит стариной!

Он, все так же шатаясь, снова взобрался на борт сквиба, проковылял к пульту управления и неуклюже взгромоздился на сиденье. Так, углубившись в размышления, он сидел довольно долго, что мне следовало бы немедленно предпринять - такой вопрос он задал самому себе. Мне нужно во что бы то ни стало вернуться на Дельмак-О, решил он. Взглянув на часы, он понял, что прошло около пятнадцати часов с той минуты, когда двое в черной кожаной форме похитили его. Живы ли еще остальные члены группы? Или их убили всех до одного?

Автопилот. В нем есть речевое устройство.

Он включил его и произнес в микрофон:

– Переправь меня на Дельмак-О. Немедленно. - Затем, выключив микрофон, откинулся в кресле пилота поудобнее и стал ждать. Корабль ничего не отвечал.

– Тебе известны координаты планеты Дельмак-О? - произнес он в микрофон. - Ты в состоянии меня туда доставить? Ведь ты был там всего пятнадцать часов тому назад. Разве ты этого не помнишь?

Ничего. Ни ответа, ни звуков набирающих мощность фотонных ракет. В нем отсутствует программа полета на Дельмак-О, сообразил он. Двое в черной коже привели туда сквиб, пользуясь, очевидно, ручным управлением. Или он сам произвел какие-то неправильные манипуляции и заблокировал программу.

Он стал внимательно изучать пульт управления. Читать все, что было выгравировано на выключателях, кнопках, циферблатах, джойстиках..., любые письменные предписания. Ничего, за что можно было бы зацепиться. Ему ничего не удалось узнать из надписей на пульте, не говоря уже об инструкциях в отношении того, как пилотировать сквиб в режиме ручного управления. Я никуда не могу отправиться отсюда, отметил он про себя, потому что не знаю, где я сейчас нахожусь. Все, что я в состоянии сделать, это вылететь наугад. Если конечно, я смогу управлять этой штуковиной вручную.

Его внимание привлек один выключатель, на который он не обратил внимания при первом осмотре пульта. "СПРАВКИ", гласила надпись на нем. Он тут же включил его. Поначалу ничего не случилось. А затем ожил громкоговоритель над пультом управления.

– Спрашивайте.

– Ты можешь указать мне наше местоположение?

– Для этого надо активировать "БОРТИНФОРМ".

– Я на приборной панели не вижу ничего, промаркированного надписью "БОРТИНФОРМ".

– Выключатель не на панели. Он смонтирован над панелью справа от вас.

Сет Морли поднял взор. Да, он именно на этом месте. Включив бортовое информационное устройство, он произнес:

– Ты можешь мне подсказать, где мы сейчас находимся?

Раздалась статические разряды, затем шум, создающий впечатление, будто что-то заработало... И вот он услышал слабый свистящий звук, почти комариный писк. Это заработала механическая часть устройства. А затем из громкоговорителя раздался монотонный голос, воспроизводимый с помощью электронно-акустических средств.

– Да, сссэр. Вы ввв Лондоне.

– В Лондоне! - ошеломленно повторил он. - Как это могло случиться?

– Вввы прилетелииии сссюда.

Как он ни пытался разобраться в мыслях, но такой ответ показался ему лишенным какого бы то ни было смысла.

– Ты имеешь в виду город Лондон в Англии, на Terre? - спросил он.

– Да, сссэр.

Не сразу ему удалось собраться с духом, чтобы задать следующий вопрос.

– Я могу вернуться на Дельмак-О на борту этого сквиба?

– Перелет длитссся шессссть лееет. Ввваш еквиб не ппрпредназначен дляяя таких полетоввв. Напррриимер, он не в сссостоянии разззвить уссскорение доссстаточное, чтобы пппреодолеть сссилу тяжестиии пппланеты.

– Terra, - заплетающимся языком произнес Морли, что ж, это объясняло заброшенность города. Все большие города на Terre - так он слышал - были давно покинуты. Они теперь стали просто ни к чему. Не было даже достаточного количества жителей, которые могли бы их населять, так как все, кроме "страусов", давно эмигрировали с этой планеты.

– Значит, мой сквиб, - произнес он, - высокоскоростной летательный аппарат челночного типа, предназначенный только для местного употребления, только для внутрипланетарных перелетов?

– Да, сссэр.

– В таком случае я мог прилететь в Лондон только с другой точки, находящейся на этой же планете?

– Да, сссэр.

В голове у Морли все звенело, лицо стало мокрым он обильно выступившего пота.

– Ты можешь воспроизвести маршрут своего предыдущего перелета?

– Ррразумеется. - В громкоговорителе в течение следующих нескольких секунд раздавалось только жужжание лентопротяжного механизма. - Да. Ввы летелии сссюда со сследующей отправной ттточки. №ЗР68-222В. А дддо этттого...

– Мне этот набор букв и цифр ни о чем не говорит, - произнес Морли.

– Ты не можешь изложить словами местонахождение этого исходного пункта?

– Нннет. Не сосуществует сслов, которыее могли бы описсать его.

– Ты можешь запрограммировать сквиб на обратный перелет?

– Да, сссэр. Я могу зззагрузить ннеобходимые кккоординаты в процесссор авввтопилота. Я тттакже оббборудован устройствами, кккоторые гарантиируют безззопасность полеттта. Вввключить их?

– Да, - ответил Морли и тяжело опустился в кресло, навалившись грудью на горизонтально расположенную центральную панель управления. Он совсем выбился из сил и испытывал мучительную боль в плече.

– Сссэр, - спросил "БОРТИНФОРМ", - вввам необходима срочная медицинская помощь?

– Да, - отметил Морли.

– Ввы не против, есссли ссквиб доссставит вассс в ближайшее медицинское учреждеение?

Сет Морли в нерешительности призадумался, что-то в самой глубине его сознания подталкивало его к тому, чтобы дать отрицательный ответ.

– Со мной ничего серьезного не случится, - сказал он. - Перелет займет не так уж много времени.

– Да, сссэр. Ссспасибо, сссэр. Я сссейчас ввожу кккординаты, необходимые для полета в точку №ЗР68-222В. И включаюю сссистему безззопасности полета. Сссогласны?

Но на ответ у Морли уже не осталось сил. Очевидно, он потерял крови больше, чем предполагал. А плечо снова начало кровоточить.

На панели управления перед ним засветилось множество огоньков - но он едва уже воспринимал их. Включались и отключались какие-то сервомеханизмы, затем сквиб плавно

поднялся прямо к спящему солнцу; он совершил круг над Лондоном - если это в самом деле был Лондон, а затем повернул на запад.

– Дашь мне устное подтверждение, - проямлил он, - когда мы туда доберемся.

– Да, сссэр. Я вввас разззбужу.

– Я на самом деле разговариваю с машиной? - пробормотал Морли.

– Технически - неорганический искусственный аппарат прото-кккомпьютерного класса... - он продолжал что-то шипеть и заикаться, но Морли уже не слышал его - он снова потерял сознание.

Сквиб же продолжал свой короткий перелет.

– Мы приближаемся к тточке с координатами №ЗР68-222В, - раздался в его ушах пронзительный голос, и он, вздрогнув от неожиданности, пришел в себя.

– Спасибо, - сказал он, поднимая свинцово-тяжелую голову, чтобы взглянуть на видеозэкран.

На нем громоздилось нечто массивное, какое-то время он не мог сообразить, что это такое, - хотя это точно не было поселком, - а затем в ужасе понял, что сквиб вернулся к Зданию.

– Погоди, - быстро сказал он. - Не садись.

– Но нннаши координаты №ЗР68...

– Я отменяю это распоряжение, - решительно отрезал Морли. - Доставь меня в точку, координаты которой предшествовали этим. После некоторой паузы информационное устройство заявило:

– Пппредыдущий ппперелет вввыполнялся в режиме ручного уппправления. Поэтому эти кккоординаты не занессены в пппамять автопилота. У меня нет нникакой вввозможности вычислить их.

– Ясно, - произнес Морли. В самом деле, такой ответ несколько его не удивил. - Ладно, - только и сказал он, наблюдая за тем, как Здание внизу становится все меньше и меньше: сквиб поднимался над ним, описывая широкий полукруг. - Скажи мне, как мне взять на себя ручное управление.

– Ссначала вввам надо переключить тумблер номер дессять в положение, соответствующее вввыведению автопилота из режима автоматического уппправления. Зззатем - вы вввидите большой пластмассовый шар? Вввам нужно кккатать его из ссстороны в сссторону и вввперед-ннназад. Это и яввляется вввыбором направления сквиба. Я предлагаю вввам сначала поуупражняться нннемного, прежде чем я пппе-редам вввам уппправление.

– Немедленно передай управление мне! - в бешенстве воскликнул Морли.

Он увидел, как далеко внизу с крыши Здания поднялись две черные точки.

– Уппправление передано.

Морли стал вращать пластмассовый шар. Сквиб тотчас же заметался из стороны в сторону, затрепетал всем корпусом, а затем нырнул носом вниз в направлении пустынной местности.

– Назад, назад, - предупредил его "БОРТИНФОРМ". - Вввы оппускаетесь ссслышком быстро.

Морли откатил шар чуть назад и на этот раз обнаружил, что курс сквиба стал относительно горизонтальным.

– Я хочу уйти от этих двух кораблей, преследующих меня, - сказал он, - Ввваши умение сссовершать маневры этого кккорабля не настолько...

– Отвечай, ты можешь это сделать? - оборвал он механический голос.

– Я располагаю, - ответил "БОРТИНФОРМ", - обширным набором сслучайных изменений кккурса, каждый из которых ппприведет к тому, что вввы оттторветесь от них.

– Выбирай любой, - сказал Морли, - и следуй ему. Теперь два преследующих его корабля стали намного ближе. И еще он увидел на видеоэкране, как из носовой части обоих высунулись орудийные дула 85-мм калибра. Теперь они могли открыть огонь в любую секунду.

– Ссквиб перешел на случайный ккурс, - не замедлил уведомить его "БОРТИНФОРМ". - Пожалуйста, оденьте привязззные ремни, сссэр.

Морли стал торопливо опоясываться привязными ремнями. Когда замок ремня защелкнулся, его сквиб неожиданно взмыл вверх и стал описывать петлю, называемую специалистами по высшему пилотажу, насколько он помнил, иммельманом. Маневр этот заключался в том, что сквиб неожиданно переменял направление полета на противоположное с одновременным набором высоты, поднявшись теперь намного выше преследовавших его летательных аппаратов.

– Ввключите радар, сссэр, - предложил "БОРТИНФОРМ", - чтобы я мог предугадывать ппредстоящие маневры двух ввышеупомянутых ккораблей. Я ссейчас произвожу перепрограммирование автопилота на такой ррежим, ккоторый бы позволил отторваться от погони. Поэтому вскоре нам ппридется лететь очень близко к пповерхности зземли. Ппусть это ввас не тревожит. - Сквиб нырнул вниз, как сорвавшаяся кабина неисправного лифта. Ошеломленный Морли уронил голову на руки и закрыл глаза. Затем, столь же внезапно, сквиб выровнялся и теперь летел, часто меняя направление полета то в одну, то в другую сторону, одновременно с этим мгновенно реагируя на изменение высоты простиравшейся под ним местности.

Морли продолжал неподвижно лежать в своем сиденье, то и дело преодолевая приступы тошноты от внезапных подъемов или нырков сквиба, сопровождавшихся еще и вращениями вокруг собственной оси.

Раздался какой-то тупой оглушительный звук. Один из кораблей-преследователей то ли выстрелил из орудия, то ли выпустил ракету класса "воздух-воздух". Тотчас же очнувшись, Морли выжидающе стал глядеть на экран. Неужели один из преследователей настолько близок?

Он увидел, где-то вдали, как над землей внезапно вознесся высокий столб черного дыма. Снаряд пролетел мимо недалеке от носа его сквиба почти перпендикулярно курсу, которым он следовал - как раз этого Морли более всего опасался. Это значило, что он загнан в западню.

– У нас есть хоть какое-нибудь оружие? - спросил он у "БОРТИНФОРМА".

– Мы оснащены двумя ракетами класса "воздух-воздух" типа А-120. Включить программу активации их для ответного удара по ккораблю, преследующему нас?

– Да, - сказал Морли.

Нелегко ему было решиться на такой шаг. По сути он впервые за всю свою жизнь предпринимал нечто такое, что может иметь своей конечной целью гибель кого-либо из людей - в данном случае пилотов преследовавших его кораблей, - по своей доброй воле. Но ведь это они первые открыли огонь. Они, не колеблясь, пошли на то, чтобы его уничтожить. И если он себя не защитит, то погибнет сам.

– Рракеты выпущены, сссэр, - раздался новый, совсем другой механический голос из репродуктора, на сей раз он синтезировался электронными цепями самого пульта. - Ввы хотите ввизуально убедиться в их эффективности?

– Да, хочу, - приказал он "БОРТИНФОРМУ".

На экране появилась совсем иная сцена - воспроизводились одновременно два изображения, каждое из которых занимало свою половину экрана, и передавались они видеокамерами, установленными на каждой из выпущенных сквибом ракет.

Ракета на экране слева в цель не попала, она продолжала свой полет дальше и стала постепенно терять высоту, о чем свидетельствовало быстрое увеличение вида местности, куда она должна была угодить. Вторая, однако, летела прямо на свою цель. Корабль-преследователь, заломив

крутой вираж, попытался взмыть вверх, однако ракета тоже изменила свой курс, и через мгновение на экране возникла не сопровождаемая никакими звуками яркая белая вспышка - свидетельство того, что ракета взорвалась. Один из преследователей был уничтожен.

Однако другой продолжал свою атаку, набирая все большую и большую скорость. Пилот его знал, что Морли израсходовал все имевшиеся в его распоряжении боеприпасы и был теперь абсолютно беспомощен.

– У нас на борту есть оружие? - спросил Морли.

– На таких малых по размерам кккораблях, - ответил "БОРТИНФОРМ", - не предусматривается...

– Отвечай просто - да или нет?

– Нет.

– Совершенно ничего?

– Ничего.

– В таком случае я хочу сдаться, - сказал Морли. - Я ранен и, пока сижу здесь, могут умереть от потери крови. Посади сквиб насколько это возможно быстрее.

– Да, сссэр.

Теперь сквиб резко нырнул вниз, но вскоре выровнял курс и стал лететь параллельно земле, на этот раз постепенно снижая свою скорость. Морли услышал, как сработал механизм опускания шасси, а еще через несколько секунд его яростно тряхнуло несколько раз, когда сквиб коснулся земли.

Морли застонал от боли, вызванной прыжками сквиба, затем раздался громкий скрежет, и сквиб, взвизгнув шинами, развернулся под прямым углом к первоначальному направлению своей посадки.

Теперь он остановился уже полностью. Вокруг стояла мертвая тишина. Морли лежал, уткнувшись в центральную часть панели управления, и прислушивался, ожидая услышать рев двигателей второго преследователя. Однако ждал от долго и безрезультатно. Ничто не нарушало царившего вокруг безмолвия.

– "БОРТИНФОРМ" - громко произнес Морли, несмело приподнимая трясущуюся голову. - Он приземлился?

– Он продолжает лететь.

– Почему?

– Не знаю. Он уходит от нас все дальше. Мой рррадар едва его воспринимает. - Пауза, - Теперь он вввне дальности действия моей аппаратуры.

Может быть, он просто не успел на такой скорости заметить, что мой сквиб совершил посадку. Может быть, пилот предположил, что горизонтальный полет моего сквиба на малой высоте является дальнейшей попыткой уйти от радиуса действия его радара.

– Даю команду на взлет, - произнес Морли. - Описывай в воздухе круги все больше диаметра. Мне нужно разыскать поселок, находящийся где-то в этой местности. - Он наугад выбрал направление полета. - Курс - северо-восток.

– Да, сссэр. - Все механизмы сквиба снова ожили, и умело, очень профессионально, подняли его в воздух.

Морли снова расслабился, но на этот раз расположился в кресле пилота так, чтобы постоянно видеть изображение на видеоэкране. Он не очень-то надеялся на успех своих поисков - поселок был невелик, а местность, простиравшаяся перед ним на видеоэкране, пугала своей необозримостью. Только вот - что он мог придумать иное?

Возвратится к Зданию? Но теперь в нем уже выработалось непоколебимое, почти физическое отвращение к нему. От его бывшего желания войти внутрь не осталось и следа.

Это никакая не винокурня, нисколько уже не сомневаясь в этом, твердо решил он. Но что это? Он не знал. И надеялся на то, что так никогда не узнает.

Справа от него что-то блеснуло, что-то металлическое. Он едва приподнял голову. Взглянув на часы на панели управления, обнаружил, что сквиб описывает круги все большего и большего диаметра вот уже почти целый час. Неужели я так долго был без сознания, изумился Морли.

Прищурившись, он вдруг четко различил, что же это все-таки блеснуло там, внизу. Небольшие строения.

– Это поселок, - произнес он.

– Совершить там посадку?

– Да. - Он еще больше подался вперед, чтобы получше разглядеть увиденное, чтобы подтвердить свою догадку.

Да, это был поселок.

Глава 14

Небольшая - настолько маленькая, что у Сета Морли защемило сердце, - группа мужчин и женщин уныло брела к припаркованному сквибу, пока он дожидался полного срабатывания сервопривода открывания выходной двери. Они как-то совсем мрачно глядели на него, пока он, спотыкаясь и раскачиваясь из стороны в сторону, пытался овладеть своим непослушным телом, чтобы выбраться наружу.

Вот они. Расселл, у него было особо суровое выражение лица. Жена Сета Мэри - поначалу очень встревоженная, затем издавшая вздох облегчения при виде его. Уэйд Фрэйзер, который выглядел очень усталым. Доктор Милтон Бэббл, бессознательно жующий свою курительную трубку. Игнаса Тагга среди них не было.

Так же, как и Глена Белснора.

Упавшим голосом, Сет Морли спросил:

– Белснор - мертв, это правда?

Они уныло кивнули.

– Вы первый из всех, кому удалось вернуться, - сухо заметил Расселл. - Вчера поздно вечером мы обнаружили, что Белснор больше уже нас не охраняет. Мы бросились за ним к двери в лазарет - он был уже мертв.

– Поражен электрическим током, - добавил д-р Бэббл.

– И еще ты куда-то исчез, - сказала Мэри.

Взгляд ее оставался тусклым и унылым несмотря даже на то, что он вернулся.

– Вам лучше снова лечь на больничную койку, - сказал ему Бэббл. - Я вообще не представляю себе, каким образом вы умудряетесь до сих пор оставаться в живых. Взгляните-ка на себя - ваша одежда насквозь пропитывалась кровью.

Все вместе они помогли ему добраться до лазарета. Мэри суетливо поправила постель. Сет Морли, пошатываясь из стороны в сторону, терпеливо ждал, а затем позволил уложить себя на кровать. Под голову ему подложили несколько подушек.

– Я намерен еще раз обработать ваше плечо, - сказал ему Бэббл. - Мне кажется, поврежденная артерия все еще продолжает сильно кровоточить...

– Мы находимся на планете Земля, - промолвил Сет Морли.

Все с изумлением воззрились на него. Бэббл так весь и обмер. Сначала он повернулся к Сету, затем снова стал машинально рыться в своих хирургических инструментах. Шло время, но никто не решался заговорить первым.

– А что представляет из себя Здание? - спросил наконец Уэйд Фрэйзер.

– Не знаю. Но мне сказали, что я уже бывал в нем когда-то.

О чем я где-то в глубине души и без того давно уже догадывался, понял он. Может быть, мы все там бывали. Наверное, когда-то в прошлом. И ВСЕ ВМЕСТЕ.

– Почему они нас убивают? - спросил Бэббл.

– Это я тоже не знаю, - ответил Сет Морли.

– Откуда ты узнал, что мы на Земле?

– Всего лишь несколько часов тому назад я побывал в Лондоне. Я видел этот древний, давно покинутый людьми город. Простиравшийся на много миль. Тысячи разрушающихся, брошенных домов, заводов, памятников. ОН больше любого другого города в Галактике за пределами Терры. Так когда-то жили шесть миллионов человек.

– Но ведь на Терре нет ничего, кроме "вольера"! - воскликнул Уэйд Фрайзер. - И никого из

людей, кроме "страусов"!

– Плюс казармы и исследовательские лаборатории "Интерпланет-Веста", - сказал Сет Морли, но тут голос его задрожал: в нем недоставало убежденности. - Над нами экспериментируют, - тем не менее заявил он. - Как мы и предполагали вчера вечером. Военные под началом генерала Тритона. - Но даже в это он уже почти не верил. - В каких воинских подразделениях принята черная кожаная форма? - спросил он. - И высокие сапоги. Мне кажется, их называют...

– Охраной "вольера", - спокойно, даже как-то равнодушно произнес Расселл. - Это что-то вроде вознаграждения для поднятия морального духа охранников. Кому охота работать среди "страусов" - вот и была введена новая форма, где-то три или четыре года тому назад, чтобы повысить настроение персонала.

Мэри бросила испытующий взгляд в сторону Расселла.

– Откуда вам это все известно?

– Потому что, - продолжая сохранять все такое же невозмутимое спокойствие, ответил Расселл, - я один из них. - Засунув руку в куртку, он извлек маленький сверкающий энергопистолет. - Только мы пользуемся такого рода оружием. - Он направил дуло пистолета на своих собеседников и покачиванием его дал им понять, чтобы они расположились как можно ближе друг к другу. - Возвратившись сюда, Морли использовал один шанс из миллиона. - Расселл показал на свое правое ухо. - Меня периодически информировали о происходящем. Я знал о том, что он хочет возвратиться, но ни я, ни мои начальники ни за что бы не подумали, что ему удастся осуществить свое намерение. - Тут он позволил себе улыбнуться. Весьма снисходительно.

Раздался очень громкий, резкий звук.

Расселл обернулся, рука его с энергопистолетом быстро опустилась вниз, а сам он грузно осел на землю, выронив оружие из рук, что это? Сет Морли удивленно привстал, пытаясь разобраться. Ему почудилась какая-то фигура, явно мужская. Странник? Мелькнуло у него в голове. Странник-по-Земле, явившийся чтобы спасти нас? В руке у мужчины был пистолет - старомодный пистолет, стрелявший свинцовыми пулями. Пистолет Белснора, догадался он. Но ведь он у Игнаса Тагга. Сет ничего не понимал. Ничего не понимали и все остальные, беспорядочно поворачиваясь и обмениваясь недоуменными взглядами, пока человек с пистолетом продолжал к ним приближаться.

Это был Игнас Тагг.

А на полу лазарета лежал умирающий Расселл. Тагг наклонился над ним, поднял энергопистолет и засунул себе за пояс.

– Я вернулся, - сумрачно произнес Тагг.

– Вы слышали... - спросил Сет Морли. - Вы слышали, что говорил Расселл...

– Я все слышал, - ответил Тагг, затем как-то нерешительно вынул из-за пояса энергопистолет и протянул его Морли. - Пусть кто-нибудь еще возьмет себе транквилизатор, - произнес он. - Нам они понадобятся все три. Или есть еще? В сквибе?

– В сквибе два, - произнес Сет Морли, беря у Тагга энергопистолет.

Так значит, он не собирается убивать нас без разбору, удовлетворенно рассудил он. Психическое его расстройство прошло. Он сейчас совсем не такой возбужденный, как обычно. Тагг выглядел спокойным, вполне здоровым душевно, лишь несколько встревоженным.

– Не вы мои противники, - сказал Тагг. - Они, - он показал пистолетом Белснора в сторону Расселла. - Я был уверен в том, что кто-то из них затесался среди нас. Я думал, что это Белснор, но жестоко ошибался. О чем теперь очень сожалею.

Все остальные продолжали молчать, ожидая, что будет дальше, что-то должно было случиться совсем уже скоро. Пять пистолетов, отметил про себя Сет Морли. Весьма жалкий арсенал.

Против ракет класса "воздух-земля", 85-миллиметровых орудий и еще, один Бог знает, чего. И стоит ли, стоит ли даже пытаться с ними бороться?

– Обязательно надо, - произнес Тагг, как бы прочитав, что было написано на лице у Морли.

– Я тоже так думаю, - согласился с ним Сет Морли.

– Мне кажется, я догадываюсь, - сказал Уэйд Фрэйзер, - что это за эксперимент.

Все выжидающе повернулись к нему, но он не стал развивать дальше свою мысль.

– Ну, говорите же, сказал Бэббл.

– Я пока еще не вполне в этом уверен, - сказал Фрэйзер.

Мне кажется, что я тоже знаю, отметил про себя Сет Морли. И Фрэйзер тут прав. Пока у нас не будет полной уверенности, пока мы не будем располагать неопровержимыми доказательствами, лучше пока даже не обсуждать это.

– Я тоже догадывалась, что мы на Терре, - тихо произнесла Мэри Морли. - Я это поняла по луне. Я видела луну на картинах..., очень-очень давно, когда была еще ребенком.

– И какой вы из этого сделали вывод? - поинтересовался Уэйд Фрэйзер.

– Я... - Она замаялась в нерешительности, глядя на своего мужа. - Разве это не один из военных экспериментов, проводимых "Интерпланет-Вестом"? Как все мы подозревали?

– Скорее всего, - согласился с нею Сет Морли.

– Тут может быть и другой вариант, - возразил Уэйд Фрэйзер.

– Лучше не говорить о нем, - сказал ему Сет Морли.

– А мне кажется, что лучше все-таки сказать об этом прямо, - настаивал Уэйд Фрэйзер. - Мы должны открыто высказать наши подозрения, и решить, насколько верна эта догадка и что можно предпринять в данной ситуации.

– Н-ну так-то так говорите, - не выдержав сверхнапряжения, выпалил, заикаясь, Бэббл.

– Мы все душевнобольные с преступными наклонностями, - начал Уэйд Фрэйзер. - И когда-то, вероятно, в течение длительного времени, возможно, даже многих лет, содержались внутри того, что мы называем "Зданием". - Он сделал паузу. - В этом случае, Здание могло быть как тюрьмой, так и госпиталем для душевнобольных. Тюрьмой для...

– А что же в этом случае можно сказать о нашем поселке? - перебил его Бэббл.

– Это своего рода эксперимент, - ответил Фрэйзер. - Но проводится он совсем не военными. А тюремным и медицинским персоналом, чтобы проверить, в состоянии ли мы нормально жить на воле..., на планете, предположительно, очень удаленной от Терры. И мы не выдержали этого испытания. Мы начали убивать друг друга. - Он показал на пистолет-транквилизатор. - Вот из него был убит Толлчиф; с этого то все и началось. И сделали это вы, Бэббл. Вы убили Толлчифа. Сюзи Смарт вы тоже убили.

– Нет, - слабым голосом ответил Бэббл.

– Но Толлчифа точно вы убили.

– Почему? - спросил у него Игнас Тагг.

– Я... - начал Бэббл, - догадывался, кем мы являемся на самом деле. Я решил, что Толлчиф как раз тот, кем, как выяснилось, оказался Расселл.

– А кто убил Сюзи Смарт? - спросил Сет Морли у Фрэйзера.

– Не знаю. У меня нет никаких улик. Может быть, Бэббл. Может быть, вы, Морли. Это ваших рук дело? - Фрэйзер поглядел в упор на Сета Морли. - Нет, пожалуй, это не вы. Ну, тогда это, может быть, сделал Игнас Тагг. Но я свою точку зрения высказал достаточно ясно - любой из

нас это мог сделать. У нас всех есть к этому склонность. Благодаря чему все мы и очутились в Здании.

– Это я убила Сюзи, - призналась Мэри.

– Но почему? - удивленно воскликнул Сет Морли. Он никак не мог в это поверить.

– Из-за того, что она вытворяла с тобою. - Голос его жены был более чем спокоен. - И потом, она пыталась убить меня. Она выдрессировала для этого копию здания, Я сделала это в порядке самообороны. А главной виновницей была, конечно же, она.

– Боже праведный! - воскликнул Сет Морли.

– Ты действительно так сильно ее любил? - Суровым тоном обратилась к нему Мэри. - Настолько сильно, что тебе даже непонятно, почему я могла это сделать?

– Я едва был знаком с нею, - произнес Сет Морли.

– Достаточно хорошо знаком, чтобы...

– Ну хватит, - вмешался Игнас Тагг. - Все это теперь уже не имеет ровно никакого значения. Фрэйзер достаточно ясно выразился на сей счет - все мы могли это сделать, и в каждом конкретном случае один из нас так и сделал. - Его лицо при этих словах судорожно дергалось. - И все-таки я считаю, что вы, Фрэйзер, не правы. Я просто не в состоянии в это поверить. Мы не можем быть душевнобольными преступниками.

– А как же тогда объяснить все эти убийства? - возмутился Фрэйзер. - Я догадывался уже довольно давно о том, что каждый из обитателей поселка является потенциальным убийцей. Здесь налицо полное непонимание своих поступков, шизофреническое отсутствие адекватной их оценки. - Он саркастически показал на Мэри. - Взгляните-ка только на то, как спокойно она заявляет, что убила Сюзи Смарт. Как будто это какая-то недостойная внимания мелочь, как будто это вообще ровным счетом ничего. - Затем он показал на Бэббла. - А его сообщение об убийстве Толлчифа - Бэббл убил человека, которого даже толком не знал, убил просто так, на всякий случай - на тот случай, если вдруг он окажется представителем властей. Любым, каким угодно представителем властей.

После некоторой паузы, наступившей после длительной тирады Фрэйзера, доктор Бэббл произнес:

– Вот чего я действительно не в состоянии постигнуть - так это того, кто мог поднять руку на миссис Рокингхэм? Такую прекрасную, достойную, высокообразованную женщину... Она никогда никому не причиняла никакого зла.

– Может быть, никто ее и не убивал, - сказал Сет Морли. - Она была очень больной. Может быть, за нею пришли так же, как пришли за мной, чтобы увезти ее отсюда и сохранить ей жизнь. Как раз именно эту причину мне указывали, когда пришли за мной; мне сказали, что Бэббл неудачно прооперировал мне руку, и я вскоре умру.

– И вы поверили? - спросил Игнас Тагг.

– Не знаю, - откровенно ответил Сет Морли. - Такое не исключено. Ведь они могли просто пристрелить меня здесь, как это сделали с Белснором.

Тут он призадумался - неужели Белснор оказался единственным, кого они убили? Все остальные - дело наших собственных рук? Это подтверждает версию Фрэйзера... Они даже, возможно, не имели намерений убивать и Белснора: они просто очень торопились и в спешке не обратили внимания на то, как настроены их энергопистолеты, в результате чего по ошибке убили его, вместо того, чтобы только оглушить...

И они, по всей вероятности, еще опасались нас.

– Мне кажется, - сказала Мэри, - они старались как можно меньше вмешиваться в наши дела. Ведь это же эксперимент - им нужно было знать, что получится в результате. И когда они увидели, какой оборот приняло дело, они послали сюда Расселла..., и убили Белснора. Однако,

возможно, они не усмотрели ничего особенно плохого, в том, что убили Белснора, - ведь это он застрелил Тони. Даже мы понимаем... - Она запнулась, пытаясь подыскать нужное слово.

- .., его психическую неустойчивость, - закончил за нее мысль Уэйд Фрэйзер.

- Вот именно, неустойчивость его психики. Ведь он мог как-нибудь иначе отобрать у мальчишки этот злополучный меч. - Она легонько прикоснулась к раненному плечу своего мужа, очень легонько, но с чувством. - Но почему они захотели спасти Сета. Он никого не убивал. Он был ни в чем неповинен. А вы... - она гневно, прямо таки с нескрываемой ненавистью обратилась к Игнасу Тагу, - .., вы могли проникнуть в лазарет и застрелить его, когда он там лежал раненый.

Игнас Таг раздраженно махнул рукой. Как бы в знак того, что ему просто противно слушать подобный вздор.

- И миссис Рокингхэм, - закончила Мэри. - Она никогда даже мухи не могла обидеть. Поэтому ее тоже спасли. Когда становится ясным полный провал эксперимента, подобного тому, который производили над нами, то естественно, что будут предприняты попытки спасти то, что еще...

- Все, что вы сейчас сказали, - перебил ее Фрэйзер, - может служить только лишним подтверждением моей правоты. - Он слегка пренебрежительно улыбнулся, как будто его лично это нисколько не касалось, как будто он вообще здесь ни при чем.

- А по-моему, здесь оказался задействован какой-то еще механизм, - произнес Сет Морли. - Они вряд ли допустили бы, чтобы убийства в нашем поселке приняли такой широкий размах. Они должны были предусмотреть такую возможность заранее.

- Наверное, у них не так уж хорошо поставлено наблюдение за тем, что здесь происходит, - предположил Бэббл. - Если они полагались на этих маленьких искусственных насекомых, повсюду здесь шныряющих с миниатюрными телекамерами...

- Я уверен, что это далеко не все, чем они располагают, - сказал Сет Морли. - Мэри, проверь карманы Расселла. Давайте разберемся во всем, что нам удастся обнаружить. Ничего не упуская из поля своего зрения - какие этикетки у него на одежде, какой марки часы, какие обрывки бумажек валяются в карманах...

- Хорошо, - согласилась Мэри и начала осторожно стаскивать с Расселла его модную куртку.

- Его бумажник, - сказал Бэббл, когда Мэри извлекла его из одного из карманов. - Дайте-ка мне взглянуть на то, что в нем. - Он взял у нее бумажник, раскрыл его. - Удостоверение личности. Нед У. Расселл. Место жительства - поселок-купол на планете Сириус-3. Двадцать девять лет. Волосы - каштановые. Глаза - карие. Рост - 182 сантиметра. Имеет право управления летательными аппаратами классов В и С. - Он заглянул в бумажник поглубже. - Женат. Вот стереоснимок молодой женщины, несомненно, его жены. А вот фотографии ребенка.

Какое-то время все хранили молчание.

- В любом случае, - снова заговорил Бэббл, - здесь нет для нас ничего ценного. Ничего такого, что могло бы вызвать у нас какие-либо подозрения. - Он закатал левый рукав рубахи Расселла. - Часы самозаводящиеся, марки "Омега". Хорошие часы. - Он еще выше закатал рукав. - Татуировка, - произнес он. - На внутренней стороне предплечья. Довольно странно - точно такая же татуировка имеется и на моей руке и на том же самом месте. - Он провел пальцами по буквам, вытатуированным на руке Расселла. - "Персус-9". - пробормотал он, после чего расстегнул левый манжет своей рубахи и закатал рукав, продемонстрировав всем свою татуировку.

- И у меня на подъеме ступни имеется такая же татуировка, - отозвался Сет Морли.

Странно, подумал он. Я вот уже много лет даже и не вспоминал о ней.

- Когда она была вам нанесена? - спросил у него Бэббл. - Сам я что-то не припоминаю, когда ее сделали мне. Это было очень давно. Я даже уже не помню, что она обозначает..., если вообще

когда-то это знал. Это что-то вроде некоего воинского опознавательного знака. Местонахождение части, что ли. Например, военная база на планете Персус-9.

Сет обвел взором остальных поселенцев. У всех на лицах было весьма обеспокоенное выражение.

– Значит, у всех у нас есть точно такая же метка, - заключил Бэббл после очень продолжительной паузы.

– Кто-нибудь помнит, когда у него появилась эта метка? - спросил Сет Морли. - Или по какой причине? Или что она обозначает?

– У меня она с самого детства, - отозвался Уэйд Фрэйзер.

– А разве вы когда-нибудь были ребенком? - язвительно бросил ему Сет Морли.

– Что за странные вещи ты говоришь? - удивилась Мэри.

– Просто невозможно представить себе, - пояснил Сет Морли, - что он когда-нибудь мог быть ребенком.

– Ты совсем не так выразился, - возразила ему Мэри.

– Ну не все ли равно, что и как я сказал? - совсем уж раздраженно ответил ей Сет Морли. - Значит, у нас всех есть нечто общее - вот эта отметина, глубоко въевшаяся в нашу кожу. Возможно, те, кого похоронили, тоже были помечены точно таким же образом. Сюзи и все остальные, что ж, давайте признаемся в том, что у нас всех имеется определенный провал памяти. В противном случае мы бы знали, по какой причине нам нанесена эта татуировка и что она означает. Мы бы знали, что такое этот загадочный "Персус-9". - Боюсь, что это подтверждает версию о преступном характере умопомешательства: нам, скорее всего, сделали эти отметины, когда мы были узниками Здания.

Он глубоко задумался, настолько отрешившись от своего окружения, как будто на какое-то время остальные члены группы перестали для него существовать.

– Как в Дахау, - задумчиво вымолвил он. - Я считаю очень для нас важным выяснить, что же все-таки обозначает эта метка. Это первое реальное нами обнаруженное указание на то, кто мы и что это за поселок. Может ли кто-нибудь из вас предложить, как нам выяснить, что означает "Персус-9"?

– Может быть, стоило бы обратиться к справочной библиотеке сквиба? - произнес Тагг.

– Может быть, - согласился с ним Сет Морли. - Во всяком случае, стоит попытаться. Но я предлагаю сперва спросить об этом у тэнча. И я хочу при этом присутствовать лично. Вы можете взять меня с собою в сквиб?

Потому что, сказал он себе, если вы оставите меня здесь, меня убьют как убили Белснора.

– Я позабочусь о том, чтобы вас перенесли на борт сквиба, - сказал д-р Бэббл. - Правда, с одним предварительным условием. Сначала мы сделаем запрос в библиотеке сквиба. Если же ничего не добьемся, то отправимся на поиски тэнча. Но если нам удастся узнать об этом от сквиба, то для чего нам подвергать себя таким...

– Хорошо, - не дав ему договорить, согласился Сет Морли, хотя и понимал, что справочная служба сквиба вряд ли окажется способной в чем-либо им помочь.

Под руководством Игнаса Тагга они принялись за осуществление доставки раненого Сета Морли на борт сквиба.

Снова примостившись перед пультом управления сквиба, Сет Морли включил тумблер "СПРАВКИ".

– Да, сссэр, - прозудело из громкоговорителя.

– Что может означать сочетание "Персус-9"?

Раздалось шипение механизма, а затем электронный голос ответил:

– Я не располагаю информацией о том, что такое "Персус-9".

– Если бы существовала планета с таким названием, она была бы занесена в твою память?

– Да, если она известна администрации "Интерпланет-Вест" или "Интерпланет-Ост".

– Спасибо. - Сет Морли отключил тумблер "СПРАВКИ". - Недаром у меня было такое предчувствие, что здесь мы ничего не добьемся. И еще более сильное предчувствие, что тэнч непременно знает об этом. Ведь, как оказалось, главное предназначение тэнча - отвечать на задаваемые ему вопросы.

Почему это так, спросил он себя, но вот этого он как раз и не знал.

– Я буду пилотировать сквиб, - предложил Тагг. - Вы ранены, вам лучше лежать спокойно.

– Здесь некуда лечь из-за вот этих двоих, - сказал Сет Морли, показывая на два трупа охранников в черной форме.

– Вот он, - сказал Уэйд Фрэйзер, глядя на видеозэкран. - Снижайтесь.

– Хорошо, - весело ответил Тагг. Он подкрутил немного управляющий закрылками шар, и сквиб тотчас начал опускаться.

– Они могут обнаружить наше присутствие здесь? - нервничая, произнес Бэббл. - Те, кто находится в Здании?

– По всей вероятности, - ответил Тагг.

– Но теперь нам уже нет хода назад, - заметил Сет Морли.

– Уверен, что нам удастся и здесь выкрутиться, - сказал Тагг, - просто мы об этом еще не думали.

Он сосредоточил все свое внимание на управлении сквибом. Крошечный летательный аппарат начал быстро скользить вниз и вскоре с шумом приземлился.

– Вынесите меня наружу, - попросил Сет Морли, чувствуя себя на ногах очень неустойчиво.

У него снова стало звенеть в голове. Как будто, подумалось ему, через мой мозг пропускают электрический ток. Это страх, решил он. Страх вызывает у меня такие ощущения. А не рана.

Они осторожно выбрались из сквиба на совершенно безводную, опаленную солнцем пустынную равнину. Пахло чем-то горелым. Мэри от этого запаха стало даже несколько не по себе, она остановилась, закашлявшись.

– А где же река? - спросил, обводя местность взором, Сет Морли.

Река исчезла.

Или мы в каком-то другом месте, подумал он. Наверное, тэнч переменял свое местонахождение. Он увидел его совсем неподалеку от них, хотя тэнчу удалось внешне почти полностью слиться с окружающей средой. Как пустынная жаба, подумал Морли, которая зарывается в песок.

Достав небольшой листок бумаги, Бэббл быстро на нем что-то написал, и передал Сету Морли для ознакомления:

"ЧТО ТАКОЕ "ПЕРСУС-9"?"

– Правильно, - согласился Морли и пустил бумагу по кругу. Все одобрительно закивали

головами. - Ладно, - бодро произнес он. - Положите листок перед тэнчем.

По поверхности огромной сферической глыбы протоплазменной слизи прошла волнистая рябь, как Будто она почувствовала присутствие людей. Затем, когда вопрос уже лежал перед ней, тэнча охватила мелкая дрожь - как будто, подумалось Морли, ему хотелось быть подальше от этого вопроса. Он стал раскачиваться из стороны в сторону, словно вопрос этот причинял ему немалые страдания. Какая-то часть его начала превращаться в жижу.

Здесь что-то не так, понял Сет Морли. Он никогда раньше не реагировал на вопросы подобным образом.

- Отойдите подальше! - раздался предупредительный оклик Бэббла.

Он схватил Сета Морли за здоровое плечо и потащил в сторону.

- Боже ты мой! - воскликнула Мэри. - Он распадается на части! Быстро повернувшись, она рванулась с места и бегом пустилась от тэнча прочь и не останавливалась пока не взобралась назад, в кабину сквиба.

- Она правильно сделала, - произнес УэйдФрэйзер и тоже поспешно ретировался.

- Мне кажется, - сказал Бэббл, - что он вот-вот...

Тэнч издал громкий жалобный вой, заглушив слова Бэббла. Его студенистый корпус еще сильнее стал раскачиваться из стороны в сторону и менять свой цвет. Из-под него сочилась какая-то жидкость, быстро собираясь в окружившую его со всех сторон серую, бурлящую лужу. А затем, пока они все, окаменев от испуга, не отрывали глаз от этого зрелища, тэнч с грохотом лопнул. Сначала он распался на две глыбы, мгновеньем позже - на четыре, и все продолжал распадаться дальше.

- Может быть, это он так размножается, - предположил Сет Морли, пытаясь перекричать жуткий вой, издаваемый тэнчем.

Постепенно этот вой становился все более и более громким. И все более и более жалобным.

- Нет, тут началом новой жизни не пахнет, - переменял свое мнение Сет Морли. - Он просто гибнет у нас на глазах. Это мы погубили его своим вопросом. Он не в состоянии на него ответить. А для него это означает смерть. Навсегда.

- Я заберу вопрос, - Бэббл опустил на колени и отбросил листок бумаги подальше от тэнча.

Но было уже поздно. Тэнч взорвался.

Какое-то время они просто молча стояли, глядя на то, что осталось от тэнча. Повсюду куски студня... Они образовали круг, в центре которого лежала бесформенная компактная масса, похожая на огромную медузу. Сет Морли сделал несколько шагов вперед, в направлении к ней. Мэри и остальные, убежавшие подальше от гибнущего тэнча теперь с опаской шли назад, чтобы вместе с Морли поглядеть на то, что было делом их рук.

- В чем все-таки здесь дело? - возбужденно спросила Мэри. - Что было такого особенного в нашем вопросе, чтобы...

- Это компьютер, - сказал Сет Морли.

Теперь он отчетливо различал электронные компоненты под студнем, выступившие наружу после взрыва тэнча, спрятанная дотеле сердцевина электронного компьютера теперь четко просматривались. Проводники, транзисторы, печатные схемы, магнитные барабаны памяти, туннельные диоды, разнообразные микросхемы тысячами были разбросаны по земле... Множество деталей разлетелось во всех направлениях. Отремонтировать этот компьютер уже не представлялось, насколько он понимал, никакой возможности. Тэнч был уничтожен раз и

навсегда.

– Значит, в основе своей он всегда был неорганического происхождения, - произнес явно ошарашенный увиденным Бэббл. - Вам даже не приходило это в голову, Морли, верно?

– В данном случае интуиция меня подвела, - признался Сет Морли.

– Мне казалось, что это живое существо, которое могло бы ответить на наш вопрос.

– А вот в другом вы оказались правы, Морли, - заметил Уэйд Фрэйзер. - В том, что это явно ключевой вопрос. Только вот что нам теперь делать?

Земля вокруг тэнча стала теперь дымиться, как будто студнеобразное вещество и детали компьютера дали толчок к возникновению какой-то термической цепной реакции, что-то очень зловещее было в этом дыме. Сет Морли нутром ощутил всю серьезность положения, в котором они оказались. Да, подумал он, это цепная реакция, начать которую мы смогли, а вот остановить нам уже никак не удастся. Насколько далеко пойдет эта реакция? Уже начали появляться огромные трещины в почве, окружающей остатки тэнча. Жидкость, бившая струями из различных частей умирающего, агонизирующего тэнча, теперь разливалась по этим трещинам... Откуда-то далеко снизу послышался низкий, утробный звук огромного барабана, как будто что-то гигантское и болезненно-злое было потревожено произошедшим на поверхности земли взрывом.

Небо почернело.

Все еще не понимая, что же происходит, Уэйд Фрэйзер сказал:

– Боже мой, Морли, что это вы натворили своим..., вопросом, - но тут как бы судорога пробежала по всей поверхности земли, что их окружала. - Это место вот-вот взорвется!

Он не ошибся. Теперь повсюду появились трещины. Еще несколько мгновений - и уже не останется даже такого места, куда можно будет безопасно ступить ногой. Сквиб, сообразил Сет Морли. Нужно как можно быстрее удирайте отсюда.

– Бэббл, - прокричал он. - Гоните всех в сквиб!

Но Бэббла здесь уже не было. Оглядевшись вокруг себя, Сет Морли не увидел не только Бэббла, но и всех остальных. Беспокойство его теперь перешло в бурлящую ярость.

Они бросили меня здесь. Они уже в сквибе, вот что он понял. Собрав последние силы, он и сам двинулся в том же направлении. Даже Мэри, что особенно его огорчило. Негодяи. Спотыкаясь на каждом шагу, он добрался до входной двери сквиба. Она была распахнута настежь.

Рядом с ним, с оглушительным скрежетом в грунте появилась быстро расширяющаяся трещина, за несколько секунд она достигла почти трех метров в ширину. Во все стороны от нее ответвлялись новые трещины. Он обнаружил, что глядит уже в глубокий провал. На дне его что-то копошилось. Нечто, покрытое слизью, очень большое, лишенное глаз: оно плыло в черной вонючей жиже, не обращая на него внимания.

– Бэббл, - простонал он и с трудом поднялся на первую ступеньку лесенки, которая вела внутрь сквиба.

Теперь ему было видно, что делается внутри кабины. Пользуясь только здоровой рукой, он неуклюже взобрался на площадку перед входом.

Присмотревшись, он обнаружил, что в сквибе никого не было.

Я один, как перст, в ужасе подумал он. Теперь сквиб весь затрясся и стал крениться, так как начала уже вздыматься почва прямо под ним. Пошел дождь. Морли почувствовал, как на него стали падать горячие черные капли кислотного дождя. Капли этой жуткой жидкости обжигали его кожу. Он пролез в кабину и застыл, тяжело и прерывисто дыша, лихорадочно пытаясь понять, куда же подевались все остальные его попутчики. В кабине не было ни малейших признаков никого из них. Он проковылял к видеоэкрану сквиба... Корпус аппарата по поднимало, то опускало, он весь трясся и, казалось, вот-вот развалится. Его сейчас потянет вниз,

понял Морги. Нужно подниматься, я не могу больше тратить ни секунды на то, чтобы их разыскивать. Он повернул ключ зажигания и запустил двигатель. Качнув на себя шар управления, он поднял сквиб - а внутри его был только он, один-одинешенек - вверх, в черное и страшное небо..., небо откровенно враждебное для любых проявлений жизни. Он слышал, как капли дождя барабанили по корпусу. Капли какой жидкости? Скорее всего, кислоты. Возможно, подумал он, она разъест металл корпуса, погубит и сквиб, и меня.

Расположившись за пультом, он отрегулировал видеозэкран на большее увеличение и стал водить видеокамеру из стороны в сторону, одновременно с этим заставляя сам сквиб описывать круги.

На видеозэкране появилось Здание. Об его цоколь сердито билась набухшая от дождя, грязного цвета река. Здание, оказавшись перед лицом крайней для себя опасности, перебросило через реку временный мост, и Сет Морли увидел, как по этому мосту, пересекая реку, побежали внутрь Здания более десятка людей, мужчин и женщин.

Все они были очень старыми. Седые, дряхлые, они будто раненные мыши, сгрудились толпой и шаг за шагом преодолевали расстояние, отделявшее их от Здания. Теперь он вдруг обнаружил, что все они дряхлые старики. Кто эти люди?

Вглядываясь в видеозэкран, он разглядел Сюзи Смарт и доктора Бэббла. Присмотревшись еще пристальнее, он вскоре узнал всех. Расселла, Бена Толлчифа, Глена Белснора, Уэйда Фрэйзера, Бетти Джо Берм, Тони Дункельвельта, Бэббла, Игнаса Тагга. Мэгги Уолш, старика Берта Кослера - он единственный ничуть не изменился, ведь он уже давно был очень стар - и Роберту Рокингхэм. А замыкала это шествие его жена, Мэри.

Но теперь она была такою же старой, как и ее спутники. Насмерть перепуганная, сгорбленная, она едва брела на нетвердых ногах.

Форморазрушитель завладел ими, сообразил Сет Морли. И проделал над ними такое. А теперь они все на пути туда, откуда когда-то вышли, чтобы остаться там навсегда, чтобы там закончить свой жизненный путь.

Вдруг сквиб стал вибрировать. По всей кабине снова и снова гулко отдавался лязг металла. По корпусу стучало что-то тяжелое, металлическое. Он поднял сквиб выше, и стук ослаб, что это было, задумался Сет Морли и снова притянул к видеозэкрану.

И тогда он увидел...

Здание начало распадаться на части. Отдельные элементы его, толстые куски пластика и металлических сплавов, скрепленные друг с другом, взлетали высоко вверх, будто их туда швыряли разрушительные удары могучего урагана. Хрупкий мост через реку рухнул и, падая, унес с собой тех, кто брел по нему навстречу неминуемой гибели. Они падали в бурлящую грязную воду вместе с обломками моста и исчезали из виду. Но им уже это было безразлично, так как и само Здание рушилось тоже. Они никак не могли найти спасение внутри него.

Я единственный, кому пока что удалось спастись, напомнил он себе. Издав горестный стон, он повернул контрольный шар, и сквиб сошел с круговой траектории, направляясь теперь в направлении поселка.

Двигатель сквиба заглох...

Теперь Морли уже ничего другого не слышал, кроме звуков от ударов капель о корпус. Сквиб по гигантской параболе стал падать все ниже и ниже.

Он закрыл глаза. Всегда и везде, говорил он себе, я делал все, что было в моих силах. Но теперь я уже совершенно бессилён что-либо изменить. И все же я сделал все от меня зависящее...

Сквиб ударился о грунт, подпрыгнул, Морли вышвырнуло из кресла на пол кабины. Отдельные секции корпуса разъехались в стороны, разойдясь по швам. Он почувствовал, как на

него стал литься едкий, очень напоминающий кислоту, дождь, мгновенно пройдя насквозь через его одежду. Открыв остекленевшие от боли глаза, он увидел, что ливень уже прожег во многих местах отверстия в его одежде и стал теперь пожирать ткани его тела. Он понял это всего за какую-то долю секунды - время, казалось, остановилось, а сквиб тем временем переворачивало и переворачивало, то и дело он скользил по грунту в перевернутом состоянии, вверх шасси, но Морли уже не испытывал ни страха, ни отчаяния, ни даже боли. Он просто воспринимал гибель своего корабля - и свою собственную - как какой-то сторонний наблюдатель.

Сквиб в конце концов забуксовал и остановился. Тишина, только стук капель кислотного дождя. Морли лежал, наполовину погребенный искореженным металлом корпуса, фрагментами приборной панели, осколками разбитых фонарей и видеозэкрана. Боже, подумал он, ничего не осталось, и вскоре земля поглотит и сквиб, и меня. Теперь он испытывал какое-то тупое безразличие, понимая, что не долго еще оставалось ему жить, что он умирает, притом умирает почему зря, бессмысленно и одиноко. Как и все остальные, кто еще недавно входил в состав этой группы поселенцев-неудачников. Заступник, взмолился он, вступишь за меня. Стань на мое место. Умри вместо меня.

Подумав так, он стал ждать. И слышал только, как барабанит дождь.

Глава 15

Глен Белснор снял с тупо нывшей головы полиэнцефалический цилиндр, аккуратно опустил его и не очень-то уверенно поднялся на ноги. Потер пальцами лоб, но от этого голова стала болеть еще сильнее. Нескладно все как-то на этот раз получилось, отметил он про себя. Мы все сработали на это раз крайне неудачно.

Слегка пошатываясь, он вошел в корабельную кают-компанию и налил себе стакан холодной минеральной воды из бутылки. Затем стал рыться в карманах, пока не нашел сильнодействующее таблетки от головной боли, положил одну таблетку себе в рот и запил ее глотком прошедшей вторичную обработку воды.

Теперь зашевелились и другие, каждый в своей крохотной индивидуальной ячейке. Стащил цилиндр, заключавший в себе его череп, Уэйд Фрэйзер, а еще в нескольких ячейках от него стала возвращаться в активное гомоэнцефалическое состояние Сюзи Смарт.

Помогая ей высвободиться из тяжелого цилиндра, Глен Белснор услышал сдавленный стон. Исполненный неподдельного горя стон, свидетельствующий о глубоком страдании. Он тут же выяснил, что это Сет Морли.

– Минутку, - сказал он. - Я постараюсь зайти к вам как можно быстрее.

Теперь все они выходили из состояния полиэнцефалического слияния... Яростно сорвал со своей головы тяжелый цилиндр Игнас Тагг, умудрившись одним движением ловко разомкнуть винтовой замок на жесткой застежке, пропущенной с него под подбородком..., веки у него были набрякшими, на бледном, осунувшемся лице - выражение досады и враждебности.

– Подсобите мне, - сказал Белснор. - Мне кажется, Морли все еще в шоковом состоянии. Да еще тут надо помочь оправиться доктору Бэбблу.

– С Морли ничего не случится, - хрипло произнес Тагг, затем стал протирать глаза, лицо его исказилось, как будто им овладел приступ тошноты. - У Морли всегда так.

– Но он все еще в шоке - его смерть, наверное, была особенно жуткой.

Тагг поднялся, уныло кивнул головой.

– Как прикажите, капитан.

– Сделайте так, чтобы ему было тепло, - велел Белснор. - Установите регулятор обогрева на

максимальную отметку. - Сам он склонился над лежавшим ничком доктором Милтоном Бэбблом. - Больше жизни, Милт, - сочувственно произнес он, снимая цилиндр с головы Бэббла.

Там и здесь постепенно приходили в себя остальные члены экипажа. И все без исключения горестно стонали.

Громко, чтобы его слышали все, капитан Белснор сказал:

- Сейчас вы все уже оправились. На сей раз наша затея завершилась полным фиаско, но теперь нам всем станет - как и всегда в подобных случаях - очень и очень неплохо. Несмотря на все то, что вам всем пришлось испытать. Доктор Бэббл сейчас вам сделает уколы - он сам знает какие - чтобы облегчить переход от полиэнцефалического слияния к нормальному гомоэнцефалическому функционированию вашего сознания.

Он выждал какое-то время, затем еще раз повторил все, что только что сказал.

Сет Морли, все еще продолжая время от времени вздрагивать, спросил:

- Мы на борту "Персуса-9"?

- Вы снова на корабле, - успокоил его Белснор. - Снова на борту "Персуса-9". Вы помните, как вы умерли, Морли?

- Со мною произошло нечто совершенно ужасное, еле вымолвил Сет Морли.

- Вы, - напомнил ему Белснор, - были ранены в плечо.

- Я имею в виду то, что произошло позже. После взрыва тэнча. Помню, что летел на сквибе... У него отказал двигатель, и он раскололся..., прямо-таки распался на отдельные части в атмосфере. Меня самого то ли разорвало на куски, то ли раздавило. Я все это время оставался в кабине сквиба, даже тогда, когда он уже пахал фюзеляжем почву.

- Не ждите от меня особого к вам сочувствия, - сказал Белснор. Ведь и он сам в процессе полиэнцефалического слияния был умерщвлен электрическим током.

У Сью Смарт волосы были растрепаны, правая грудь озорно выглядывала между пуговицами блузки. Она осторожно прикоснулась к затылку и поморщилась.

- Вас умертвили ударом камня по голове, - сказал ей Белснор.

- Но почему? - спросила Сью. У нее все еще был совершенно ошеломленный вид. - Что я сделала не так?

- Это не ваша вина, - заметил Белснор. - В этом нашем слиянии мы оказались крайне враждебно настроенными по отношению друг к другу. Мы выпустили на волю всю свою давно уже накапливавшуюся и не находившую выхода агрессивность. Это очевидно.

Ему удалось припомнить с немалым трудом, как он пристрелил Тони Дункельвельта, самого молодого члена команды. Надеюсь, он не слишком будет на меня дуться, успокаивал себя капитан Белснор. Уж кому-кому, а ему это совсем не к лицу. Ведь он сам, давая волю своей враждебности, убил Берта Кослера, корабельного кока.

По сути мы сами перебили друг друга, отметил про себя Белснор. Надеюсь - да что там надеяться, молюсь - что в следующий раз все будет иначе. Должно быть. Как и раньше, в предшествовавших случаях нам все-таки удалось избавиться от большей части своей агрессивности на этом, как он там назывался, Дельмаке-О.

Бэббу, который все еще нетвердо стоял на ногах и до сих пор еще не привел в порядок свою одежду, Белснор сказал:

- Скорей за дело, док. Проверьте, что кому нужно. Обезболивающие средства, транквилизаторы, стимуляторы..., они им всем крайне необходимы. Вот только, - он наклонился и сказал ему на ухо, - не давайте им ничего такого, что у нас в дефиците, как я вам не раз уже говорил раньше а вы с таким постоянством не обращали на это внимания.

Склонившись над Бетти Джо Берм, Бэббл спросил:

- Вам нужна какая-нибудь химиотерапевтическая помощь, мисс Берм?

– Я..., я думаю, что и так отойду, - произнесла Бетти Джо Берм, с трудом приподнимаясь на койке в сидячее положение. - Мне бы просто посидеть немного и отдохнуть... - Ей удалось вяло, как-то вымученно улыбнуться. - Я утонула. - сказала она. - Ну и ну. - Лицо у нее оставалось усталым, но уже не было таким осунувшимся как несколько минут назад.

Обращаясь ко всем членам экипажа, Белснор произнес тихо, но с твердой непреклонностью:

– Я с большим удовольствием стираю из памяти бортового компьютера последний сюжет как слишком неприятный, чтобы прибегать к нему еще когда-нибудь снова.

– Но, - возразил ему Фрэйзер, трясущимися руками пытаясь разжечь трубку, - терапевтический эффект получился в высшей степени приличным. С точки зрения восстановления душевного здоровья.

– Сюжет вышел из-под нашего контроля, - заметила Сью Смарт.

– Так оно и предполагалось с самого начала, - произнес Бэббл, не переставая заниматься другими членами команды, поднимая их, выясняя, что им в данный момент требуется. - Это было то, что мы называем абсолютным катарсисом, то есть полным очищением. Теперь враждебность между нами на борту этого корабля стала куда слабее.

– Бэббл, - сказал Бен Толлчиф, - я могу надеяться на то, что ваша враждебность ко мне исчезла теперь совершенно? - И добавил. - А за то, что вы сделали мне... - тут он озорно подмигнул Бэбблу.

– Значит, это корабль, - пробормотал Сет Морли.

– Да, - несколько язвительно заметил капитан Белснор. - И о чем еще вы начисто позабыли на сей раз? Вы желаете, чтобы вас ввели в курс дела?

Он стал дожидаться ответа, но Сет Морли молчал. Казалось, что он все еще никак не может прийти в себя.

– Дайте ему что-нибудь вроде амфетамина, - велел Белснор доктору Бэбблу. - Чтобы у него прояснился рассудок. - С Сетом Морли всегда так; у него почти начисто отсутствует способность быстрой адаптации к обстановке на борту космического корабля после пребывания в полиэнцефалически сконструированном мире.

– Не беспокойтесь. Все будет в порядке, - сказал Сет Морли. И снова закрыл усталые веки.

С большим трудом поднявшись на ноги, Мэри Морли подошла к своему мужу, опустилась на колени рядом с его койкой и приложила руку к его плечу. Он начал было отодвигаться от нее, все еще помня о ране в плече..., и вдруг, к удивлению своему, обнаружил, что боль прошла. Он осторожно провел ладонью по плечу. Раны не чувствовалось. Тяжелой, сильно кровоточащей раны. Странно, подумал он. Впрочем, так, кажется, бывает всегда. Насколько мне помнится.

– Что-нибудь принести тебе? - спросила у него жена.

– А у тебя самой все в порядке? - поинтересовался он. - Мэри кивнула. - Зачем ты убила Сью Смарт? - произнес он, однако, увидев, как вдруг резко перекошилось ее лицо, тут же добавил. - Да бог с нею. Не знаю сам, почему, - продолжал он, - но на этот раз все как-то необычайно сильно задело меня за живое. Все эти убийства. У нас никогда прежде не бывало их так много. На этот же раз - просто жуть какая-то. Аварийный психовыключатель должен был немедленно прекратить это слияние, как только произошло самое первое убийство.

– Ты слышал, что сказал Фрэйзер? - сказала Мэри. - Это было необходимо ради нашего собственного душевного здоровья. Слишком уж невыносимо напряженной стала обстановка на борту корабля.

Я теперь понимаю, подумал Морли, почему взорвался тэнч. Когда мы спросили у него, что означает "Персус-9". Неудивительно, что он лопнул..., а с ним распался и весь сюжет. Фрагмент за фрагментом.

Огромное, давно ставшее привычным внутреннее помещение корабля приковало к себе его внимание. Он ощутил нечто вроде омерзительного страха, увидев его снова. Для него реальность корабля стала намного более невыносимой, чем - как называлась планета в этом последнем случае - Дельмак-О, вспомнил он, что верно, то верно. Мы располагаем в случайном порядке буквы, выбрасываемые нам бортовым компьютером..., это мы сами придумали такое название, а затем с головой окунулись в продумывание до мельчайших деталей всей этой затеи. И волнующее приключение обернулось нашей поголовной гибелью.

Он поглядел на календарь своих наручных часов. Прошло двенадцать суток реального времени, двенадцать долгих-предолгих суток. А в полиэнцефалическом времени - чуть больше двадцати четырех часов. Если не считать "восьми лет" в "Тэкел Упарсине". Это была искусственная память, введенная в его рассудок в процессе слияния, чтобы придать большее правдоподобие всему полиэнцефалическому приключению.

Что это мы на этот раз придумали особое, спросил он у самого себя, соображая все еще довольно смутно. Целую теологическую систему, припомнил он. В бортовой компьютер были введены все сведения, которыми они располагали о самых распространенных религиозных системах. В "ТЭНЧ-889В" была введена в самых мельчайших подробностях информация об иудаизме, христианстве, исламе, зороастризме, буддизме..., огромный массив сведений, опираясь на который "ТЭНЧ-889В" должен быть сконструировать новую сложнейшую систему религиозных верований, в которой все пригнано друг к другу самым совершенным образом. И ему удалось это сделать, отметил про себя Сет Морли. Содержание "Библии" Спектовского все еще наполняло весь его разум. Заступник, Странник-по-Земле, Наставник - и противостоящий им Форморазрушитель. Рафинированный продукт переработки всего того, над чем неустанно билась пытливая человеческая мысль в процессе своего многотысячелетнего обращения к Богу - цельная, логичная система, вполне пригодная для того, чтобы сопровождать человека с первых дней его сознательной жизни и до самой смерти, успокаивающая, утешающая и ободряющая человека во всех его невзгодах, паутина верований, разработанная компьютером на основе небольшого количества введенных в него постулатов - в частности, постулата о том, что Бог существует.

И сам Спектовский... Тут он закрыл глаза, пытаясь припомнить.

Эгон Спектовский был первым настоящим капитаном этого звездолета. Он погиб во время катастрофы, которая вывела из строя их корабль. Великолепный штрих, придуманный "ТЭНЧем-8898" - сделать их прежнего, горячо всеми любимого капитана, пророком распространившегося по всей галактике вероучения, которое стало одной из главных внутренних пружин, что двигали этим последним из миров, в котором они только что побывали. Благоговейным чувством, которое они питали к Эгону Спектовскому, было пронизано почти все, что происходило с ними на Дельмаке-О, и в каком-то смысле он был для них божеством еще тогда, когда жил с ними на борту корабля. Этот штрих придавал сконструированному миру еще более правдоподобный характер, потому что очень точно сочетался с имевшимися у них психическими установками.

Полиэнцефалический разум, подумал он. Первоначально - игра в уход от действительности, чтобы хоть как-то убить скуку нашего двадцатилетнего полета.

Хотя в общем-то мы могли бы прожить двадцать лет и без подобной психологической поддержки, отметил Сет Морли, зная о том, что полет в любом случае закончится после прибытия к месту назначения. Одна мысль об этом поддерживала бы в нас жизнь и здравый

рассудок. Но случилась авария, и теперь они кружили - а это будет длиться вечно - вокруг мертвой звезды, передатчик же их в результате аварии вышел из строя. Теперь только смерть могла стать избавлением от кошмара бесконечного полета. Вот почему поначалу чисто эскапистская забава, практически ничем не отличавшаяся от других психотерапевтических средств, обычно используемых в дальних межзвездных перелетах, оказалась их единственным спасением от безумия.

Вот что по-настоящему тревожит нас, понял Морли. Страх перед тем, что нас одного за другим начнет постигать безумие, оставляя остальных еще более одинокими. Более обособленными друг от друга и от всего, что объединяет людей.

Боже, подумал он, если бы мы могли вернуться на Альфу Центавра. Если бы только...

Но даже мечтать об этом было совершенно бессмысленно и даже вредно.

Бен Толлчиф, бортиженер, сказал:

- До сих пор не могу поверить, что это мы сами придумали богословскую систему Спектовского - такой реальной она всем нам казалась. Такой внутренне совершенно непротиворечивой.

- В этом главная заслуга компьютера, - заметил Белснор. - Разумеется, она непротиворечива.

- Но основополагающая идея все-таки наша, - сказал Тони Дункельвельт. Он все время смотрел только на капитана Белснора. - На сей раз меня убили вы, - заметил он.

- Мы ненавидим друг друга, - сказал Белснор. - Я терпеть не могу вас, вы отвечаете мне такою же взаимностью. Так по крайней мере было до того, что произошло со всеми нами на Дельмаке-О. - Он повернулся к Уэйд Фрэйзеру. - А знаете, похоже на то, что вы оказались правы. Я сейчас не испытываю такого раздражения как раньше. - И весьма грустно добавил. - Но все это вернется, через неделю-другую.

- Неужели мы настолько сильно не переносим друг друга? - спросила Сью Смарт.

- Да, - ответил Уэйд Фрэйзер.

Игнас Тагг и д-р Бэббл помогли подняться на ноги престарелой миссис Рокингхэм.

- О, мои дорогие, - ее высохшее, старческое лицо раскраснелось, это было поистине ужасно! Какое страшное, жуткое место. Я надеюсь, мы больше никогда не попадем туда еще раз. - Сделав несколько шажков, она подошла к капитану Белснору и потянула его за рукав. - Нам не придется переживать подобное, не так ли? Я совершенно не сомневаюсь, говорю об этом честно и откровенно, в том, что жизнь на корабле куда предпочтительнее этого гадкого, необустроенного уголка вселенной.

- Мы больше никогда не вернемся на Дельмак-О, - заверил ее Белснор.

- Ну и слава Богу - миссис Рокингхэм села; снова Тагг и д-р Бэббл помогли ей. - И вам спасибо, - сказала она обоим мужчинам. - Как это любезно с вашей стороны. А чашечку кофе можно, мистер Морли?

- Кофе? - как это повторил он, а затем вспомнил: он ведь был корабельным поваром. Все драгоценные продуктовые припасы, в том числе кофе, чай и молоко, находились в его ведении. - Я сейчас поставлю кофейник, - сказал он всем членам экипажа.

В кухне он зачерпнул немалое количество полных столовых ложек отличного молотого черного кофе и заправил им кофейник. И в который раз обратил внимание на то, что их запас кофе неуклонно тает. Через несколько месяцев они останутся совсем без кофе.

Но сейчас как раз такой момент, решил он, когда нечего экономить кофе, он сейчас всем крайне необходим, и спокойно продолжил заправку кофейника. Мы все страшно потрясены, отметил он. Как никогда раньше.

В камбуз вошла его жена Мэри.

- Так что же все-таки представляло из себя Здание?

– Здание. - Он наполнил кофейник водой. - Это заводской корпус фирмы "Боинг" на Проксиме-10. Где был сооружен наш звездолет. Где мы взошли на его борт, помнишь? Мы там находились шестнадцать месяцев, проходили стажировку, испытывали корабль, загружали его всем необходимым и устраняли недоделки, чтобы "Персус-9" не подвел нас в дальнем космическом перелете.

Мэри поежилась и спросила еще:

– А эти служащие в черной кожаной форме?

– Не знаю, - ответил Сет Морли.

В камбуз заглянул Нед Расселл, корабельный военпред.

– Я могу сказать, что это за люди. Охранники в черной коже были симптомами наших попыток прекратить дальнейшее разворачивание сюжета и начать все снова - их действия направлялись мыслями тех, кто уже "умер".

– Все-то вы знаете, - коротко заметила Мэри.

– Успокойся, - сказал Сет Морли, обнимая ее за плечи. С самого начала многие из них плохо уживались с Расселлом, что, принимая во внимание характер его обязанностей, было вполне понятным.

– Когда-нибудь, Расселл, - сказала Мэри, - вы предпримете попытку захватить власть на этом корабле..., отобрав ее у капитана Белснора.

– Нет, я этого не сделаю, - спокойно ответил Расселл. - Единственное, что меня больше всего беспокоит - это поддержание мира на борту корабля. Вот почему меня послали вместе с вами. Вот что я и намерен делать в дальнейшем. Независимо от того, нравлюсь ли и сам кому-нибудь или нет.

– Я молю Бога, - сказал Сет Морли, - чтобы на самом деле существовал Заступник. - Ему все еще не верилось, что это они сами придумали религию Спектовского. - В "Тэкел Упарсине", - сказал он, - когда ко мне подошел Странник-по-Земле, он был таким живым, таким реальным. Даже сейчас он кажется мне реальным. Я никак не могу избавиться от этого впечатления.

– Вот почему мы и создали такую религию, - подчеркнул Расселл. - Потому что хотели этого; потому что не было у нас чего-либо подобного, а нужда в этом была крайне велика. Но теперь мы возвратились к реальности. Морли, и снова способны воспринимать то, что нас окружает, таким, каким оно есть на самом деле. Разве так плохо ощущать это, а?

– Плохо, - ответил Сет Морли.

– И вы хотели бы снова очутиться на Дельмаке-О?

Сет Морли задумался.

– Да, - после продолжительной паузы ответил он.

– И я тоже, - присоединилась к нему Мэри.

– Боюсь, - сказал Расселл, - что мне придется и самому согласиться с вами. Как бы плохо нам там ни было, как бы неразумно мы себя ни вели..., там, по крайней мере, у нас была надежда. А здесь на корабле... - Он судорожно махнул рукой. - Надежды нет. Ни малейшей! Пока сами не состаримся, как Роберта Рогингхэм, и не умрем.

– Миссис Рогингхэм повезло, - с горечью в голове произнесла Мэри.

– Очень повезло, - поддакнул ей Расселл, но лицо его побагровело от гнева и сознания собственного бессилия. И от мук, которые причиняли ему эти ощущения.

Глава 16

После обеда в этот же "вечер" они собрались в корабельной рубке. Настало время

разрабатывать следующий полиэнцефалический мир; чтобы отвечать предъявляемым ему требованиям, он должен был быть спроектирован совместными усилиями всех членов экипажа. В противном случае он подвергся бы быстрому разрушению.

За пятнадцать лет полета члены экипажа досконально овладели искусством конструирования подобных воображаемых миров.

Особенно силен был в этом Тони Дункельвельт. Из своих восемнадцати лет почти все время он провел на борту "Персуса-9", и для него находиться в полиэнцефалических мирах стало нормальным образом жизни.

– Мы неплохо преуспели в прошлый раз, - заявил капитан Белснор. - Нам удалось убить почти две недели реального времени.

– А как вы все относитесь к тому, чтобы на этот раз это был водный мир? - спросила Мэри Уолш. - Мы могли бы быть дельфиноподобными млекопитающими, обитающими в теплых морях.

– Это у нас уже было, - возразил ей Расселл. - Около восьми месяцев тому назад. Неужели вы забыли? Ну-ка, проверим... Да, мы назвали его "Аквасома-3" и оставались в нем в течение трех месяцев реального времени. Очень удачный мир, я бы так сказал, и один из наиболее прочных. Разумеется, тогда мы были куда менее враждебно настроены.

– Извините меня, - произнес Сет Морли, поднялся и вышел из рубки в узкий коридор.

Там он долго стоял один, потирая плечо. Оно все еще продолжало слегка ныть, это была чисто психосоматическая память о планете Дельмак-О, которая еще будет у него сохраняться, скорее всего, целую неделю. И это все, подумал он, что осталось у нас от этого конкретного мира. Только боль да быстро увядающая память.

А что, подумал он, если вообразить себе такой мир, где мы сразу, по собственной доброй воле, заляжем мертвецами, погребенными каждый в своем персональном гробу? ВЕДЬ ЭТО КАК РАЗ ТО, ЧЕГО МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТИМ.

На борту корабля самоубийств не было вот уже в течение последних четырех лет. Численность экипажа стабилизировалась, по крайней мере, временно. Пока не скончается миссис Рогингхэм.

Как бы мне хотелось уйти в мир иной вместе с нею, подумал он. Сколько времени, в самом деле, сколько еще удастся нам продержаться? Немного, конечно. Потихоньку сходит с ума Тагг. Не очень-то отстают от него Фрэйзер и Бэбл. Да и я тоже, признался он себе. Возможно, я тоже постепенно теряю рассудок. Уэйд Фрэйзер прав: убийства на Дельмаке-О ясно показывают, сколько безумия и взаимной враждебности накопилось у каждого из нас.

В таком случае, вдруг пришло ему в голову, любой эскапистский мир будет еще в большей степени роковым в дальнейшей нашей судьбе... Здесь нельзя не согласиться с Расселлом - это уже система.

И вот еще что пришло ему в голову. Нам очень будет не хватать мисс Роберты Рогингхэм, когда она скончается; из всех нас она самая добрая и уравновешенная.

А все потому, рассудил он, что она скоро умрет.

Единственное утешение наше. Смерть.

Я мог быть открыть вентиляционные отдушины в различных отсеках корабля, подумал он, и воздух вышел бы из всех помещений нашего корабля. Отсосанный вакуумом окружающей нас бездны. А тогда мы все более или менее безболезненно смогли бы умереть. В одно короткое мгновение.

Он положил ладонь на аварийный запор ближайшего вентиляционного люка. Все, что мне нужно сделать, отметил он про себя, это повернуть запорное кольцо против часовой стрелки.

Вот так он и стоял, держась за запор, но ничего не предпринимая. Ужас задуманного сковал все его мышцы, он как бы окаменел, а время будто остановилось для него, а пространство потеряло

обычную трехмерную протяженность, сжавшись в плоскость.

В дальнем конце коридора, который вел в хвостовой отсек корабля, появился кто-то и стал к нему приближаться. Бородатый, в белом, ниспадающем к полу, свободном одеянии. Мужчина, моложавый и стройный, с ясным, будто излучающим свет лицом.

– Странник, - произнес Сет Морли.

– Нет, - возразил ему незнакомец. - Я не Странник-по-Земле. Я -Заступник.

– Но мы ведь тебя придумали! Мы и "ТЭНЧ-889В"!

– Я здесь, - промолвил Заступник, - чтобы увести вас отсюда. Куда бы вы хотели попасть, Сет Морли? Где бы вам понравилось больше всего?

– Ты имеешь в виду иллюзию? - спросил он. - Подобную нашим полиэнцефалическим мирам?

– Нет, - ответил Заступник. - Вы будете свободны. Вы умрете и воскреснете. Я поведу вас туда, куда вы сами пожелаете, туда, где вам будет лучше всего. Только скажите, куда.

– Ты не хочешь, чтобы я погубил всех остальных, - внезапно все поняв, произнес Сет Морли, - открыв вентиляционные люки?

Заступник склонил свою голову в поклоне.

– К такому решению каждый должен прийти самостоятельно. Никто не имеет права решать за других - у каждого есть право решать только за самого себя.

– Мне бы хотелось стать растением в пустыне, - сказал Сет Морли, - которое могло бы весь день видеть солнце. Мне хотелось бы расти из земли. Скорее всего, кактусом на какой-нибудь жаркой планете. Где никто не станет меня тревожить.

– Договорились.

– И спать, - сказал Сет Морли. - Мне хотелось бы спать, но все же ощущать солнечное тепло и сознавать свое существование.

– Именно так и живут растения, - сказал Заступник. - Они спят. И все же они осознают, что существуют. Очень хорошо. - Он протянул руку Сету Морли. - Ступайте за мною.

Подняв руку, Сет Морли прикоснулся к протянутой руке Заступника. Сильные пальцы сжали его кисть. Он ощущал себя совершенно счастливым. Никогда в своей жизни он не испытывал большей радости.

Вы проживете во сне тысячу лет, - сказал Заступник и повел Сета Морли с того места, где он стоял, к звездам.

Мэри Морли, крайне встревоженная, обратилась к капитану Белснору:

– Капитан, я нигде не могу найти своего мужа. - Она почувствовала, как слезы медленно стали стекать по ее щекам. - Он исчез, - сказала она, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

– Вы хотите сказать, что его нигде нет на борту корабля? - удивленно спросил Белснор. - А разве мог он покинуть корабль, не открыв ни один из люков? Корабль никак нельзя покинуть иначе, но если бы он открыл люк, тотчас же исчезла бы наша внутренняя атмосфера. Мы бы все погибли.

– Я знаю это, - робко сказала она.

– Значит, он должен обязательно быть где-то на корабле. Мы сможем начать поиски его сразу же после того, как завершим проработку контуров нашего следующего полиэнцефалического мира.

– Сейчас! - горячо воскликнула она. - Ищите его сейчас!

– Не могу, - ответил Белснор.

Она повернулась и понуро побрела прочь.

– Вернитесь. Вы должны помогать нам.

– Я не вернусь, - сказала она и побрела дальше по коридору, пока не дошла до дверей камбуза. Мне кажется, он должен был заглянуть сюда, подумала она. Его дух, его присутствие все еще ощущается здесь, в камбузе, где он провел так много дней своей жизни.

Сжавшись вся от тесноты в крохотном камбузе, она слышала, как постепенно умолкают голоса остальных членов экипажа, и поняла, что они снова входят в состояние полиэнцефалического слияния. На этот раз без меня. Надеюсь, сейчас они очень счастливы. Впервые за все это время я не с ними, подумала она. Я пропустила это слияние, что же мне теперь делать? Куда податься?

Только теперь до нее окончательно дошло, насколько она одинока. Нет рядом Сета. Нет остальных. В ведь мне без них никак не обойтись.

Медленно, шаг за шагом, крадучись, прошла она в корабельную рубку.

Вот они лежат, каждый в своей крохотной индивидуальной ячейке, их головы скрыты цилиндрами, увенчанными множеством отходящих от них проводов. Задействованы все цилиндры, кроме ее..., и Сета. Вот так она и стояла, в полной нерешительности. Ей очень хотелось узнать, что же все-таки заложили они в компьютер на этот раз. Каковы начальные условия и что вывел из них "ТЭНЧ-889В"?

Каков будет их следующий мир?

Она пробежала взглядом по органам управления еле слышно гудящего компьютера..., но из всех их только Глен Белснор по-настоящему знал, как им управлять. Разумеется, к услугам бортового компьютера могли прибегать и другие члены экипажа, но она не умела расшифровывать заложенные в него программы и настройки различных подсистем, как ничего не понимала в закодированных перфолентах, которые медленно выползали из щелей его выходного терминала. Какое-то время она так и стояла в задумчивости рядом с компьютером, бесцельно вертя в руках проперфорированную ленту..., а затем, совершив над собой усилие, приняла окончательное решение. Это новое место непременно должно быть очень приятным, убедила она себя. Мы изрядно поднаторели в подобных делах, поднакопили богатый опыт. Этот мир совсем не такой, как те кошмарные миры, в которых мы зачастую обнаруживали себя поначалу.

Правда, враждебность, даже кровожадность, значительно выросла. Но все эти убийства не были реальными. Они были такими же иллюзорными, как убийства, которые сняты во сне.

И как легко все это давалось. С какой легкостью ей, например, удалось убить Сюзи Смарт.

Она легла на койку, которая была предназначена специально для нее и была установлена в ее собственной индивидуальной ячейке, включила систему жизнеобеспечения, а затем, облегченно вздохнув, надвинула на голову до самых плеч своей индивидуальной цилиндр. В ушах сначала послышался слабый низкочастотный гул; этот гул вселял в нее дополнительную уверенность, она множество раз слышала его в прошлом, на протяжении всех этих долгих и томительных лет.

Ее окутала тьма; она вдохнула ее в себя, она буквально жаждала ее... Тьма все больше сгущалась, и вскоре она поняла, что это ночь. И тогда ей страстно захотелось, чтобы поскорее наступил день, чтобы явился ей мир - тот новый мир, который она еще пока что не в состоянии была видеть.

Кто я? Теперь это утратило для нее ясность. "Персус-9", потеря Сета, их пустая жизнь загнанных в тупик людей - все это постепенно исчезало, как сброшенное с души бремя. Все мысли ее были заняты только грядущим рассветом; приподняв запястье к лицу, она пыталась выяснить, который сейчас час. Но часы не шли. Да и ничего не было видно.

Однако сейчас она уже могла различать звезды, которые временами закрывала легкая дымка облаков.

– Миссис Морли, - раздался нервный мужской голос. Теперь уже полностью очнувшись, она открыла глаза. К ней шел с какими-то официальными бумагами в руках главный инженер кибуца "Тэкед Упарсин".

– Вы получили разрешение на перевод, - сказал он ей. С этими словами он передал ей бумаги. - Вы отправляетесь в поселок на планете... - он нахмурился, пытаясь вспомнить, - Дельмар.

– Дельмак-О, - поправила его Мэри Морли, пробежав взглядом перевод. - И я должна отправиться туда на ялике.

Ей очень захотелось узнать, что это за планета Дельмак-О. Раньше она никогда о такой не слышала. Но тем не менее, название это звучало для нее в высшей степени заманчиво, оно прямо-таки ее заинтриговало.

– Сет тоже получил перевод? - спросила она.

– Сет? - Госсим удивленно поднял бровь. - Кто это "Сет"?

Она рассмеялась.

– В самом деле, очень забавный вопрос. Я сама не знаю, кто это. Да впрочем, как я полагаю, это не имеет никакого значения. Я так рада, что получила разрешение на этот перевод...

– Не говорите мне об этом, - характерным для него грубоватым тоном перебил ее Госсим. - Что касается меня, то я освобождаю вас от всех ваших обязанностей в кибуце. - Круто развернувшись, он важно зашагал прочь.

Новая жизнь, подумалось Мэри. Новые возможности, новые переживания, новые знакомства. Интересно, понравится ли мне этот Дельмак-О? Да, уверена, обязательно понравится.

Легкой танцующей походкой она направилась в жилую зону центральной усадьбы кибуца, чтобы начать паковать вещи.